

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2013. № 1

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199178,
Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс.: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал
«Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
- © Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2013
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета;
- Артамонов В. С.** — доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Двас Г. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Журавлев В. П.** — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);
- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва);
- Киричук С. М.** — доктор социологических наук (Москва);
- Михеев Ю. А.** — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации (Москва);
- Понеделков А. В.** — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Ростов-на-Дону);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Суслов В. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (Новосибирск);
- Филиппов Г. Г.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Шевченко В. Я.** — доктор химических наук, профессор, действительный член Российской академии наук, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — *главный редактор*;
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елфимов Г. М.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*;
- Клюев А. В.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Курзев В. А.** — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 А. А. ВАСЕЦКИЙ, А. С. КУДАКОВ**
Борьба с коррупцией в России: попытка концептуального подхода
- 14 Л. Г. КАРАНАТОВА, Н. А. МАКЕДОШИНА**
Развитие системы ответственности в сфере публичного управления
- 22 И. И. МАКАРОВ**
Принципы проведения правовых экспериментов в организации местной власти: взгляды советских юристов

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 29 И. М. ЛЕВКИН, В. И. ШАЦКАЯ**
Применение метода фреймовых сценариев при прогнозировании внешнеполитической обстановки на примере размещения элементов ПРО США в Европе
- 38 С. В. АКОПОВ**
Россия и Европа в политической философии М. К. Мамардашвили
- 48 А. И. СОСНИЛО, Е. Ю. МАЙОРОВА**
Роль государства в обеспечении информационной безопасности РФ и формировании культурных ценностей и ориентиров в молодежной среде и сохранении традиционных ценностей старшего поколения
- 54 А. Л. САГАЛОВА**
Лига Наций во внешней политике Великобритании (1929–1931 гг.)
- 61 Ю. А. АСТАХОВА**
Парламентаризм и политическая модернизация в России: между историческим традиционализмом и демократическим транзитом
- 68 Т. О. ГНАТЮК**
Проблемы интеграции беженцев в украинское общество

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 77 А. Е. КАРЛИК, А. Г. КОМАРОВ**
Промышленная политика, кризис и посткризисное развитие промышленности Санкт-Петербурга
- 85 С. Д. МАРТЫНОВ**
Модернизация и социальный капитал России
- 93 К. Н. МУРАВЬЕВА**
Инвестиции в человеческий капитал

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 99 В. Н. КОЛЕСНИКОВ**
Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе

- 109 Г. А. ЕВДОНИН, Е. Н. ПОПОВА, Е. И. ТАГИЛЬЦЕВА**
Моделирование систем массового обслуживания
с взаимопомощью каналов
- 115 М. Г. РЫБАКОВА**
Международный аспект культурной политики. Опыт России
и зарубежных стран

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 124 В. К. КАРНАУХ**
Война в традиционном обществе: антропологический подход
- 132 А. И. КУГАЙ**
Пространство репрессивной логократии
- 138 И. Н. БЕЛОБОРОВОДА**
Региональная структура государственного управления
природопользованием Европейского Севера России в середине
XIX — начале XX в.
- 150 М. А. АЛЯКРИНСКАЯ**
Власть, общество и искусство: к проблеме культурной нормы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 158 Ю. В. КОСОВ**
Рецензия на монографию «Коррупция и государство.
„Черная дыра“ экономики России»

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 A. A. VASETSKIY, A. S. KUDAKOV**
Fight Against Corruption in Russia: Attempt of Conceptual Approach
- 14 L. G. KARANATOVA, N. A. MAKEDOSHINA**
Development of System of Responsibility in the Sphere of Public Management
- 22 I. I. MAKAROV**
The Principles of Carrying out Legal Experiments in the Organization of Local Government: Views of the Soviet Lawyers

POLICY AND LAWFUL STATE

- 29 I. M. LEVKIN, V. I. SHATSKAYA**
Application of the frame scenarios method when forecasting the foreign policy situation on the example of placement of elements of missile defence of the USA in Europe
- 38 S. V. AKOPOV**
Russia and Europe in political philosophy of M. K. Mamardashvili
- 48 A. I. SOSNILO, E. Yu. MAYOROVA**
The role of the government in ensuring the information security of the Russian Federation and the formation of cultural values and guidelines for the youth and the preservation of the traditional values of the older generation
- 54 A. L. SAGALOVA**
League of the Nations in Foreign Policy of Great Britain (1929–1931)
- 61 JU. A. ASTAKHOVA**
Parliamentarism and Political Modernization in Russia: between a Historical Traditionalism and Democratic Transit
- 68 T. O. GNATUK**
The Problems of Integration of Refugees in Ukrainian Society

POWER AND ECONOMY

- 77 A. E. KARLIK, A. G. KOMAROV**
Industrial policy, crisis and post-crisis development of the Saint-Petersburg industry
- 85 S. D. MARTYNOV**
Modernization and Social Capital of Russia
- 93 K. N. MURAVIOVA**
Investments in human capital

SOCIETY AND REFORMS

- 99 V. N. KOLESNIKOV**
The Network Analysis of Political Stability of Transforming Societies
- 109 G. A. EVDONIN, E. N. POPOVA, E. I. TAGILTSEVA**
Modeling of System of Mass Service with Mutual Aid of Channels (on the Example of the Telecommunication Company)

- 115 M. G. RYBAKOVA**
International aspect of cultural policy. Experience of Russia and foreign countries

HISTORY AND CULTURE

- 124 V. K. KARNAUKH**
War in Traditional Society: Anthropological Approach
- 132 A. I. KUGAY**
Space of a Repressive Logocracy
- 138 I. N. BELOBORODOVA**
Regional Structure of Public Administration of Environmental Management of the European North of Russia in the Middle of XIX — the Beginning of the XX century
- 150 M. A. ALYAKRINSKAYA**
Authority, society and art: the problem of cultural standards

SCIENTIFIC LIFE

- 158 YU. V. KOSOV**
Review of the monograph of V. P. Kirilenko and R. V. Dronov
"Corruption and state. 'Black hole' of economy of Russia"

Уважаемые читатели и авторы!

Вот и наступил новый 2013 год. Журнал «Управленческое консультирование» вступил в этот год обновленным — в новом формате, с новой ежемесячной периодичностью выхода. С момента основания в 1995 году журнал прошел большой путь. Начинался он с тоненькой брошюрки и вырос до авторитетного издания, состоящего в перечне ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, приобрел своего читателя, авторов, стал одним из немногих научных изданий, уделяющих внимание проблематике развития государственной и муниципальной службы России.

Журнал всегда открыт для научных дискуссий, обмена мнениями, для публикации результатов исследований по вопросам подготовки руководителей новой формации, формирования положительного имиджа чиновника, обеспечения непрерывного повышения квалификации, предъявляемых временем требований к расширению границ профессиональной компетенции, для обмена практическими наработками.

Благодаря нашим авторам, опыту членов Редакционного совета, редакционной коллегии, профессионализму научных редакторов — специалистов в различных областях знаний в каждом номере журнала читатель всегда найдет для себя интересные и актуальные материалы.

От имени Редакционного совета и редколлегии журнала «Управленческое консультирование» поздравляю вас с наступившим 2013 годом.

Пусть этот год принесет вам новые творческие идеи, будет способствовать успеху во всех ваших начинаниях!

*Директор СЗИУ РАНХиГС,
главный редактор журнала «Управленческое консультирование»,
д. э. н., действительный государственный советник
Российской Федерации 1-го класса
В. А. Шамахов*

**А. А. Васецкий
А. С. Кудakov**

**A. A. Vasetskiy
A. S. Kudakov**

Борьба с коррупцией в России: попытка концептуального подхода

Fight Against Corruption in Russia: Attempt of Conceptual Approach

Васецкий Андрей Анатольевич

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой местного самоуправления
и территориального развития
Доктор политических наук, профессор
vasetskiy@szags.ru

Кудakov Андрей Степанович

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры местного самоуправления
и территориального развития
Доктор экономических наук
kudakov@szau.ru

Vasetskiy Andrei Anatolievich

North-West institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Local Government and Territorial
Development
Doctor of Political Science, Professor
vasetskiy@szags.ru

Kudakov Andrei Stepanovich

North-West institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Local Government and
Territorial Development
Doctor of Science (Economy)
kudakov@szau.ru

Ключевые слова:

бюрократия, бюрократический аппарат, коррупция, борьба с коррупцией, чиновник, государственный служащий, государственная служба, социальный статус, престижность профессии, мотивация, творческий потенциал, предпринимательская активность, самореализация, уровень личного дохода, контроль личных доходов, контроль личных расходов, предпринимательская активность, конкурентная среда, муниципальная служба

В статье проводится анализ причин возникновения коррупции, рассматриваются формы ее проявления и механизмы развития.

Предлагается авторский взгляд на сущность коррупции и возможность снижения уровня коррупции в России. Обосновывается взаимосвязь между уровнем коррупции и количеством чиновников в аппарате государственного управления, при этом должность чиновника в государственной службе рассматривается как приоритетный способ достижения социального статуса. Обосновывается наличие зависимости между карьерным ростом в сфере государственной службы и стремлением к самореализации и раскрытию личностного потенциала.

Key words:

bureaucracy, officialdom, corruption, fight against corruption, official, civil servant, public service, social status, prestigiousness of a profession, motivation, creative potential, enterprise activity, self-realization, level of the personal income, control of the personal income, control of personal expenses, enterprise activity, competitive environment, municipal service

In the article the analysis of the reasons of emergence of corruption is carried out, forms of its manifestation and development mechanisms are considered.

The authors' view of essence of corruption and possibility of decrease in level of corruption in Russia is offered. The interrelation between level of corruption and number of officials in public administration is settled. The position of the official in public service is considered as a priority way of achievement of the social status is considered. Existence of correlation between career growth in the sphere of public service and aspiration to self-realization and disclosure of personal potential is settled.

The concept of the anticorruption mechanism based on development of an enterprise initiative

Разработана концепция антикоррупционного механизма, основанного на развитии предпринимательской инициативы наиболее активной части населения, создании множественных центров формирования социального статуса и реализации творческого потенциала. На базе изменения соотношения дохода и риска в различных сферах деятельности предполагается формирование условий для перемещения центра реализации творческого потенциала из сферы государственной службы в сферу бизнеса и создание в бизнес-среде предпосылок развития здоровой конкуренции.

Статья носит концептуальный характер и нацеливает на формирование дискуссионной площадки, на которой высказанные тезисы в процессе обсуждения могут быть уточнены и конкретизированы. Авторы в дальнейшем также предполагают дополнять материал более конкретными и подробными обоснованиями и предложениями.

Сегодня уже ни у кого нет сомнений, что коррупция — это абсолютное зло: она разъедает общество, разрушает экономику страны.

Масштабы этого явления настолько велики, что факты коррупции перестали быть частным случаем, превратились в проблему, угрожающую устойчивости государства. Усилия, прилагаемые сегодня к ее решению, направлены на борьбу с отдельными проявлениями коррупции, в то время как бороться с коррупцией необходимо как с явлением системным.

Коррупция тесно связана с управлением имущественными и неимущественными государственными ресурсами. Иными словами, коррупционеры возникают в сфере распределения благ от имени государства. При этом, распределяя блага, которые им лично не принадлежат, коррупционеры хотят получать вознаграждение за реализацию права распоряжения этими благами.

Не имея прямой возможности владеть благом и будучи ограничены законом в пользовании благом, коррупционеры используют возможность распоряжения этим благом для личного обогащения. Коррупционеры — это служащие, незаконно использующие свое служебное положение в неслужебных целях.

of the most active part of the population, creation of the multiple centers of formation of the social status and realization of creative potential is developed. On the basis of change of a proportion of the income and risk in various fields of activity, formation of conditions for movement of the center of realization of creative potential, from the sphere of public service to the business sphere, and creation in a business environment of preconditions of development of the healthy competition is supposed.

The article has conceptual character and aims at formation of a discussion platform at which the stated theses in the course of discussion can be specified and concretized. Authors, further, also assume to supplement a material with more concrete and detailed justifications and offers.

Коррупция, представляющая собой разветвленную систему теневых отношений, формируется в результате активной деятельности индивидуальных коррупционеров в среде развитой бюрократии. Бюрократия, в свою очередь, является прямым результатом развития и необходимым элементом современных систем государственного управления.

Иными словами коррупция как производная от бюрократии является неизбежной частью системы государственного управления и представляет собой своеобразную плату общества за управление им.

Распространенность и влияние коррупции на государство зависят от многих факторов. Важнейшими из них являются объем распределяемых благ, а также численность бюрократического аппарата. Чем большее количество благ распределяется через систему государственного управления, тем более она подвержена коррупции. Чем более громоздка система государственного управления, тем выше вероятность возникновения в ней коррупционеров, выявить которых чрезвычайно сложно, практически невозможно.

Более того, коррупция способна к саморазвитию. Бюрократический аппарат,

являясь средой для возникновения коррупции, постоянно привлекает и втягивает в свой состав потенциальных коррупционеров, повышая уровень коррумпированности в обществе. Общество стремится контролировать размер бюрократического аппарата, удерживать его в рамках, не слишком обременительных для общества, пытается препятствовать развитию коррупции, но это далеко не всегда удается. При значительном расширении государственного управленческого аппарата и достижении определенного уровня бюрократизации в государстве коррупция достигает критического уровня, за которым становится практически неконтролируемой.

Но в то же время для обеспечения управляемости в обществе, развития его экономики и системы социального обеспечения необходимо иметь развитый, квалифицированный, высокопрофессиональный бюрократический аппарат.

Современный бюрократический аппарат в Российской Федерации в значительной степени соответствует этим требованиям. Он состоит из самых активных представителей общества, имеющих хорошее образование и высокие профессиональные навыки. Фактически, это «элита общества», «цвет нации». Современным чиновникам при продвижении по служебной лестнице пришлось выдержать многоступенчатый конкурентный отбор, в результате которого остались наиболее подготовленные и целеустремленные. Но что же привлекло этих активных людей на административные должности? Зачем они боролись за место в бюрократическом аппарате? Все ли они пришли в чиновники с целью укрепления государства и улучшения жизни его граждан? И даже если так, была ли эта цель единственной или хотя бы главной?

Российская практика показывает, что весьма значительная часть представителей бюрократического аппарата в качестве основной цели определила не работу на укрепление государства, а получение доступа к различным благам, которые можно приобрести, используя свое служебное положение. Эта цель

очевидна, недаром именно к ней приковано общественное внимание, когда речь заходит о проблемах коррупции среди чиновников. Но нам представляется, что более важной, глубинной целью значительной, если не абсолютной, части представителей бюрократического аппарата является *стремление к самореализации*. Эта цель не всегда ярко проявляется, но она является одной из основных в мотивации поведения амбициозных и целеустремленных людей.

Одним из способов самореализации является приобретение особого статуса, состоящего в общественном признании состоятельности и успешности. В современном обществе наибольшее распространение получило представление, что такой статус определяется доступом к материальным благам. Не останавливаясь специально на анализе предпосылок, отметим, что такое представление о статусе имеет объективные основания, уходящие корнями глубоко в историю. Общественная практика показывает, что обеспечение доступа к материальным благам является наиболее быстрым и эффективным способом получения статуса и, по мнению многих, единственной возможностью самореализации. В таких условиях наиболее активная часть общества выбирает ту сферу деятельности, в которой, по ее представлению, доступ к материальным благам наиболее широк. В современных условиях этот выбор достаточно ограничен. К небольшому числу наиболее предпочтительных видов смело можно отнести профессиональную деятельность в сфере государственного управления. Именно поэтому значительная часть общества стремится работать в сфере государственного управления, что, собственно, и создает высокую конкуренцию при поступлении на должности государственной службы.

Это подтверждается в том числе и тем фактом, что в сферу государственного управления стремится молодежь. Конкурс на обучение по специальностям, связанным с государственным управлением, многократно превышает конкурс в вузы на технические специальности. Очевиден перекосяк в представ-

лении о престижности различных профессий.

Эффект «престижности профессии государственного чиновника» усиливается в том числе и по причине сложности, а порой и невозможности получения статуса в обществе иным способом. Если рассматривать достижение статуса в обществе с точки зрения получения доступа к материальным благам, то разные профессии и виды деятельности обладают различными характеристиками. Учитывая возможность возникновения проблем, при доступе к материальным благам в качестве обобщающей характеристики целесообразно использовать соотношения дохода и риска.

По сравнению с большей частью других видов деятельности профессия «чиновник» имеет значительные преимущества: доход в этой деятельности более высокий, а риск значительно ниже. Доход, который получает чиновник, состоит не только из заработной платы (достаточно высокой), но включает и другие материальные и нематериальные блага. Это различные выплаты и премии, высокий уровень социального и пенсионного обеспечения, наличие корпоративных связей, возможность получения дополнительных доходов.

Низкий уровень рисков, связанных с деятельностью чиновника, определяется рядом факторов: недостаточная эффективность контроля сверху, отсутствие контроля снизу, корпоративная солидарность, мягкость наказания за нарушения и проступки, выборочность наказания (обычно наказание следует за проступки, имеющие общественный резонанс, редко осуществляется по иным мотивам).

В других сферах деятельности — при сопоставимом доходе более высокий риск или при сопоставимом риске более низкий доход. Даже в бизнесе на сегодняшний момент сложилось менее благоприятное соотношение дохода и риска. Современный российский бизнес представлен в основном крупными компаниями (около 90% ВВП), которые тесно связаны доходами и рисками с властными структурами. Мелкий бизнес, за редким исключением, и объективно и субъектив-

но имеет высокие риски и ограниченные доходы. Иначе говоря, соотношение дохода и риска в должности чиновника обладает неоспоримыми преимуществами по сравнению с другими видами деятельности.

В результате складывается (и фактически уже сложилась) ситуация, когда количество желающих стать чиновниками в аппарате государственного управления превращается в качество. Штат аппарата управления неуправляемо разрастается, на управленческие должности приходят работники, не обладающие необходимыми деловыми и моральными качествами, возникает и разрастается коррупция.

Усиление коррупции беспокоит и общество, и руководителей государства. Борьба с коррупцией ведется на различных уровнях и разнообразными методами, но результат удовлетворяет далеко не всегда и не всех.

В современных условиях основные направления борьбы направлены на совершенствование законодательства, детальную проработку регламентов и процедур, введение более жесткого наказания, создание новых контролирующих органов. Предлагается широкий спектр мер по воспитанию и перевоспитанию чиновников. Но, как показывает практика, эффективность этой борьбы невысока. Коррупция продолжает существовать, развиваясь и укрепляясь, в том числе за счет создания новых органов контроля, и остановить этот процесс силами самого бюрократического аппарата невозможно.

Напрашивается весьма печальный вывод: победить коррупцию невозможно... Но и мириться с ней нельзя. Развитие коррупции приводит к нарушению управляемости в государстве со всеми необратимыми негативными последствиями. Каким же образом общество может противостоять этому процессу и его разрушительным последствиям?

Для решения проблемы необходимы новые, нетрадиционные подходы, новые направления действий. Некоторые из них могут быть отнесены к жестким и рискованным, но в современных условиях они необходимы. Предлагаемые изменения можно разделить на два блока, которые

могут дать эффект только при их одновременной реализации.

Первый блок. Изменение соотношения дохода и риска в профессии государственного служащего.

Увеличение риска. Это направление борьбы с коррупцией можно назвать традиционным. Используемые здесь методы достаточно хорошо известны и распространены, их нужно продолжать развивать и совершенствовать.

Необходимо ужесточение наказания за коррупционные преступления, особенно крупные, усиление контроля деятельности чиновников, повышение ответственности за результаты и др. При этом важно не уходить в крайности и оставаться в рамках цивилизованного общества. Более строгими должны быть требования к кандидатам на должности государственной службы. Больше внимания должно уделяться их морально-этическим качествам. При продвижении по службе чиновник должен доказывать свою профессиональную пригодность на каждой ступени служебной лестницы. Было бы логично, если бы при приеме на государственную службу выдвигались обязательные условия. Например, прохождение службы в армии, стаж работы в органах местного самоуправления или социальной защиты, либо волонтерство в социально значимых сферах. Более высокими и жесткими должны быть требования к уровню и качеству образования государственных служащих.

Снижение доходности. Действия в этом направлении наиболее болезненны и при обсуждении вызывают сомнения и споры.

Снижение доходности включает в себя снижение (либо замораживание) чиновникам заработной платы. Это должно касаться и других видов дохода (премий и выплат, социального и пенсионного обслуживания, дополнительных доходов, льгот), а также снижения расходов на содержание аппарата. В качестве варианта может быть предложено доведение зарплаты чиновника до среднего по региону или отрасли уровня заработной платы. Кроме того, необходимо выравнивание уровня доходов и внутри аппа-

рата управления. Нередко доходы руководителей, с учетом разнообразных выплат и премий, в десятки раз превышают доходы рядовых сотрудников. Соотношение доходов различных категорий управленческих работников должно строго регулироваться.

Информация о доходах и расходах чиновников должна быть открытой для общества.

Второй блок. Предложения этого блока направлены на повышение доходности и снижение рисков в других сферах деятельности, в первую очередь в бизнесе. Это направление является особенно важным.

Повышение доходности. К наиболее эффективным методам повышения доходности в бизнесе относятся мероприятия по снижению налоговой нагрузки. Снижение налоговой нагрузки позволит повысить предпринимательскую активность людей, привлечь в бизнес наиболее энергичную часть населения, задействовать человеческий капитал, обладающий неограниченным потенциалом, развивать инновационные технологии. Предложения по снижению налоговой нагрузки на бизнес известны и широко обсуждаются в СМИ и в научной литературе. Активизация предпринимательской активности будет способствовать росту бизнеса, что увеличит налогооблагаемую базу и повысит поступления в бюджет.

Снижение рисков. Это направление тесно связано со снижением налоговой нагрузки, так как в бизнесе будет оставаться больше ресурсов, что должно способствовать повышению его устойчивости и эффективности. Также уровень риска в бизнесе может быть снижен в результате отмены избыточных административных барьеров и ограничений и усиления борьбы с криминалитетом.

Перечисленные предложения, безусловно, определяют только общие направления деятельности и требуют детальной проработки и конкретизации. Но мы считаем, что их реализация позволит запустить саморегулируемый механизм борьбы с коррупцией, что обеспечит возникновение синергетического эффекта.

Изменение соотношения дохода и риска в разных сферах деятельности создаст условия для перехода управленческих работников из бюрократического аппарата в другие сферы, в первую очередь в бизнес. Последний получит прилив новых участников. Туда придут наиболее активные и образованные люди, в бизнесе у них будет возможность законным образом зарабатывать больше, чем в системе государственного управления. Используя предпринимательские способности, они смогут повысить свой социальный статус и создать условия для самореализации.

Переход части управленческих работников из бюрократического аппарата в бизнес создаст условия для снижения уровня коррупции. Перейдя в бизнес, бывшие чиновники будут жестко следить за законностью действий своих бывших коллег. К этому их будут подталкивать условия конкуренции в бизнесе. Конкурируя друг с другом, новые бизнесмены будут эффективно препятствовать созданию коррупционных схем.

Мотивация деятельности оставшихся чиновников также изменится. В условиях, когда доходы и расходы чиновников будут жестко контролироваться, не будут значительно превышать доходы в других сферах деятельности и будут ниже доходов в бизнесе, состав бюрократического аппарата изменится. На государ-

ственные должности придут люди, думающие в первую очередь об интересах страны, а не о возможности личного обогащения, и они также станут преградой распространению коррупции.

Реализация высказанных предложений крайне сложна и болезненна. Вероятнее всего, они вызовут негодование и отторжение уже на этапах обсуждения и проработки. Существующий бюрократический аппарат будет всеми возможными способами защищать имеющиеся у него привилегии, еще раз доказывая и подтверждая, что он состоит из наиболее активных, образованных и способных людей.

Наверное, с существующим положением дел можно было бы согласиться и даже смириться, если бы у нас было больше времени и ресурсов для развития, если бы другие экономики развивались с того же старта и с той же скоростью, что и российская. Но имеющиеся у страны резервы и запасы на исходе, и необходимы срочные действия по повышению эффективности ее экономики, обеспечению достойного уровня жизни граждан. А значит, настало время принятия активных мер по модернизации и укреплению государства. Для этого необходимы беспрецедентные усилия всего общества и, в первую очередь, политическая воля и твердость руководителей государства.

**Л. Г. Каранатова
Н. А. Македошина**

**L. G. Karanatova
N. A. Makedoshina**

Развитие системы ответственности в сфере публичного управления

Development of System of Responsibility in the Sphere of Public Management

Каранатова Лариса Геннадиевна

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Директор Центра повышения квалификации
государственных и муниципальных служащих
Профессор кафедры государственного управления
и государственной службы
Доктор экономических наук, доцент
karanatova@szags.ru

Karanatova Larisa Guennadievna

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Saint-Petersburg)
Director of Training center of the civil and municipal
servants
Professor of the Chair of public administration and
state service
Doctor of Science (Economics), Associate Professor
karanatova@szags.ru

Македошина Наталья Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов
Аспирант кафедры управления и планирования
социально-экономических процессов им. з. д. н. РФ
Ю. А. Лаврикова
makedoshina@yandex.ru

Makedoshina Natalia Aleksandrovna

St. Petersburg State University of economy and finance
Graduate student of chair of management and planning
of social and economic processes named by
Yu. A. Lavrikov
makedoshina@yandex.ru

Ключевые слова:

ответственность, государственная служба,
система государственного управления, субъект
управления, объект управления, государ-
ство, государственный орган

Key words:

responsibility, public service, system of public
administration, subject of management, object
of management, state, government body

Статья посвящена проблеме формирования
и развития системы ответственности в сфе-
ре публичного управления в современных
условиях. Ответственность рассматривается
в качестве системного образования, элемен-
ты и стороны которого взаимосвязаны и
взаимно обуславливают друг друга. Авторы
обращают внимание на многоаспектность и
сложность структуры категории ответствен-
ности, значимость проблемы детерминиро-
ванности ответственности государства в сис-
теме рыночных отношений, а также необ-
ходимость выявления условий и факторов,
определяющих ее в системе общественных
отношений в современных условиях.

The article is devoted to a problem of formation
and development of system of responsibility in the
sphere of public management in modern condi-
tions. Responsibility is considered as system edu-
cation, elements and which parties are intercon-
nected and mutually cause each other. Authors
pay attention to a multidimensionality and complex-
ity of structure of category of responsibility, the
importance of a problem of determinacy of the
state responsibility in system of the market rela-
tions, and also necessity of identification of condi-
tions and the factors defining it in system of the
public relations, in modern conditions.

Государственная служба представляет
собой один из наиболее важных соци-
альных, экономических и правовых ин-
ститутов современного общества. Го-
сударственная служба Российской Фе-
дерации — важнейший инструмент
преобразований в экономике, социаль-
ной сфере, в области национальной

безопасности, призванный обеспечить
управляющее воздействие государства
на общество и предполагающий опре-
деление и закрепление мер ответствен-
ности его структурных элементов. От-
ветственность, в свою очередь, пред-
ставляет собой явление общественное
(общесоциальное), включающее эко-

номические, нравственные, культурные, психологические и многие другие аспекты. Многоаспектность и сложность структуры категории ответственности, раскрывающейся во взаимосвязи одной личности с другими личностями, личности с коллективом и обществом, подчеркивается в ряде научных исследований. При этом ответственность рассматривается в качестве системного образования, элементы и стороны которого взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. В государственном управлении категория ответственности приобретает особый характер, а проблема обеспечения ответственности — особую актуальность, поскольку многие поступки и действия в системе государственного управления порождают глубокие социальные последствия, предопределяют судьбы миллионов людей [1, с. 415].

Выступая с Посланием Федеральному собранию 12 декабря 2012 г., Президент РФ В. В. Путин заявил, что «ответственность за страну формируется не лозунгами и призывами, а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама „вкалывает“ во имя страны, города, региона, поселка и каждого гражданина, учитывает общественное мнение. Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания»¹.

Эффективность государственного управления является сложной социально-экономической категорией и во многом зависит от таких понятий, как политическая стабильность, степень бюрократизации государственной власти, способность государства контролировать коррупцию, качество предоставления государственных услуг населению, при-

оритет закона при принятии административных решений и др. [3, с. 15]. Основой эффективности государства и государственного управления выступает эффективное функционирование системы госслужбы, определяемое организацией государственного аппарата, а также качеством составляющих его управленческих кадров. Государственные служащие, выполняя служебные обязанности ответственно и эффективно, обеспечивают связь власти и общества, способствуют фактическому исполнению принятых политических решений. Таким образом, через систему государственной службы обеспечивается мониторинг отношения общества к государственной власти.

По нашему мнению, подобная взаимосвязь наиболее полно раскрывается через системное восприятие государственного управления как подсистемы государства, обладающей собственными целями, функциями и организационной структурой, имеющей, согласно системному подходу, параметры входа, внутренние процессы и параметры выхода. С этой точки зрения государственная служба может быть также представлена в качестве подсистемы системы государственного управления, а государственные служащие, выполняющие служебные обязанности, ответственны на выходе системы перед обществом за результаты социально-экономического развития, во многом определяемые параметрами входа и процессами, протекающими внутри системы. Эти сложные, многоаспектные взаимосвязи схематично представлены на рис. 1 [2, с. 109–129].

Проблема детерминированности ответственности государства в системе рыночных отношений, а также выявление условий и факторов, определяющих ее в системе общественных отношений, в современных условиях еще более усложняется и приобретает новые свойства. Во многом это связано с тем, что ответственность субъекта управления за результаты управленческих решений в современных условиях трактуется не в узком функциональном смысле, предполагающем распределение ответственности в виде фиксации прав и обязанностей и преду-

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф> (дата обращения: 12.12.2012).

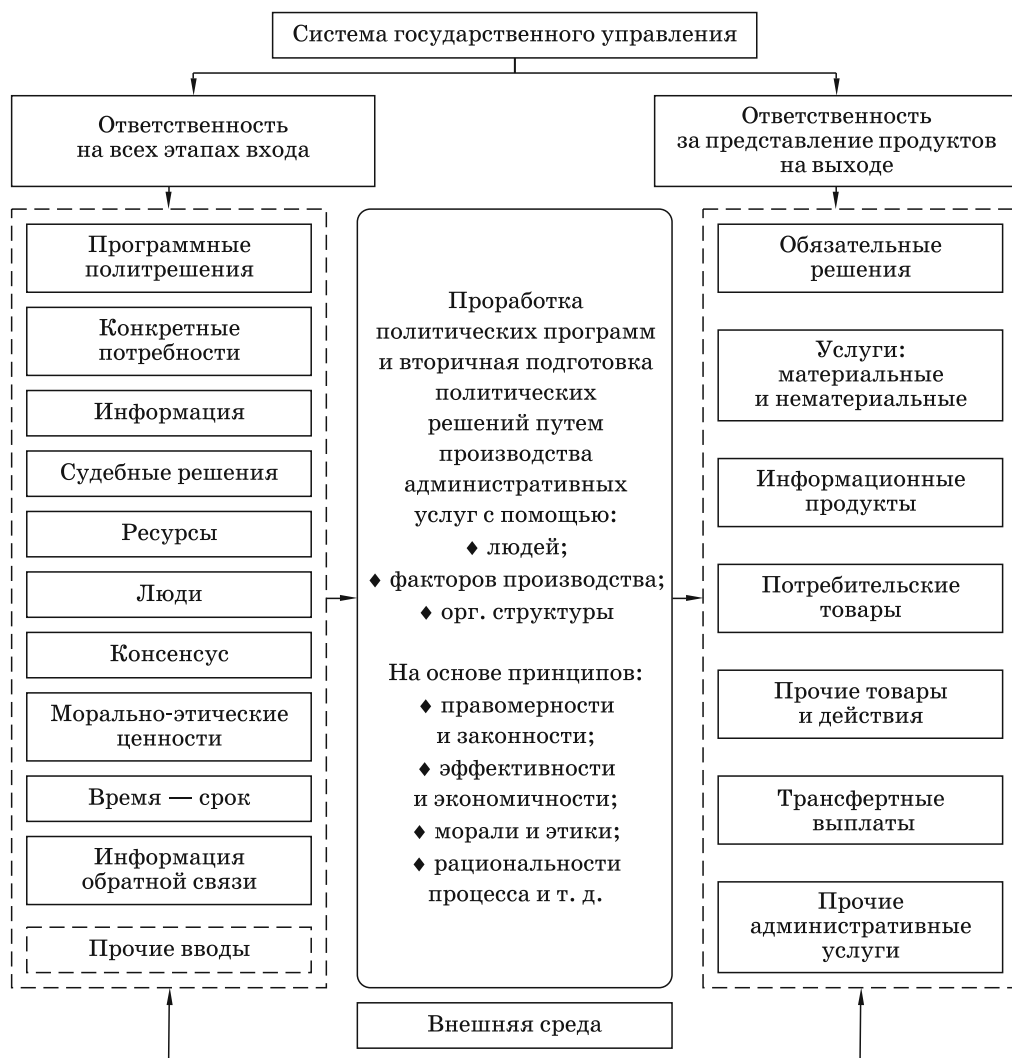

Рис. 1. Ответственность государственных служащих в системе публичного управления

смотренных мер за их нарушение, что находит закрепление юридически в административном праве, а переходит из сугубо функциональной в плоскость социальную, и в этих условиях необходимость определения субъекта ответственности приобретает все большее политическое и этическое значение.

Поскольку государство представляет собой деперсонифицированный субъект управления, ответственность оказывается разделенной или, в крайнем случае, юридически может быть возложена на объект управления, что в итоге может

привести к частичной или полной, в том числе и правовой, безответственности субъекта управления, поскольку, являясь субъектом управления, он может не являться субъектом права. Кроме этого, в случае деперсонифицированного субъекта управления оценка адекватности результата деятельности сталкивается с определенной сложностью в связи с абстрактностью формулирования целей, нечеткостью критериев сравнения результата и цели, а также неоднозначностью их трактовки, что порождает проблему выявления «действительных но-

сителей интереса», отражением которого являются декларируемые цели¹.

Следует особо подчеркнуть, что в сфере государственного управления субъект (государство) и объект управления (общество) не вступают в прямое взаимодействие, а взаимодействуют опосредованно, через специальный аппарат или органы управления (институт государственной службы). При этом увеличение дистанции между субъектом и объектом управления приводит к возрастанию роли органов государственного управления в процессе управления государством, что дает веские основания рассматривать их в качестве суверенных субъектов управления. Таким образом, государственный орган управления обладает определенной субъектностью, границы которой постоянно расширяются.

При изучении сложных социально-экономических явлений рекомендуется применение методологии компиляции нескольких методологических подходов, допускающих их совместное использование. Поскольку ни одна из существующих на сегодняшний день методологий, применяемых с целью изучения феномена ответственности, не может считаться универсальной, охватывающей все аспекты изучаемого объекта, применение различных методологических подходов представляется обоснованным.

Социальная ответственность государственных служащих как управляющих субъектов перед обществом играет роль регулятора, обеспечивающего их должное поведение. В свою очередь, социальная ответственность включает в себя комплекс элементов ответственности, среди которых возможно выделить юридическую, экономическую, профессиональную, этическую, моральную, и является одним из основных способов нормативной регуляции действий личности в обществе, охватывающих нравственные взгляды, жизненные ориентации, принципы, цели и мотивы поступков и отношений.

На основании анализа сложившейся к настоящему моменту нормативной правовой базы института государственной службы РФ, а также учитывая исключительную важность информационной политики в государственном управлении, возможно представить схему системы ответственности государственного служащего в виде рис. 2.

Необходимо отметить, что моральные и правовые нормы являются социальными и тесно переплетены. Общим свойством правовой и моральной ответственности является то, что оба типа служат для регулирования и оценки поступков личности, а также осознания личностью лежащих на ней в силу закона или морального долга обязанностей, правильное отношение к ним. Более того, формализованная мораль в некоторых случаях может закрепляться правовыми нормами, а нравственная оправданность норм права для создания правового государства так же значима, как и их единство.

Однако различие права и морали заключается в форме, видах, требованиях, предъявляемых к личности в отношении исполнения обязанностей; мерах, применяемых для обеспечения исполнения обязанностей; мер взыскания и наказания в случаях нарушения требований закона или морального долга (право, в отличие от морали, вырабатываемой обществом, устанавливается государством и закреплено в государственных актах, за нарушение нормы права предполагаются санкции государства, за нарушение нормы морали лишь общественное осуждение).

В связи с тем, что государство неразрывно связано с политическими структурами, экономическими отношениями и идеологическими формами сознания общества, гражданско-правовой статус государственных служащих обусловлен системой правовых актов и общепринятым кодексом правил и норм, регулирующих отношения представителей государственной власти с обществом, которые в свою очередь определяются историческими особенностями самой системы государственной службы и моделью государственного управления. Эффективность государственной службы обеспечивается

¹ Солодкая М. С. Субъект управления: проблема определения, границы активности и ответственности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.credonew.ru/content/view/58/49/> (дата обращения: 12.12.2012).

Рис. 2. Схема системы ответственности за результаты социально-экономического развития в системе организации труда государственных служащих

посредством оптимизации структуры государственных органов и их аппаратов, разграничением функций и задач, полномочий и ответственности органов государственной власти. Реформирование

института государственной службы предполагает административную реформу, реформы устройства исполнительной власти и государственной службы, а также перераспределение ответвен-

ности и полномочий власти различных уровней.

Основным нормативным актом, регламентирующим деятельность и ответственность государственного служащего, является должностной регламент, в котором содержатся требования, предъявляемые к государственному служащему, его должностные права, обязанности и различные виды ответственности, а также перечень самостоятельно принимаемых решений, сроки рассмотрения и процедуры принятия решений в зависимости от функциональных особенностей данной должности и сферы ведения государственного органа. Дисциплинарная ответственность госслужащих закреплена в Трудовом кодексе и иных нормативно-правовых актах, регулирующих трудовые отношения и осуществляющих регулятивную, превентивную, восстановительную, карательную и воспитательную функции.

В соответствии с действующим законодательством, воспитательные функции дисциплинарной и материальной ответственности осуществляются одновременно с регулятивной, превентивной, карательной и восстановительной функциями. Объектами ее воздействия выступают ценностные ориентации, правосознание, мотивационная сфера. Сформировать добросовестное отношение к трудовым обязанностям, вверенному имуществу, трудовым правам госслужащих призвана воспитательная функция.

Дисциплинарная ответственность, осуществляя не только общую, но и частную превенцию в случае ее наложения, лишает субъекта фактической возможности совершить новое правонарушение исключением его из определенной сферы трудовых правоотношений (например, при увольнении¹). В институте государственной службы особое значение отводится регулятивной функции дисциплинарной ответственности — в закреплении и упорядочивании отношений по дисциплине труда, добросовестному выполнению возложенных на государственных

служащих субъектов трудовых отношений функциональных обязанностей, — осуществляемой посредством закрепления различных обязанностей, запретов, правомочий субъектов трудовых правоотношений, путем установления составов правомерного поведения и поощрений, через воздействие на волю и сознание, поведение участников трудовых отношений, которое и выступает непосредственным объектом регулятивной функции дисциплинарной ответственности.

В связи с тем что функционирование этих отношений непосредственно связано с добросовестным исполнением государственными служащими возложенных на них обязанностей, регулятивная функция дисциплинарной ответственности оказывает опосредованное воздействие не только на отношения служебной дисциплины, но и на отношения, обеспечивающие реализацию гражданами предоставленных им прав и свобод, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование различных институтов государственной власти.

Превентивная функция дисциплинарной ответственности, тесно взаимосвязанная с регулятивной, призвана не допустить нарушения регулятивного правоотношения и реализации карательной функции. Превентивная функция осуществляется как путем установления обязанностей, так и через установление составов правонарушений и психологическое воздействие на субъект, угрозу применения дисциплинарной санкции: воздействуя на волю и сознание субъектов трудовых отношений, формирует их правомерное поведение и способствует осуществлению регулятивной функции. Предупредительное воздействие оказывают и поощрительные нормы, предусмотренные различными нормативно-правовыми актами², регламентирующими дисциплинарную ответственность.

¹ Предусмотрено Трудовым кодексом Российской Федерации, федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации» (ст. 14).

² В ст. 191 ТК РФ закреплены следующие поощрения: премирование, награждение ценным подарком, почетной грамотой, представление к званию лучшего по профессии, а основанием применения мер поощрения выступает добросовестное выполнение трудовых обязанностей (ч. 1 ст. 191 ТК РФ).

Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих дисциплинарную ответственность государственных служащих, показывает, что дисциплинарная ответственность некоторых категорий государственных служащих или не предусмотрена вовсе, или декларативна, или не имеет реальных механизмов осуществления в связи с тем, что Трудовой кодекс не содержит конкретного перечня дисциплинарных правонарушений¹. Вместе с тем дисциплинарное правонарушение, совершенное государственным служащим, одновременно нарушает не только отношения трудовой дисциплины, но и самые разнообразные права и свободы человека и гражданина². Дисциплинарная ответственность государственного служащего принуждает последнего к правомерному поведению, соблюдению обязанности защищать права и свободы граждан и одновременно восстанавливает нарушенные права и свободы человека и гражданина.

Материальная ответственность³, так же как и дисциплинарная, осуществляет превентивную функцию, но в отличие

от нее направлена на предупреждение имущественных правонарушений, недопущение случаев травматизма, надлежащую охрану труда. Материальная ответственность распространяет свое воздействие не на всех субъектов трудовых правоотношений, сфера ее действия ограничена определенным кругом субъектов. Некоторые авторы указывают, что материальная ответственность выполняет компенсационную функцию, другие характеризуют ее как восстановительную, ограничивающуюся пределами среднего месячного заработка⁴. Наступление полной материальной ответственности возможно в случаях, когда это специально предусмотрено ТК РФ или иными нормативными правовыми актами. Регулятивная функция материальной ответственности государственных служащих призвана сформировать бережное отношение к вверенному имуществу, закрепить и оформить динамику отношений собственности.

Следует отметить объективно существующие на сегодняшний день проблемы модернизации государственной службы. Ряд намеченных направлений реформирования государственной службы остался нереализованным в силу внутренних противоречий института государственной службы как сферы профессиональной деятельности. На основании анализа сложившейся к настоящему моменту нормативной правовой базы института государственной службы необходимо констатировать, что ответственность за результаты социально-экономического развития в системе организации труда государственных служащих охватывает целый ряд вопросов, среди которых:

- изучение ответственности как формы социального контроля и как одного из основных факторов государственного управляющего воздействия на профессиональную деятельность управленческого персонала;
- исследование ответственности, в том числе юридической, как института управления или самоуправления;
- изучение особенностей действия ме-

¹ Примерный перечень дисциплинарных правонарушений содержится в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров». Трудовой кодекс только в общей форме дает определение основания применения мер дисциплинарной ответственности. Таковым признается дисциплинарный проступок, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей (ст. 192).

² Положение ФЗ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», закрепляющее, что «ответственность государственного служащего наступает в связи с его обязанностью соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина» (ст. 1).

³ Следует отличать материальную ответственность от других мер материального воздействия: лишения или уменьшения размера премии, предусмотренной системой оплаты труда, снижения коэффициента трудового участия, удержаний из заработной платы, производимых на основании закона.

⁴ Ст. 241 ТК РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ.

ханизма юридической ответственности в институте государственной службы;

- выявление и исследование основных факторов, детерминирующих управленческую деятельность государственных служащих, в особенности влияющих на ответственное поведение в их деятельности;
- выявление и изучение оснований ответственности государственных служащих и должностных лиц в системе государственной службы, исследование юридических оснований ответственности;
- исследование формирования основных требований и условий (правовых и социально-психологических) к определению управленческих служебных обязанностей и обязательств, за неисполнение которых наступает ответственность;
- выявление основных критериев оценки и профессиональных требований к управленческому персоналу и разработка научных рекомендаций по подбору кадров, формированию резерва, обучению и повышению квалификации управленческого персонала в рамках действующего механизма ответственности;
- конструирование понятия ответственности в рамках правомерного поведения

(позитивная ответственность) осуществляется в рамках конституционных норм, поскольку в действующей Конституции принципы субъективно-объективных отношений в сфере государственного управления реализуются с указанием на процедуру подотчетности государственных органов, должностных лиц и государственных служащих перед вышестоящим органом.

Итак, анализ феномена ответственности за результаты социально-экономического развития свидетельствует о том, что в научной литературе пока нет общепризнанного и комплексного определения принципов формирования механизма ответственности личности за результаты социально-экономического развития в системе общественных отношений и организации труда государственных служащих. На наш взгляд, исследование механизма ответственности за результаты социально-экономического развития в системе организации труда государственных служащих следует рассматривать не только в аспекте юридической ответственности, но и с позиций повышения качества профессиональной управленческой деятельности государственных служащих, включающих в себя социально-экономические, организационные и социально-психологические факторы.

Литература

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций. 4-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2009.
2. Becker B. Die öffentliche Verwaltung: Lehrbuch für Wissenschaft und Praxis. Mainz: Verlag R. S. Schulz, 1998.
3. Каранатова Л. Г. Формирование эффективного механизма управления государственными заказами: вопросы теории и практики. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010.

References

1. Atamanchuk G. V. Theory of public administration: course of lectures. 4th edition. M.: Publishing house of «Omega-L», 2009.
2. Becker B. Die öffentliche Verwaltung: Lehrbuch für Wissenschaft und Praxis. Mainz: Verlag R. S. Schulz, 1998.
3. Karanatova L. G. Formation of the effective mechanism of management of the state orders: issues of theory and practice. SPb.: SZAGS publishing house, 2010.

И. И. Макаров**I. I. Makarov**

Принципы проведения правовых экспериментов в организации местной власти: Взгляды советских юристов

The Principles of Carrying out Legal Experiments in the Organization of Local Government: Views of the Soviet Lawyers

Макаров Иван Иванович

Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области (Санкт-Петербург)
Первый заместитель председателя комитета — начальник департамента по организации взаимодействия с органами местного самоуправления
Соискатель юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
makarov426@gmail.com

Ключевые слова:

местное самоуправление, правовой эксперимент, развитие, органы местной власти

В статье рассматриваются принципы проведения правовых экспериментов в сфере развития организации местной власти. Проанализированы взгляды советских ученых-юристов на проблемы применения экспериментального метода при изучении возможностей организационных изменений во властных органах.

В 1990-е гг. поиск форм организации местной власти, которые были бы адекватны меняющейся социальной реальности, заставил обратиться к такому способу развития местного самоуправления как государственно-правовой эксперимент. Любой специалист, знакомый с новейшей историей российского муниципального права, вспомнит как минимум два примера: государственно-правовой эксперимент, проведенный в 1995–1998 г. в двух районах Псковской

Makarov Ivan Ivanovich

Committee on local government, interethnic and inter-confessional relations of the Leningrad region (Saint-Petersburg)
The first deputy chairman of committee — the head of the department of organization of the interaction with local governments
The applicant for the PhD degree of Law faculty of the Moscow State University named by M. V. Lomonosov
makarov426@gmail.com

Key words:

local self-government, legal experiment, development, local authorities

The article discusses the principles of legal experimentation in the development of the organization of local authorities. Analyzed the views of the Soviet legal scholars on the issue of the experimental method in studying the possibilities of organizational change in government bodies.

области¹, и широкомасштабный эксперимент по организации муниципальной милиции, проходивший в 1998–2000 гг. на территории 10 субъектов РФ².

¹ Об эксперименте по отработке моделей организации местного самоуправления, проводимой в Псковской области: Постановление Правительства РФ от 11 октября 1996 г. № 1188 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 43. Ст. 4928.

² О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охра-

Реализация действующего закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» сопровождалась проведением в Ставропольском крае и Новосибирской области комплексов мероприятий, которые были анонсированы в качестве экспериментов. Наконец, в дальнейшем попытки внести некоторые корректировки в сформированную на основе нового закона систему местного самоуправления также оформлялись в качестве экспериментов¹. Все это очевидным образом делает государственно-правовой эксперимент достойным предметом рассмотрения, а знание принципов планирования и проведения правового эксперимента — необходимым элементом квалификации исследователя местного самоуправления.

К сожалению, нередко термин «эксперимент» употребляется в контексте изменений местной власти в качестве метафоры [5, с. 110]. Также иногда под экспериментами понимают то, что уместнее было бы именовать «эмпирическими пробами» [10, с. 22]. Последние, хотя и способны приносить положительные результаты, все же потенциально менее эффективны по сравнению со специально спланированным и квалифицированно проведенным государственно-правовым экспериментом.

Подобное вольное употребление термина дискредитирует понятие государственно-правового эксперимента и служит справедливым поводом для критики [11, с. 176–177]. Для понимания принципов и возможностей проведения правовых экспериментов полезно обратиться

к общественному порядку органами местного самоуправления: Указ Президента РФ от 17 сентября 1998 г. № 1115 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 38. Ст. 4783; О завершении эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления: Указ Президента РФ от 2 июня 2000 г. № 1011 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23. Ст. 2386.

¹ Эксперимент оказался успешным: интервью с главой администрации Волховского муниципального района С. А. Акулишным // Вести (Ленинградская область). 2009. № 85. С. 6.

к работам специалистов советского периода. Читая работы советских правоведов о государственно-правовом эксперименте, нужно, разумеется, делать поправку на идеологические сентенции по поводу советского народа как «первооткрывателя новых форм общественного и государственного устройства» [9, с. 16]. В остальном написанное вполне сохраняет свою актуальность в наши дни. Выводы, сформулированные в этих работах, следует учитывать при планировании и оценке современных правовых экспериментов.

Практика применения экспериментального метода в развитии институтов местной власти в нашей стране имеет немалую историю. Вопросы методики проведения экспериментов или «испытания практикой» в области рационализации государственных учреждений затрагивались в специализированной литературе еще в первой половине прошлого столетия [1, с. 18–19; 29]. Распространение этот метод получает после XX съезда КПСС, когда появляются предложения по поводу совершенствования организации власти [8, с. 296–297]. В специализированной литературе можно найти описание имевших место в начале 60-х г. прошлого века случаев испытания форм привлечения населения к решению проблем, возникающих у граждан по месту жительства.

Результатом таких экспериментов становилось, например, решение о создании во всех городах автономной республики депутатских групп домоуправлений или микрорайонов [4, с. 22]. Можно найти также упоминания о применении экспериментального метода правотворчества в странах, присоединившихся к социалистическому лагерю, например, о начале осуществления экспериментального плана создания местной власти на Кубе [8, с. 295–296, прим. 93].

В Советском Союзе проводились правовые эксперименты, направленные, в частности, на исследование эффективности организации органов местной власти. В 1960-х г. при кафедре государственного права и советского строительства Иркутского университета дей-

ствовала лаборатория экспериментального государственного управления [7, с. 4]. Высказывалось предложение разработать проект закона «О правовом эксперименте» [6, с. 27]. В.А. Пертцик был убежден в том, что «широкому внедрению любой новой государственно-правовой нормы должно предшествовать ее изучение в масштабе одного-двух советов определенного звена» [8, с. 298], а государственно-правовой эксперимент должен стать базой новой науки, которая, по его мнению, должна была занять место прежнего «советского строительства» и заниматься изучением форм и методов привлечения трудящихся к управлению совершенствованием форм связи депутатов и избирателей [8, с. 302].

Советские правоведы достаточно внимательно рассматривали теоретические аспекты организации правового эксперимента, под которым понимался научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого правового явления (действие нормы, правоотношения, правоприменительной деятельности органов и должностных лиц) в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и воссоздавать его при повторении условий [10, с. 22]. Это определение, предложенное О.В. Смирновым, было отмечено в качестве наиболее удачного [3, с. 71].

Эксперимент осознавался как проверка того или иного варианта правового регулирования, которая проводится с целью предотвращения ущерба, возможного в результате принятия ошибочного решения [10, с. 23]. Правовые эксперименты проводились с целью совершенствования правового регулирования, определения его рамок, возможностей изменения действующего законодательства [3, с. 73].

Выделяли две основных функции правовых экспериментов. Первую можно условно назвать функцией фильтрации, отсеивания неэффективных правовых моделей. Вторая функция направлена на поиск путей повышения эффективности правового регулирования [10, с. 23].

Интересны различия во взглядах на природу правового эксперимента.

В. И. Никитинский писал, что «эксперимент проявляется прежде всего как форма исполнительно-распорядительной деятельности» [6, с. 30]. Р.А. Сафаров считал, что эксперимент выступает в качестве метода правотворчества [9, с. 17]. Представляется все же, что второй вариант более адекватно отражает природу и назначение правового эксперимента. Этой точки зрения придерживался и О.В. Смирнов, который писал, что социально-правовой эксперимент следует рассматривать «как элемент нормотворческого процесса» [10, с. 24]. Он же полагал, что экспериментальную норму можно квалифицировать как особую разновидность правовой нормы, применяемую исключительно в процессе нормотворческой деятельности [Там же, с. 26]. Думается, что содержательно к исполнительно-распорядительной деятельности все-таки ближе то, что О.В. Смирнов называл «эмпирическими пробами», которые также играют определенную роль в развитии местного самоуправления.

В качестве возможных объектов правовых экспериментов определялись система оплаты труда, система плановых показателей, структура и организация местных органов государственной власти, эффективность работы аппаратов советов [8, с. 297], способы передачи функций государственных органов общественным организациям, формы вовлечения населения в местное самоуправление [8, с. 299], вопросы административно-территориального устройства, вопросы рационализации аппарата управления [9, с. 19], компетенция органов управления [9, с. 20]. К предметам социальных экспериментов относятся «как сами нормативные акты, так и общественно-политические мероприятия» [9, с. 16].

Эксперимент должен иметь ясное и авторитетное правовое основание в виде нормативного акта. Этот принцип является основополагающим. Без его соблюдения, собственно, эксперимент не может рассматриваться в качестве государственно-правового. Р.А. Сафаров писал, что «правовая основа должна создаваться путем установления изъятий из

действующего законодательства» [9, с. 21]. Государственно-правовой эксперимент представляет собой, по сути, специальный правовой режим, который вводится на данной территории решением компетентного органа. В. И. Никитинский отмечал, что «санкция на проведение правового эксперимента может быть дана лишь органом, утвердившим тот нормативный акт, отступление от требований которого составляет содержание эксперимента» [6, с. 30–31].

В правовом акте о проведении эксперимента содержится гипотеза, подвергаемая экспериментальной проверке [9, с. 21]. В качестве гипотезы выступает правовая норма, действие и последствия действия которой проверяются в ходе эксперимента. Решению о начале эксперимента должно предшествовать внимательное исследование практики, по результатам которого следует формулировать точные задачи эксперимента. Сбор и анализ данных об имеющейся практике служат основанием для выработки гипотезы, определения предмета и участников эксперимента, его цели и задач.

Ценность результатов государственно-правового эксперимента повышается в случае, если удастся обеспечить репрезентативный состав участников. «Выбор объектов, находящихся в различных жизненных условиях, даст возможность произвести сравнительный анализ результатов эксперимента, то есть выработать модель или ряд моделей, пригодных для всех объектов» [9, с. 21].

Н. П. Колдаева справедливо отмечала, что необходимо обеспечивать возможность сравнения показателей экспериментального и контрольного объектов [3, с. 74]. Это, возможно, одна из главных организационных сложностей в проведении правового эксперимента в наше время — в условиях очень динамично меняющегося законодательства. Проблематичным, если вообще возможным, является исключение неконтролируемых воздействий и сокращение до минимума влияния субъективных факторов на ход эксперимента.

Действие экспериментальной правовой нормы всегда ограничено в пространстве и во времени. Как отмечал В. И. Никитинский: «Не может быть, например, экспериментальной нормы, ограниченной во времени, но не ограниченной в пространстве и наоборот» [6, с. 30]. В. И. Никитинский писал также о том, что экспериментальная норма не может противоречить ни принципам всей системы права, ни принципам той конкретной отрасли права, к которой она относится [6, с. 33]. Эксперимент не должен ограничивать права граждан, ухудшать или ограничивать возможности на участие жителей в осуществлении местного самоуправления.

Этот принцип в настоящее время представляется особенно важным в проведении экспериментов, связанных с внедрением форм так называемой электронной демократии, в частности электронных технологий голосования на местных выборах или электронных публичных слушаний и собраний граждан. Использование таких форм привлечения населения к решению вопросов местного значения ставит проблему «информационного неравенства» граждан разных возрастных групп в вопросах компьютерной грамотности и, как это ни парадоксально, проблеме усложнения общественного участия в местном самоуправлении для лиц старшего возраста.

Эксперимент должен быть обратимым. Начинать мероприятия, связанные с экспериментом, можно лишь тогда, когда имеются гарантии возмещения возможного ущерба или восстановления нарушенных прав граждан. «Там, где создание таких гарантий невозможно, недопустимо и проведение правового эксперимента» [6, с. 34].

В. В. Лазаревым отмечено, что неверно рассматривать в качестве эксперимента принятие нового нормативного акта и изучение складывающихся на его основе отношений [4, с. 18]. Необходимо сохранять возможность возвращения к доэкспериментальному состоянию и процессам деятельности в органах местного самоуправления. Нередко, к сожалению, мы видим противоположную ситуацию,

когда под эксперимент маскируется первая стадия реализации однозначно принятой и не подлежащей пересмотру социальной и правовой новации.

Эксперимент — достаточно затратный способ проверки гипотез. Там, где правовая гипотеза может быть проверена иным способом, правовой эксперимент не целесообразен, целесообразен он только в тех случаях, когда иные методы выявления правовой эффективности не могут дать результата [6, с. 33].

Исследователи подчеркивали высокую степень ответственности, которая должна иметь место в подготовке к правовым экспериментам: «Социально-правовой эксперимент — дорогостоящее мероприятие, оно затрагивает личные и материальные интересы людей, а также их положение в обществе и коллективе. Следует с большой тщательностью относиться к подготовке и проведению социально-правовых экспериментов и оценке полученных на их основе данных» [3, с. 74; 10, с. 24].

В специальной литературе также выделены обстоятельства, которые делают правовой эксперимент необходимым. К ним Р. А. Сафаров относил следующие:

- целесообразность или эффективность данного нормативно-правового акта или правового преобразования нельзя обосновать с помощью логического умозаключения;
- невозможно научно предсказать наиболее важные конкретные результаты решения поставленных проблем;
- на основе имеющейся практики нельзя достоверно утверждать или отрицать правильность важного нормативного акта или мероприятия, которые являются предметом экспериментальной проверки;
- невозможно предвидеть содержание и характер неизбежных последствий экономического, политического и социального рода;
- сложно предвидеть реакцию общественного мнения на предлагаемые нормативные решения [9, с. 15].

Связь эксперимента с общественным мнением отмечается и в ином. Если экс-

перимент прошел удачно, то внедрение, реализация в качестве типовой модели, которая прошла экспериментальную проверку, также будет идти проще в силу того, что общественное мнение будет к этому уже подготовлено [9, с. 14]. Актуальность этих соображений в настоящее время только возросла в силу того, что общественное мнение ясно осознается в качестве важнейшего фактора социальной эффективности деятельности органов местного самоуправления, а удовлетворенность граждан деятельностью органов местной власти является важным критерием в системе оценки этой эффективности [2, с. 22].

Следует отметить неоднозначность в вопросе планирования сроков правовых экспериментов. Экспериментальная норма по своему смыслу носит временный характер [6, с. 28–29], но применение экспериментальной нормы способно повлечь незапланированные последствия и проблемы, решение которых, в свою очередь, потребует дополнительного изучения или расширения состава участников эксперимента. В связи с этим В. И. Никитинский относил экспериментальные нормы к актам неопределенного срочного действия [6, с. 29].

Проведение правового эксперимента должно сопровождаться регулярным мониторингом хода мероприятий и поведения участников. Анализ результатов такого мониторинга должен давать материал для выводов о целесообразности продолжения эксперимента.

Положительная оценка результатов эксперимента дает основания для принятия соответствующей нормы общего действия. Однако эта норма, как справедливо замечено, «может быть и не тождественна экспериментальной» [6, с. 31]. Выявленная несостоятельность рабочей гипотезы предполагаемого варианта правового регулирования должна влечь за собой отмену экспериментальной нормы.

Вместе с тем признание положительных результатов эксперимента и закрепление соответствующей модели в нормативном акте соответствующего уровня не обязательно означает окончание эксперимента. Эксперимент может про-

должаться для отработки правовых норм, направленных на решение отдельных более частных вопросов [6, с. 31].

Эксперимент следует завершать принятием итогового аналитического документа. Делать это необходимо вне зависимости от того, являются результаты эксперимента положительными или отрицательными, желательными для инициатора или компрометирующими модель, которая проходила проверку в ходе эксперимента. Подобный меморандум должен содержать изложение официальной позиции и точек зрения инициаторов, участников эксперимента и экспертов, которые осуществляли мониторинг. Игнорирование важности этого требования исключает впоследствии возможность учитывать результаты эксперимента в подобных обстоятельствах, приводит к утрате полученного в ходе эксперимента опыта. В этой связи уместно вспомнить замечание, которое в свое время сделал В. А. Пертцки, сетуя на то, что результаты экспериментальных попыток изучения наилучших систем исполнительных и распорядительных органов местных советов в Алтайском крае и в Пермской области «не стали достоянием общественности и научных органов» [8, с. 298].

Завершая статью, необходимо отметить, что такой метод правовой апробации как правовой эксперимент становится актуальным именно тогда, когда име-

ются в наличии типичные условия, набор стабильных типичных характеристик объекта исследования, которые позволяют обеспечивать сравнимость результатов эксперимента [10, с. 25] и впоследствии дают возможность экстраполировать данные, полученные в ходе эксперимента. Как справедливо отметил Р. А. Сафаров, «для проведения эксперимента необходима типичность самого объекта» [9, с. 20].

Изучение советской литературы о государственно-правовых экспериментах приводит к выводу, что этот метод организационного развития мог рассматриваться в качестве актуального и весьма перспективного именно в условиях централизованной системы организации власти. Конечно же, современная динамика общественной жизни и государственного развития не дает нам никаких оснований рассчитывать на подобную степень типичности объектов. Однако нельзя не заметить, что результатом завершившейся в 2009 г. российской реформы местного самоуправления стала значительная степень унификации как территориальной организации местной власти, так и организационного устройства местного самоуправления. Представляется, что таким образом объективно созданы условия для того, чтобы возросло значение правового эксперимента в развитии российского местного самоуправления.

Литература

1. Бызов Л. А. Пути рационализации учреждений (Методологические очерки). М.: Издание автора, 1925. 110 с.
2. Зерчанинова Т. Е. Социальная эффективность деятельности органов местного самоуправления городских округов // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2010. № 4. С. 21–29.
3. Колдаева Н. П. Социально-правовой эксперимент (некоторые теоретические аспекты) // Право и правотворчество: вопросы теории. М.: ИГиПАН СССР, 1982. С. 69–76.
4. Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. 1966. № 1. С. 17–23.
5. Михеев С. Местная власть в поисках оптимальной структурной организации // Как управлять Россией. Социология одного города / Под ред. В. В. Федорова. М.: Алгоритм. 192 с.
6. Никитинский В. И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. 1967. № 6. С. 26–34.
7. Пертцки В. А. О содержании эксперимента по определению оптимального варианта организации работы аппарата городских советов депутатов трудящихся на основе НОУТ //

- Вопросы советского государственного управления: Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. 71. Сер.: Юридическая. Вып. 10. Иркутск, 1970. С. 3–13.
8. *Пертцки В. А.* Проблемы местного самоуправления в СССР // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. 32. Сер.: Юридич. Вып. 6. Часть 2. Иркутск, 1963. 306 с.
 9. *Сафаров Р. А.* Социальный эксперимент и проблемы государства и права // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 14–22.
 10. *Смирнов О. В.* Социально-правовой эксперимент и регулирование общественных отношений // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 21–28.
 11. *Филиппов Г. Г.* Философские вопросы нефилософских наук, или О пользе философии для отраслевых научных исследований и для подготовки управленческих решений // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2, № 3. С. 165–180.

References

1. *Byzov L. A.* Ways of rationalization of institutions (Methodological sketches). M.: Edition of the author, 1925. 110 p.
2. *Zerchaninova T. E.* Social efficiency of activity of local governments of city districts // Administrative consultation. Actual problems of the public and municipal administration. 2010. N 4. P. 21–29.
3. *Koldaeva N. P.* Social and legal experiment (some theoretical aspects) // Right and law-making: theory questions. M.: ISL of Academy of Science of the USSR, 1982. P. 69–76.
4. *Lazarev V. V.* On the question of concept and experiment limits in the state and law // Jurisprudence. 1966. N 1. Page 17–23.
5. *Mikheev S.* Local government in search of the optimum structural organization // How to operate Russia. Sociology of one city / Ed. by V. V. Fedorov. M.: Algorithm. 192 p.
6. *Nikitinsky V. I.* Importance of experiment in law-making activity // The Soviet state and the Law. 1967. N 6. P. 26–34.
7. *Perttsik V. A.* About the content of experiment in definition of optimum variant of the organization of operation of the office of city councils of deputies of workers on a basis the scientific management // Questions of the Soviet political science. Works of Irkutsk State University named by A.A. Zhdanov. Vol. 71. Legal series. Issue. 10. Irkutsk, 1970. P. 3–13.
8. *Perttsik V. A.* Problems of local government in the USSR // Works of Irkutsk State University named by A.A. Zhdanov. Vol. 32. Legal series. Issue. 6. Part 2. Irkutsk, 1963. 306 p.
9. *Safarov R. A.* Social experiment and state and law problems // Soviet State and Law. 1964. N 10. P. 14–22.
10. *Smirnov O. V.* Social and legal experiment and regulation of the public relations // Soviet State and Law. 1973. N 11. P. 21–28.
11. *Filippov G. G.* Philosophical questions of not philosophical sciences, or on advantage of philosophy for branch scientific researches and for processing of administrative decisions // Scientific works of the North-West Academy of Public Administration. 2011. Vol. 2, N 3. P. 165–180.

**И. М. Левкин
В. И. Шацкая**

**I. M. Levkin
V. I. Shatskaya**

Применение метода фреймовых сценариев при прогнозировании внешнеполитической обстановки на примере размещения элементов ПРО США в Европе

Application of the frame scenarios method when forecasting the foreign policy situation on the example of placement of elements of missile defence of the USA in Europe

Левкин Игорь Михайлович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международных отношений
Доктор военных наук
lev.kin@yandex.ru

Levkin Igor Mikhailovich

North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of international relations
Doctor of Science (Military Science)
lev.kin@yandex.ru

Шацкая Валерия Игоревна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры международных отношений
tomasik-90@mail.ru

Shatskaya Valeria Igorevna

North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student of the Chair of international relations
tomasik-90@mail.ru

Ключевые слова:

противоракетная оборона, фрейм, сценарий, Шенк, Абельсон

Key words:

missile defense, frame, scenario, Shank, Abelson

Статья посвящена анализу возможных сценариев развития международной обстановки в связи с размещением элементов ПРО США в Восточной Европе на основе теории фреймов, разработанной Р. Шенком и Р. Абельсоном.

The article is devoted to the analysis of possible international situation development models because of the U.S. Missile Defense System deployment in Eastern Europe on the basis of R.Shank and R.Abelson frame theory.

С целью оценки возможных последствий от противостояния РФ и США по вопросу размещения элементов ПРО в Восточной Европе целесообразно рассмотреть варианты развития внешнеполитической обстановки (сценарии) при принятии РФ тех или иных решений. Поскольку некоторые страны Восточной Европы относят к такому географическому региону, как Центральная Европа (например, Польша, Чехия, Румыния и др.), стоит отметить,

что их реакция может существенно повлиять на общую геополитическую обстановку в интересах РФ [1].

В основе построения сценариев лежит теория, разработанная Р.Шенком и Р.Абельсоном [4]. В соответствии с этой теорией, при построении сценариев (фреймов) сначала формируется множество элементов сценария — действий, а затем рассматриваются различные варианты построения последо-

вательности этих действий, с оценкой каждого из них. При этом под элементарными действиями понимаются возможные задания терминала или задания отсутствия, а терминалы представляют собой наиболее характерные вопросы, связанные с ситуацией. Шенк и Абельсон также выделяют понятие субфрейма, т. е. фрейма следующего уровня со своими терминалами. Субфрейм, или подсценарий, может быть включен в главный фрейм. При этом численные оценки, характеризующие вероятность реализации того или иного подсценария, могут быть получены путем проведения экспертного опроса [2].

К основным мероприятиям (действиям) РФ в политической области можно отнести:

1. Продолжение консультаций и переговоров о недопустимости размещения средств ПРО в странах Восточной Европы с администрацией США (R_1).
2. Разработка предложений по заключению нового договора о совместной ПРО США и РФ (R_2).
3. Разработка предложений по заключению нового договора по ПРО с США с учетом положительного опыта договора по ПРО между СССР и США 1972 г. (R_3).
4. Организация международных слушаний по вопросам разоружения в целом и по проблеме ПРО США в частности, с обязательным принятием соответствующих политических решений (R_4).
5. Проведение переговоров с Ираном (R_5).
6. Обязательная увязка вопроса по ПРО с ключевыми вопросами разоружения и ограничения вооружений в мире и Европе, особенно в отношении стран ЕС (R_6).
7. Согласие России с предложениями, выдвигаемыми США по ПРО (R_7).
8. Убеждение в рамках информационного противоборства военно-политического руководства стран Восточной Европы о негативных последствиях размещения элементов ПРО США на их территориях (R_8).
9. Частичное согласие России с предложениями, выдвигаемыми США по ПРО (R_9).
10. Включение в военную доктрину РФ положения о возможности нанесения превентивного удара по объектам третьего позиционного района ПРО США, в том числе тактическим ядерным оружием (R_{10}).
11. Формирование коалиций с государствами, занимающими аналогичные с РФ позиции по третьему позиционному району ПРО США, и выступление на международной арене по данному вопросу единым фронтом. Расширение этой коалиции за счет государств, занимающих нейтральную (или индифферентную) позицию по рассматриваемому вопросу (R_{11}).
12. Отказ России от предложений, выдвигаемых США по ПРО (R_{12}).

К основным мероприятиям (действиям) РФ в военно-технической области можно отнести:

1. Разработку военно-технических предложений по созданию альтернативного варианта ПРО с доминирующей ролью Вооруженных Сил РФ (R_{13}).
2. Постоянный мониторинг экстерриториальными средствами наблюдения строящихся и функционирующих объектов третьего позиционного района ПРО США (R_{14}).
3. Исключение поставок в третьи страны оборудования и технологий, позволяющих организовать производство ракетно-ядерного оружия (R_{15}).
4. Размещение средств поражения (оперативно-тактических ракет «Искандер») в зоне доступности до объектов третьего позиционного района ПРО США (Калининградская область, смежные области РФ с третьим позиционным районом) (R_{16}).
5. Проведение НИР и ОКР по разработке новых средств поражения (подавления) объектов третьего позиционного района (R_{17}).
6. Совершенствование системы ВКО РФ (R_{18}).
7. Разработка новых средств преодоления ПРО США, форм и способов их боевого применения (R_{19}).

Сценарий 1: повышение уровня международной безопасности за счет создания совместной ПРО (США и РФ)

Данный сценарий характеризуется поиском взаимного компромисса с целью построения совместной ПРО. Сетевой фреймовый сценарий представлен на рис. 1. В этом сценарии реализуются в основном мягкие и средние действия со стороны России.

Развитие этого сценария начинается в случае продолжения переговоров (R_1). Эти переговоры могут закончиться отказом США от размещения объектов ПРО в третьем позиционном районе (F_1), либо США продолжают их размещение (F_8). В первом случае действием со стороны РФ (заданием терминала) может быть разработка Россией военно-технических предложений по созданию альтернативного варианта ПРО с доминирующей ролью ее вооруженных сил (R_{13}). Тогда ответной реакцией (заданием) со стороны США могут выступить согласие (F_2) или частичное согласие США с предложениями РФ (F_3), а также выдвижение США своего варианта создания совместной ПРО (F_4). При условии принятия США предложений РФ Россия может вынести на рассмотрение предложения по заключению нового договора о совместной ПРО с США (R_2). В свою очередь, вероятны следующие три варианта развития событий (в рамках субфрейма R_2 , F_5 , F_7 , F_6): согласие (F_5), частичное согласие (F_7) или отказ США (F_6). Согласие США может привести к исключению поставок со стороны РФ ядерных материалов в третьи страны (R_{15}) и, соответственно, к созданию совместной ПРО с доминирующей ролью ВС РФ (S_1). Оба других варианта могут повлечь за собой продолжение переговоров США (S_2).

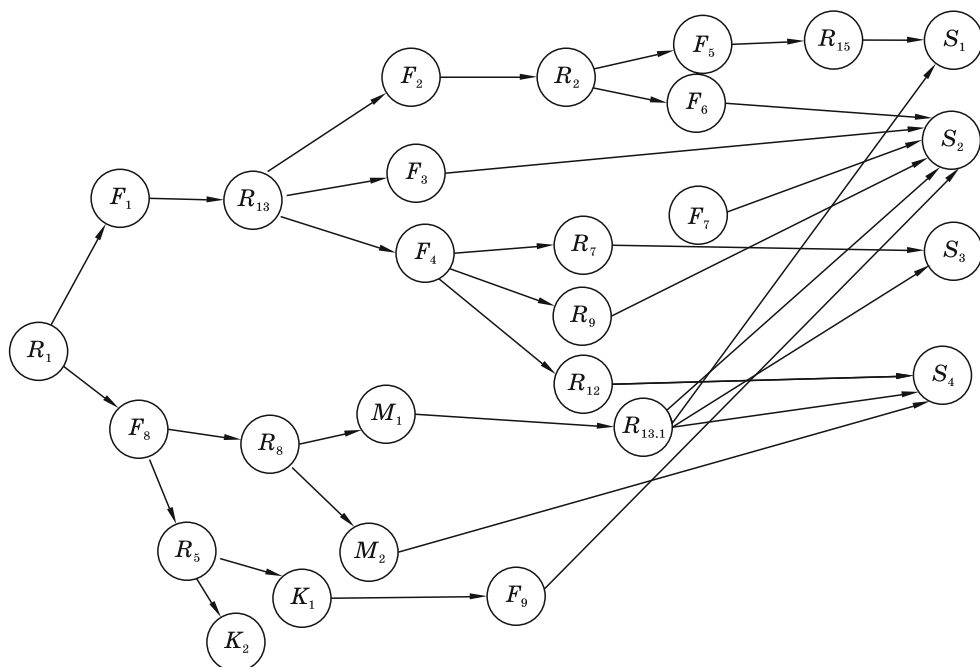
В то же время частичное согласие США с военно-техническими предложениями РФ также может привести к продолжению переговоров РФ и США. А выдвижение США своей идеи построения ПРО, соответственно, может породить

три новых варианта развития ситуации (в рамках субфрейма F_4 , R_7 , R_9 , R_{12}): согласие (R_7), частичное согласие (R_9) или отказ России от этой идеи (R_{12}). Первый вариант означает создание совместной ПРО согласно концепции США (S_3). Второй вариант ведет к продолжению переговоров между странами. А третий предполагает одностороннее размещение элементов ПРО США в Восточной Европе (S_4).

Во втором случае, т. е. при отсутствии компромисса на переговорах, Россия может предпринять две меры: убеждение руководства стран Восточной Европы о негативных последствиях размещения ПРО на их территориях (R_8) и проведение переговоров с Ираном о недопустимости использования ядерных материалов в военных целях (R_5). Первая мера может реализоваться в двух действиях (заданиях): отказе Восточной Европы от размещения ПРО на ее территории (M_1) и продолжении размещения (M_2). Естественно, отказ Восточной Европы может повлечь за собой разработку Россией военно-технических предложений по созданию совместной ПРО ($R_{13.1}$), что, в свою очередь, может привести к 4 конечным состояниям сценария. А продолжение размещения означает обострение военно-политической обстановки между США и РФ.

Результат проведения переговоров с Ираном также возможен в двух вариантах. Отказ Ирана от использования ядерных материалов в военных целях (K_1), тем не менее, не означает прекращения США создания своей ПРО, поскольку США могут найти новые аргументы для оправдания ее строительства (F_9), что ведет к продолжению переговоров между РФ и США. Однако и отсутствие консенсуса на переговорах с Ираном (K_2) предполагает потенциальную разработку Россией военно-технических предложений по строительству совместной ПРО и, следовательно, возможность осуществления одного из четырех конечных состояний сценария.

В этом сценарии доминирующей является схема обострения военно-политической обстановки в связи с односто-

- F_1 — США отказываются от размещения ПРО в третьем позиционном районе
 F_2 — США согласны с военно-техническими предложениями РФ
 F_3 — США частично согласны с военно-техническими предложениями РФ
 F_4 — США выдвигают СВОИ предложения по созданию совместной ПРО
 F_5 — США согласны с предложениями РФ по заключению нового Договора по созданию совместной ПРО
 F_6 — США не согласны с предложениями РФ по заключению нового Договора по созданию совместной ПРО
 F_7 — США частично согласны с предложениями РФ по заключению нового Договора по созданию совместной ПРО
 F_8 — США продолжают размещение средств ПРО в Восточной Европе
 M_1 — Руководство стран Восточной Европы отказывается от размещения элементов ПРО на своих территориях
 M_2 — Продолжение размещения элементов ПРО в странах Восточной Европы
 K_1 — Иран соглашается не использовать ядерные материалы в военных целях
 K_2 — Иран и РФ не достигают компромисса на переговорах (Иран отказывается выполнять предложения РФ)
 F_9 — Поиск США новых аргументов
 R_1 — Обозначает повтор мероприятия
 S_1 — Создание совместной ПРО с доминирующей ролью ВСРФ
 S_2 — Продолжение переговоров
 S_3 — Создание совместной ПРО в соответствии с вариантом, предложенным США
 S_4 — Обострение военно-политической обстановки, одностороннее размещение средств ПРО в странах Восточной Европы.

Рис. 1. Сценарий 1: повышение уровня международной безопасности за счет создания совместной ПРО (США и РФ)

ронным размещением ПРО в Восточной Европе (0,52). Наименее вероятной явля-

ется ситуация создания совместной ПРО с доминирующей ролью ВС РФ (0,07).

**Сценарий 2:
совершенствование средств
ракетно-ядерного нападения
в процессе скрытой гонки
вооружений в связи
с односторонними действиями
США по размещению
в Восточной Европе элементов
ПРО**

Данный сценарий демонстрирует отсутствие взаимного сотрудничества в области построения совместной ПРО между США и РФ и, в связи с этим, развивающейся гонкой вооружений. Сетевой фреймворк сценарий представлен на рис. 2. В сценарии реализуются средние и жесткие действия со стороны РФ.

Развитие этого сценария может начинаться с конечного состояния предыдущего сценария (S_4). Одностороннее размещение ПРО США может вызвать три действия (задания) со стороны РФ: включение в военную доктрину положения об уничтожении объектов ПРО третьего позиционного района (R_{10}), постоянный мониторинг объектов ПРО (R_{14}) и размещение средств поражения в зоне доступности до этих элементов (R_{16}).

В первом случае США могут внести изменение в стратегическую концепцию НАТО, провозгласив Россию главным противником (F_{10}). Те же изменения могут внести в свои военные доктрины страны Восточной Европы (F_{11}). Тогда действием (заданием отсутствия) со стороны РФ может быть формирование и расширение коалиций с государствами, занимающими аналогичную и нейтральную позицию по вопросу ПРО (R_{11}). В качестве ответной реакции США могут проводить систему информационных операций против России, выставляя ее перед мировым сообществом в качестве агрессора (S_5).

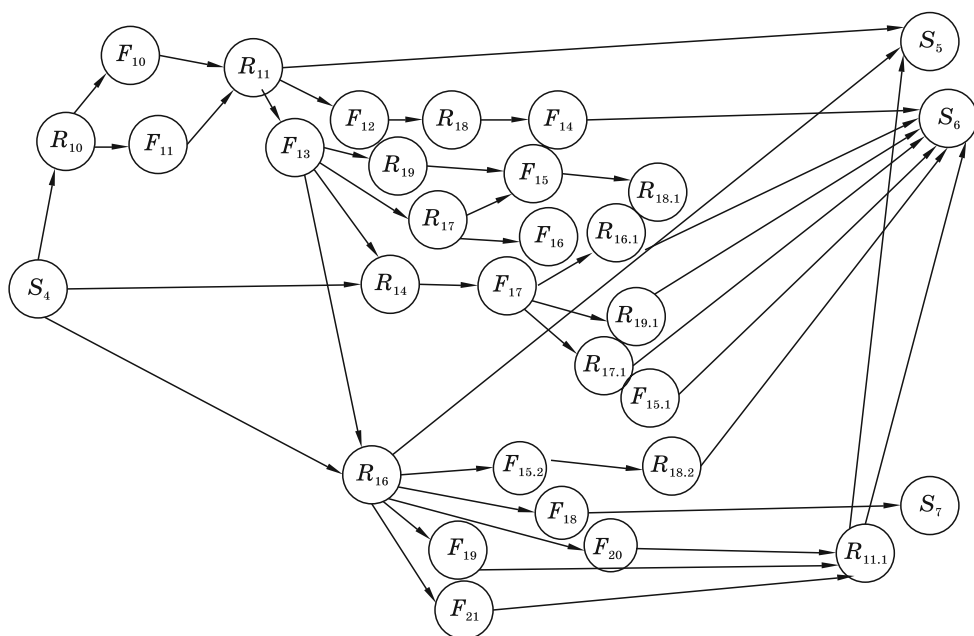
В то же время указанные мероприятия (задания) со стороны России могут привести к ответным мерам США (заданиям), когда США могут разместить средства нападения вблизи границ РФ (F_{12}) и элементы ПРО в других европейских странах, либо начнут создавать 4-по-

зиционный район ПРО, в том числе с включением стран из других регионов (F_{13}). Такие действия могут быть аргументированы необходимостью защиты со стороны РФ. Если США разместят средства нападения вблизи границ РФ, то Россия может приступить к совершенствованию своей системы ВКО (R_{18}). Тогда США также могут модернизировать свои средства нападения и обороны (F_{14}) и, таким образом, между двумя государствами будет развиваться гонка вооружений (S_6).

При условии размещения США объектов ПРО в других странах или регионах возможно четыре варианта развития ситуации (в рамках субфрейма F_{13} , R_{16} , R_{14} , R_{19} , R_{17}): размещение Россией ракет «Искандер» в зоне доступности до объектов третьего позиционного района (R_{16}), постоянный мониторинг объектов ПРО США (R_{14}), разработка новых средств преодоления ПРО (R_{19}) и проведение НИР и ОКР по разработке новых средств подавления объектов ПРО третьего позиционного района (R_{17}). Все эти действия со стороны России повлекут за собой совершенствование системы ПРО США (F_{15}), следовательно, Россия будет модернизировать свою систему ВКО (R_{18}), а значит, будет реализовываться одна из конечных стадий сценария — гонка вооружений (S_6).

В то же время проведение Россией НИОКР в области подавления объектов ПРО США (R_{17}) также спровоцирует разработку США новых видов средств нападения против РФ (F_{16}). А возможной ответной реакцией со стороны России (заданием) будет совершенствование своей системы ВКО (R_{18}).

Следует отметить, что при постоянном мониторинге объектов третьего позиционного района со стороны России (R_{14}) США, помимо модернизации своей системы ПРО, могут продолжать реализацию планов по дальнейшему размещению элементов ПРО в Восточной Европе (F_{17}). Тогда российская сторона предпримет ряд мер, характерных и для предыдущей ситуации, что, в конечном итоге, повлечет за собой гонку вооружений.

- F_{10} — Изменение стратегической концепции НАТО, где Россия может рассматриваться в числе главных противников НАТО
 F_{11} — Изменение военных доктрин стран третьего позиционного района, отнесение России к главным противникам
 F_{12} — Размещение США средств нападения вблизи границ РФ
 F_{13} — Размещение ПРО США в других европейских странах или создание четвертого позиционного района, в том числе с включением стран из других регионов
 F_{14} — Совершенствование США средств обороны и нападения
 F_{15} — Совершенствование системы ПРО США
 F_{16} — Разработка США новых средств нападения против РФ
 F_{17} — Продолжение размещения элементов ПРО в третьем позиционном районе
 F_{18} — США отказываются от дальнейшего размещения элементов ПРО в Восточной Европе
 F_{19} — Обострение военно-политических отношений со странами Восточной Европы
 F_{20} — Подготовка США военно-политического конфликта РФ со странами Восточной Европы
 F_{21} — Введение экономических санкций США против РФ
 R_{16} — Введение экономических санкций США против РФ
 $R_{16.1}$ — Обозначает повтор мероприятия
 R_{21} — Введение экономических санкций США против РФ
 S_5 — Ведение Соединенными Штатами информационной войны против РФ, представление России как агрессивно настроенного государства
 S_6 — Гонка вооружений между РФ и США
 S_7 — Проведение переговоров по заключению нового Договора по ПРО

Рис. 2. Сценарий 2: совершенствование средств ракетно-ядерного нападения в процессе скрытой гонки вооружений в связи с односторонними действиями США по размещению в Восточной Европе элементов ПРО

Наконец, размещение «Искандер» (R_{16}) повторяет цепочки предыдущих ситуаций, но также характеризуется появлением новых действий (заданий) со стороны США. Так, введение экономических санкций против РФ (F_{21}), как и обострение военно-политических отно-

шений со странами третьего позиционного района (F_{19}) и затем подготовкой Соединенными Штатами осуществления конфликтного противостояния между РФ и этими странами (F_{20}), ведет к необходимости формирования коалиции России с другими государствами ($R_{11.1}$).

Поэтому конечным состоянием сценария в случае этой меры со стороны РФ может быть гонка вооружений и ведение США информационной войны. Однако качественно новым состоянием, характерным именно для развития такого варианта событий, может быть отказ Соединенных Штатов от продолжения размещения элементов ПРО в Восточной Европе (F_{18}) и вероятность проведения переговоров по заключению нового договора, как одна из конечных стадий сценария (S_7).

Наиболее вероятной представляется ситуация проведения США информационных операций против РФ (0,49), а наименее вероятной — развертывание гонки вооружений между РФ и США (0,14).

Сценарий 3: военно-политическая неопределенность (затяжной обмен политическими заявлениями без конкретных действий)

Для этого сценария характерен взаимный обмен мнениями сторон с привлечением мирового сообщества. Однако сценарий не предполагает каких-либо действий в военной области. Сетевой фреймовый сценарий представлен на рис. 3. Сценарий включает мягкие действия со стороны РФ.

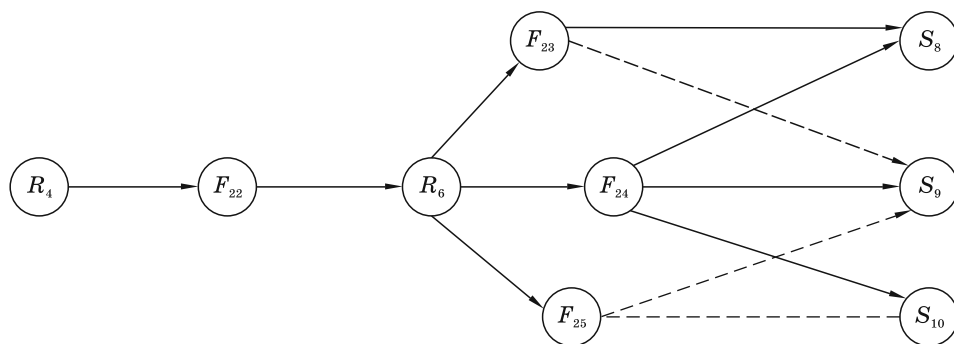
Развитие этого сценария начинается в случае одного из возможных действий со стороны РФ: организация международных слушаний в международных организациях по вопросам разоружения и по проблеме ПРО в частности (R_4). Ответной реакцией США (заданием) может быть инициирование международных слушаний со своей стороны (F_{22}). Тогда Россия на международной арене может увязывать вопрос ПРО с основными вопросами разоружения и ограничения вооружений в мире и Европе (R_6). Такое действие РФ (задание) может привести к трем вариантам развития ситуации (в рамках субфрейма R_6 , F_{23} , F_{24} , F_{25}): отказе США поддерживать предложение

России и объявление ее манипулятором сознания мирового сообщества (F_{23}), речи США о необходимости строительства ПРО в контексте ядерного сдерживания потенциально опасных или неблагополучных в ядерном отношении стран (F_{24}) или поддержке США предложений России (F_{25}). В случае игнорирования США необходимости увязывания вопросов ПРО и разоружения, США могут проводить систему информационных операций против РФ (S_8). Однако не исключен и затяжной обмен политическими заявлениями (S_9). В то же время речь США о необходимости строительства системы ПРО НАТО в целях укрепления режима ракетно-ядерного нераспространения может означать продолжающийся политический обмен точками зрения и возможность ведения информационной войны, либо проведение переговоров с РФ (S_{10}). И, наконец, поддержка США предложений РФ обуславливает вероятность проведения переговоров по заключению нового договора в этой области. Хотя возможен и вариант обмена заявлениями. Следует заметить, что два конечных состояния сценария (S_8 , S_{10}) также характерны и для предыдущего сценария.

В этом фреймовом сценарии наиболее вероятен такой исход событий, как ведение США информационной войны против РФ (0,43), а наименее вероятен вариант проведения переговоров (0,28).

Приведенные в каждом из рассматриваемых сценариев априорные вероятные оценки конечных состояний вариантов развития получены путем обработки результатов экспертного опроса. Общая характеристика участников экспертного опроса представлена в табл. 1.

Состав участников формировался методом «снежного кома». Оценка компетентности специалистов осуществлялась документальным методом. Получение экспертной информации производилось без взаимодействия экспертов в рамках одноуровневой процедуры [2]. Обработка результатов осуществлялась по упрощенной схеме метода Дельфи [3].

- F_{22} — США выступают инициатором международных слушаний со своей стороны
 F_{23} — США не поддерживают предложение России, объявляют ОС манипулятором
 F_{24} — США доказывают необходимость размещения элементов своей ПРО в третьем позиционном районе в контексте ядерного сдерживания
 F_{25} — США поддерживают предложение РФ
 S_8 — Ведение Соединенными Штатами информационной войны против РФ
 S_9 — Затяжной обмен политическими заявлениями
 S_{10} — Проведение переговоров между США и РФ по заключению нового Договора по ПРО

Рис. 3. Сценарий 3: военно-политическая неопределенность

Таблица 1

Общая характеристика экспертной группы

	Доктора наук	Кандидаты наук	Профессора	Доценты, СНС	ЗДН	Члены академий
Сотрудники НИИ МО РФ (НИЦ ПВО (г. Тверь), 4 ЦНИИ МО, 18 ЦНИИ, 1 ЦНИИ МО)	5	2	3	3	—	2
Сотрудники вузов РФ	3	1	3	2	2	2
Сотрудники войсковых частей, предприятий оборонной промышленности, ИАЦ, центров защиты информации	4	—	2	1	1	

Дисперсия полученных оценок лежит в пределах:

- для сценария 1: от 0,005 до 0,030;
- для сценария 2: от 0,042 до 0,010;
- для сценария 3: от 0,006 до 0,030.

Таким образом, разработанные сценарии позволяют, во-первых, прогнозировать дальнейшее развитие международной обстановки в зависимости от текущей реализации тех или иных действий со стороны США. Во-вторых, вы-

рабатывать обоснованные ответные действия РФ с учетом их положительных и негативных последствий. Вместе с тем, стоит учитывать, что внутренние факторы (например, проведение выборов и смена глав государств) и внешние (например, новый виток мирового финансового кризиса или вовлечение в региональную/локальную войну) могут оказать существенное влияние на возможность осуществления этих сценариев.

Литература

1. Косов Ю. В. Особенности геополитических процессов в Центральной Европе // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 91–97.
2. Левкин И. М. Комплексная обработка информации. СПб.: ВКА им. А. Ф. Можайского, 2011. 271 с.
3. Прохоров Ю. К. Управленческие решения. СПб: СПбГУ ИТМО, 2011. 138 с.
4. Abelson R. The Structure of Belief Systems. San Francisco, 1973.

References

1. Kosov Yu. V. Features of geopolitical processes in the Central Europe // Administrative consultation. 2009. N 3. P. 91–97.
2. Levkin I. M. Complex processing of information: monograph. SPb.: Military space academy named by A. F. Mozhaysky, 2011. 271 p.
3. Prokhorov Yu. K. Managerial decisions. SPb.: ITMO St.Petersburg State University, 2011. 138 p.
4. Abelson R. The Structure of Belief Systems. San Francisco, 1973.

С. В. Акопов

S. V. Akopov

Россия и Европа в политической философии М. К. Мамардашвили

Russia and Europe in political philosophy
of M. K. Mamardashvili

Акопов Сергей Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Кафедра политологии
Кандидат политических наук, доцент
sergakopov@gmail.com

Ключевые слова:

М. К. Мамардашвили, политическая философия, agora, Европа

Статья посвящена анализу идейно-символической составляющей политической философии М. К. Мамардашвили. Рассматривается влияние осмысления прошлого Европы и России на становление его политического мировоззрения. Дается краткая характеристика содержания работ.

Данная статья ставит своей целью анализ идейно-символической составляющей политической философии М. К. Мамардашвили. В качестве рабочей гипотезы рассматривается предположение, что именно осмысление прошлого Европы и России оказало решающее влияние на политическое мировоззрение и философию мыслителя. М. К. Мамардашвили, с одной стороны, представляет случай смешения российской и европейской интеллектуальных традиций. С другой стороны, в творческой и жизненной биографии Мамардашвили отразились перипетии российской политической истории XX в. (тоталитарный режим, холодная война, перестройка и т. д.). Поэтому так важно показать субъективный опыт становления транснационального бытия в текстах М. К. Мамардашвили и попытаться спрогнозировать развитие его идей в будущем.

Akopov Sergey Vladimirovich

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Saint-Petersburg)
Chair of Political Science
PhD on Political Science, Associate Professor
sergakopov@gmail.com

Key words:

M. K. Mamardashvili, political philosophy, agora, Europe

This article analyzes ideological and symbolic components of political philosophy of M. K. Mamardashvili. It considers the influence of the representations of the European and Russian past on the political outlook of the intellectual, as well as the brief analysis of his works.

1. М. К. Мамардашвили как европейский политический философ

Мераб Константинович Мамардашвили (1930—1990) родился в городе Гори (Грузия). Окончив в Тбилиси школу с золотой медалью, он приехал в Москву, где в 1954 г. стал выпускником философского факультета МГУ. После окончания аспирантуры (1957) Мамардашвили работал в редакции журнала «Вопросы философии», а с 1961 по 1966 г. его командировали в Прагу, в редакцию журнала «Проблемы мира и социализма». С 1968 по 1974 г. М. К. Мамардашвили — заместитель редактора журнала «Вопросы философии». Защитив в 1970 г. докторскую диссертацию, он работает в научных институтах Москвы, а также активно читает лекции в МГУ и других вузах СССР. В 1980 г. по причинам цензуры в московских вузах Мамардашвили

возвращается на родину, где активно преподает и в дальнейшем принимает участие в политической жизни Республики Грузия. Уже в эпоху перестройки, став философом с мировым именем, Мамардашвили снова получает возможность выезжать за рубеж и читать лекции в престижных университетах Франции, Германии и США.

Можно ли считать М. К. Мамардашвили именно *политическим* философом? Как справедливо отмечает голландский исследователь творчества Мамардашвили Э. ван дер Звееде, имя Мамардашвили гораздо меньше ассоциируется с социальной и политической философией, нежели с философией культуры или феноменологией сознания [19, р. 180]. Однако я согласен с ван дер Звееде: тексты Мамардашвили действительно направлены на разработку исключительно важных аспектов социальной реальности и актуальны для любого общества.

По мнению Г. Э. Бурбулиса, «политический философ — это тот, кто изначально органично — и субстанционально, и экзистенционально, и трансцендентно, и имманентно — переживает и ценностно-концептуально выражает свою жизнь как жизнь активного политического деятеля. Он сознает необходимость, прежде всего для себя, выработки своей концепции мира политики, своей системы ценностей, своего миропонимания и в определенной мере выражает в этой системе ценностей сокровенный смысл собственной жизни как жизнотворчества». «Политическая философия — это то, что концептуально-смыслово производит политический философ» [1, с. 16].

В данной статье я попытаюсь показать, какое место концепции Европы и ее истории занимали в политическом мировоззрении М. К. Мамардашвили. При этом я опираюсь на ряд поздних текстов Мамардашвили, в частности его статьи и интервью «Европейская ответственность», «Другое небо», «Жизнь шпиона», «Мой опыт нетипичен», «Одиночество — моя профессия...», а также на англоязычное интервью «Гражданское общество».

Не секрет, что далеко не всем близок образ Европы, нарисованный Мамарда-

швили. Как отметил Ю. В. Пушаев, «когда Мамардашвили, например, говорил о Европе, он говорил скорее о Европе идеальной, Европе-символе, существующей преимущественно лишь в его философствовании и выполняющей функции идеальной модели для заблудшей России» [12, с. 172]. М. Рыклин восприятие Европы Мамардашвили представляется «недостаточно сложным и дифференцированным, и главное — не очень реалистичным» [13]. Не будем утверждать, насколько «объективна» Европа Мамардашвили. Однако последний в период своей пражской «позолоченной эмиграции» жил в центральной Европе достаточно долго (1961–1966 гг.), чтобы иметь право на «похищение» своей Европы. И вряд ли будет правильно сказать, перефразируя известное выражение Ф. Степуна, что для Мамардашвили «изгнание в Европу оказалось изгнанием и из Европы». Европа не была для Мамардашвили только прекрасным пейзажем, увиденным исключительно «с подоконника советской действительности»¹.

В отличие от Ф. Степуна Мамардашвили не был изгнан в Европу. Никогда не будучи «национальным философом», он, по собственному признанию, изначально «находился в некоторой внутренней эмиграции» [9, с. 360]. Он называл себя человеком в маске и «шпионом неизвестной родины». На все, что его окружает, в том числе и на Европу, Мамардашвили смотрел как бы издали, через призму другой реальности, пытаясь прочесть ее знаки в обыденной жизни [9, с. 353]. Откуда происходит символическое пространство Европы Мераба Ма-

¹ Ф. Степун: «Но вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, „русские европейцы“, очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем „Петровом окне“; ушел родной подоконник из-под локтей — ушло очарование пейзажа» (Степун Ф. А. Мысли о России // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 233).

мардашвили? Попробуем выделить три возможных источника.

2. М. К. Мамардашвили: французская страсть к «мировому гражданству»

Первый источник понимания Европы у Мамардашвили — это сам характер его интеллектуального дара. Мамардашвили отстаивает право человека на независимость от своей собственной культуры, «право на шаг, трансцендирующий окружающую, родную, свою собственную культуру» («Другое небо») [9, с. 337]. В интервью, данном в 1989 г., за год до своей смерти, Мамардашвили развивает кантовскую идею «гражданина мира», рассуждая о том, что все мы должны научиться воспринимать окружающий нас мир глазами других людей, научиться думать об этом мире с позиции другого человека [17]. В интервью «Одиночество — моя профессия...» он заметил: «По-моему, невозможны национальные философы... Национальный ведь будет означать: философ — это человек, представляющий нацию, ее выражающий, любовь к ней превращающий в какой-то специальный предмет пропаганды и защиты и так далее, философ как человек может быть любым, но определять через национальное — это определять в нем не философа» [10].

Вот как Мамардашвили поясняет разницу между понятиями национального философа применительно к Фихте, к Гегелю, с одной стороны, и, с другой стороны, И. Кантом. «Кант, — очевидно, последний просветитель, — пишет Мамардашвили, — принадлежал к космополитической Европе... которая осознавала себя не в терминах национальных идеологов. Он усомнился бы в своей немецкости, то есть ему в голову даже не пришло бы считать, что может быть национальной немецкая философия, а он — национальный немецкий философ; услышав это, он, конечно, очень удивился бы, а может быть, даже рассердился» [10]. Становясь на сторону Канта, Мамардашвили защищает его

право приписывать себе не немецкое, а шотландское происхождение. Не важно, был ли Кант немцем или шотландцем, считает Мамардашвили, так как реальностью в данном случае является то, какую легенду любил сам Кант. «Если он хотел считаться шотландского происхождения, значит, так оно и было» [10]. Очевидно, что и сам Мамардашвили полагает, что вопреки примордиалистскому толкованию национальности человек имеет право выбирать свою идентичность или конструировать ее.

Мамардашвили выступает против сведения философии в русло какой-либо «национальной» философии: «Я как философ никакого отношения не имею к тому, что я грузин там или кто. Потому что, будь я грузином, задача, которая меня приобщает к философии, у меня все равно одна: философия есть способ приобщения к вечному настоящему, это место, где мы современны со всеми людьми — прошлыми, сейчас живущими и в будущем живущими» [10]. Транснационализм Мамардашвили опирается на поиск универсальных для любого человека вне зависимости от его национальной принадлежности ценностей и опытов. «Оба мы совершенно уверены, — пишут в начале своей книги „Сознание и символ“ А. Пятигорский и М. Мамардашвили, — что есть (не „существует“, а „есть“!) одна философия, по-разному выполненная в текстах разных стран, культур, времен и личностей. Просто одна и та же действующая в ней сила вспыхивала в мире как разные имена» [11, с. 25].

Представляется, что, будучи до конца жизни глубоко привязанным к грузинской, российской и западно-европейской культуре, Мамардашвили не был в чистом виде космополитом, скорее, как выразился бы В. К. Кантор, «русским европейцем», суть которого состоит в «отстаивании базовых европейско-христианских ценностей в любой стране» [5, с. 492]. Дело в том, что космополитизм предполагал бы равную степень укорененности мыслителя в самых разных культурах. Однако это невозможно даже чисто практически. Скорее мы можем говорить

о степени транснациональности того или иного мыслителя, причем эта степень будет питаться смещением культур вполне конкретных, а не абстрактным космополитизмом. Например, С.Л. Франк писал о Р.М. Рильке, что он был одной из тех универсальных натур, которые, будучи глубоко, как все творческие натуры, укоренены в своей национальности, вместе с тем ее перерастают и достигают сферы вселенского духа — не в отвлеченно-рационалистическом, бездушном и бесплодном «космополитизме», а в конкретном сродстве с разными и разнородными национально-культурными его обнаружениями [15, с. 609–610]. Например, тому же В.К. Кантору, в своих работах часто апеллирующему к Карлу Великому, Новалису, Ф. Ницше, Т. Манну, М. Хайдеггеру, очевидно, так же уютно в рамках немецкого языка и культуры, как в купе «немецко-российского поезда» (см.: [4]).

В случае с Мамардашвили это как раз не была Германия. Отношение Мамардашвили к разделенной послевоенной Германии было сложным. Так, в «чисто немецкой философии» XIX в. он улавливает некую «варварскую ноту», в которой звучит струя, противостоящая самой сути европейской цивилизации. «Такой печальный эпизод, — поясняет Мамардашвили — связан, если угодно, с характером самой немецкой философии после Канта... Дальше она приобретает разные оттенки, но она, по моему, как раз в сторону отходит от европейской философской традиции — сколько бы при этом немцы, в особенности в наше время, устами Хайдеггера ни говорили о том, что они тем самым как бы напрямую перепрыгивают через Европу к истинным античным греческим своим истокам» [10].

Центральная и Восточная Европа по понятным причинам также не вписывались в его понимание идеальной Европы, особенно после Пражской весны 1968 г. (Мамардашвили был той весной в Праге). Исследование текстов Мамардашвили показывает, что тот мало апеллирует к скандинавским странам, отнюдь мало пишет о государствах Пиренейского полуострова, переживав-

ших в середине XX в. тоталитарные и авторитарные режимы (об Испании Мамардашвили немного говорит в интервью «Другое небо»). Может возникнуть вопрос: если для М. Мамардашвили Европа — это не Грузия, не Россия, не разделенная Берлинской стеной Германия, не Скандинавия, не Испания, не страны Восточной Европы, тогда что же? Тексты Мамардашвили не оставляют сомнений на этот счет: сердце Европы, по Мамардашвили, — это Древняя Греция и Древний Рим («Лекции по античной философии»), эпоха Возрождения, а в современном воплощении — Австрия (лекция «Вена на заре XX века»), Англия, Италия и Франция.

Важный компонент «европейскости Мамардашвили» — глубокая симпатия к французской философии и культуре. Рискну предположить, что «французская история» М.К. Мамардашвили — это его личный поиск идентичности (наподобие желания быть шотландского происхождения у Канта). Идя по следам этих поисков, мы видим, что интерес к французской философии и литературе уходит у Мамардашвили глубоко в детство. «Монтень, Ле Бозси, Монтескье, Руссо... В городской библиотеке оказалась неплохая подборка французов. Может быть, тогда, — пишет про Мамардашвили Е. Складенко, — он и осознал первый закон топологии пути — закон фундаментального одиночества... Наш настоящий разговор всегда не с ближним, а с дальним...» [14, с. 11]. «Должен признаться, — писал Мамардашвили, — что именно французская философия и культура сформировали мой склад ума» [9, с. 311]. В будущем такими дальними собеседниками для Мамардашвили судьбоносно оказывались французские мыслители Декарт, Паскаль, Пруст. В книге «Встречи с Декартом» Ю. Левада изящно описывает, как во время своих московских лекций Мамардашвили проводил параллели между Декартом и Пушкиным [6, с. 438]. В том же сборнике опубликована статья Г. Гачева с характерным названием «Французский образ мира и стиль мышления» [2, с. 196]. Так получалось, что именно в творчестве

французских мыслителей Мамардашвили часто черпал свой трансцендентальный опыт. И французы платили ему ответным интересом, переводя его «Картезианские размышления», публикуя его переписку с Л. Альтюссером, печатая его на французском в *Liberation*. Многим западноевропейцам импонировало и то, что философ из СССР, как подчеркивала в предисловии к французскому изданию «Мысли под запретом» А. Эпельбуэн, не боится апеллировать к христианским образам и персонажам (*les figures chrétiennes*) (см.: [18]).

Французская философия, история и литература Франции, Париж, «французская страсть» (выражение из работы Мамардашвили «Психологическая топология пути») — предмет постоянных отсылок и аллюзий Мамардашвили в самых разных его текстах. Например, в «Вильнюсских лекциях по социальной философии» Мамардашвили, рассуждая о европейском понимании социальной справедливости, говорит, что Англия и Франция заплатили за нее дорогой ценой: «...Была история европейских городских парламентов, была история религиозных войн за свободу совести, и, кстати, больше в религиозных войнах за свободу совести вырабатывались простейшие и необходимейшие демократические и формальные навыки, чем в эксплицитной борьбе за демократию с ее именем на знаменах, которыми размахивали в короткие дни Французской революции. Чтобы революция дала определенные плоды, что-то уже должно было случиться перед этим» [8]. В «Картезианских размышлениях» Мамардашвили подчеркивает у Декарта онтологический постулат: «Если ты сможешь что-то в себе выпросить до конца, и у тебя хватит мужества, веря только этому, раскрутить это до последней ясности, то ты вытащишь и весь мир, как он есть на самом деле, и увидишь, какое место в его космическом целом действительно отведено предметам наших стремлений и восприятий. Повторяю, опишет Вселенную тот, кто сможет расспросить и описать себя. Вот — Париж, справлюсь ли с ним, как говорит бальзаковский герой» (цит. по: [14, с. 89–90]).

3. Символ «агоры» и образ европейского политического пространства

В январе 1988 г. Мамардашвили выступил в Париже на международном симпозиуме «О культурной идентичности Европы». Свой доклад «Европейская ответственность» он начал так: «Я хотел бы сказать несколько слов по поводу тех идей, которые появились у меня на основе опыта — личного опыта человека, который родился не в Европе... Для вас, европейцев, слишком многое кажется естественным, само собой разумеющимся. Например, вы не задумываетесь даже о том, что составляет суть вашего существования. У вас нет обостренного сознания, что человек — это прежде всего постоянное усилие стать человеком... Именно так и следует рассматривать ответственность [Европы] в отношении себя самой» [9, с. 311–312]. Одним из краеугольных оснований европейской идентичности, по мнению Мамардашвили, является эпоха Возрождения, состоящая в свою очередь из двух элементов. Первая составляющая — это греко-римский мир, гражданская идея, что только конкретная социальная форма, конкретное сообщество способно приблизить людей к осуществлению бесконечного идеала на земле. Другой аспект этого же элемента — римская концепция правового государства. Вторая составляющая, считает Мамардашвили, — это Евангелие, в котором заключена идея, что человеку нужно идти, не пользуясь внешней поддержкой, а следуя внутреннему голосу, внутреннему слову, не требуя гарантии, и тогда появится сила, побуждающая к действию, преодолению, та сила, которая в конечном счете и творит историю. «То есть для меня Европа — это форма, показывающая, что существует орган жизни, присущий человеку, и этим органом является история... Для меня, — отмечает Мамардашвили, — в европейской культуре заключен, если угодно, единственно приемлемый ответ на вопрос: возможно ли изменение в мире? Способен ли человек, повязанный причинно-след-

ственными связями, возвыситься, реализовать в конкретных формах некое бесконечное совершенство?... При этом у самих европейцев, — отмечает Мамардашвили, — может наблюдаться усталость и некоторое забвение своих истоков. Здесь таится опасность для Европы...» [9, с. 312].

Важным историческим символом для интерпретации социальной реальности у Мамардашвили выступает символическое понятие «агора». С точки зрения Мамардашвили, современная опасность заключается в том, что Европа может утратить модель европейского человека. Как это может произойти? Мамардашвили отвечает: «То, что происходит сегодня, сходно по своей природе с тем, что продемонстрировали нам Первая и Вторая мировые войны: мы в той же точке, что породила эти катастрофы в недрах европейской культуры... Уже неоднократно говорилось: опасность представляет современное варварство. А варвар, как известно, — это человек без языка. Таково греческое определение варвара» [9, с. 313]. При этом Мамардашвили подчеркивает, что греки понимали под языком нечто иное, чем другие окружавшие их народы (например, персы), «а именно — артикулированное пространство мысли, включающее в себя желания и чувства людей». Раскаты этого «горлопанства» на агоре, по мнению философа, и составляют наш современный язык. Мамардашвили подчеркивает: «Мы также должны осознать: что человек перед миром гол. Что он человек лишь тогда, когда у него есть это пространство, заполненное речевой артикуляцией агоры, которая опосредует почти бессильные потуги индивида постичь сложность человеческой натуры и которая позволяет ему формулировать свои собственные мысли» [9, с. 313]. На мой взгляд, Мамардашвили говорит здесь о политической коммуникации и о предпосылках коммуникативного действия и делиберативной демократии. Вспомним, что агора — рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний. Неслучайно свою известную книгу

о «мониторинговой демократии» («Жизнь и смерть демократии») Дж. Кин начинает с подробного описания агоры Древних Афин, где греки устраивали театральные представления и спортивные состязания, судебные процессы и распродажи товаров, политические споры и любовные флирты [16, с. 12]. Для Мамардашвили агора — это не только символ публичного пространства, но еще и символ европейского стремления к свободе, к любви, к мысли, к чести, к достоинству. По его мнению, это стремление может реализоваться «лишь в пространстве языка, его свободы... Моя мысль сводится именно к этому, — подчеркивает Мамардашвили, — большая часть человека — вне его. Она в том пространстве, о котором я сказал, и теперь лишь добавлю, что человек — это весьма и весьма напряженное усилие, длительный труд. Надо иметь смелость и терпение на это усилие, ибо европейские задачи „берутся“ только усилием» [9, с. 314].

Именно в исторической неразвитости символического пространства агоры, публичной сферы, горизонтальных коммуникативных связей, площадок политических дискуссий, артикуляций и согласований интересов, Мамардашвили видит разницу между Европой и такими постсоветскими государствами, как Грузия и Россия. Отсутствие агоры — это также одна из причин того, что в постсоветских государствах гражданское общество развито недостаточно, и преодолеть это, как прекрасно понимал Мамардашвили, можно только историческим путем [9, с. 312]. «Это очень серьезный феномен и в нашей внутренней жизни, — делает тонкое антропологическое наблюдение Мамардашвили, отвечая на вопрос о падении Берлинской стены, — так как даже у нас самих нет общей меры языка и реальной действительности. Здесь воспроизводится различие между нами и вами [европейцами. — А. С.]. Мы пользуемся вашим языком, но наша действительность не соответствует действительности вашего языка. Первые симптомы проявились еще во времена Петра Великого и сы-

грали решающую роль в выборе исторического и политического пути России... Трагедия русской интеллигенции состоит в непонимании того, что язык, с помощью которого осмысливались события, не имел ничего общего с природой этих событий. Названный парадокс является теперь на уровне наших отношений с Европой и вашего представления о нас. Нам безразлично, что происходит, например, в Германии. Вам это кажется парадоксальным, потому что вы думаете, что раз мы говорим на одном языке, то у нас одна действительность, т.е. тот же реальный эквивалент языка. Но вы заблуждаетесь» [9, с. 354]. Согласно Мамардашвили, именно отсутствие агоры в том виде, как она существует в Европе, не позволяет постсоветским странам полностью пребывать в европейском пространстве. Коль скоро европейская действительность отсутствует в умах большинства людей, становится понятно, почему к ней не проявляется общественный интерес. Хотя слова, отмечает философ, и позволяют мысленно обратиться к событиям, заново объединившим Германию, тем не менее связь с европейской реальностью полностью отсутствует — значит, нормально не интересоваться немецким вопросом [9, с. 354]. Отмеченный разрыв между Россией и Европой продолжает сохраняться спустя двадцать два года после смерти мыслителя, своей мыслью стремившегося стереть барьеры между грузинским, русским и французским духовным наследием.

В завершение статьи хотелось бы вернуться к вопросу о том, можно ли считать Мамардашвили именно политическим философом. Как показал В.А. Гуторов, политическая философия по своей природе призвана не только выяснять принципы бытия государства, но и обосновывать социальные идеалы (справедливость, свободу, безопасность и др.), которые совсем не обязательно должны зависеть от тех или иных исторических условий, а нередко и прямо противоречат «наличному бытию» конкретного государства. В этой ситуации между исторически ориентированной

политической наукой и нормативной политической философией могут возникать конфликты. «В рамках такой дилеммы политическая философия как бы расщепляется на два типа аргументации: обоснование универсальных принципов демократического порядка, неотделимого от свободы духа, без которого философия не может существовать, и определение тех морально-политических обязательств, которые необходимо на себя брать в том случае, когда над свободой нависает угроза» [3, с. 11].

В случае М.К. Мамардашвили в конце 1980-х такая угроза нависла над свободой на его родине — в Грузии. Так, рассуждая о проблеме грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов в начале 1989 г., Мамардашвили пишет: «Лозунг грузинского национального движения должен был бы звучать примерно так: „Слушайте, братцы, давайте возьмемся за руки, давайте помогать друг другу, чтобы выйти из общего мрака“. ...Казалось бы, ясно. И нормальные политики должны говорить именно это. Но беда в том, что и в грузинском национальном движении таких политиков практически нет. А есть лишь столкновение слепых амбиций, обоюдных невежеств — относительно себя, своих действительных интересов, цели движения и т.д. Между тем реальная проблема — и это очевидно — состоит в преодолении и изживании нигилизма и тоталитаризма...» [9, с. 319]. На прямой вопрос Анн Шевалье «А лично вы остались в стороне от политической жизни?» Мамардашвили отвечает: «Нет, не совсем. <...> По темпераменту и складу ума я не активист, я не получаю удовольствия от руководства общественным организмом. Активист — тот, кто всегда занят делами других. Это совершенно не в моем характере. Если и были во мне ростки чего-то подобного, они давно убиты советской властью... Надо помогать людям, заниматься ими в хорошем смысле этого слова. Я способен осознавать этот смысл, но себя я в роли активиста не представляю. Философ нуждается в одиночестве и тишине. Если я брошусь в политическую

борьбу, то лишусь необходимых для работы мысли тишины и одиночества. И в то же время все, что я делаю, — это политика, потому что я выражаю то, что вижу, например, выражаю свои мысли в разговоре с вами. Я могу их высказать, поэтому и говорю. И мои слова подразумевают определенные последствия, поскольку в них расставлены политические акценты. Кто-то становится моим политическим оппонентом, кто-то политическим другом. В этом смысле я тоже втянут в политическую борьбу, в политическую деятельность» [9, с. 352].

Вот как описывает период прихода к власти З. Гамсахурдия и реакцию Мамардашвили М. Рыклин, лично знавший философа. «Когда „неистовый Звиад“ провозгласил лозунг „Грузия для грузин!“ и ополчился на национальные меньшинства, в сторонниках у него не было недостатка. Будущий президент не был связан политкорректностью и проповедовал агрессивный национализм, маскируемый защитой интересов „высокой“ грузинской культуры от „диких“ осетин, абхазов, лакцев и других малых народов. Мамардашвили решительно запротестовал. „Грузины, — утверждал он, — являются таковыми лишь постольку, поскольку в своем этническом теле они выполнили определенные мыслительные акты и тем самым превратились в граждан. Если эти акты не состоялись и гражданского общества нет, перед нами всего лишь этнос, а преклонение перед этносом — признак дикости, недостойной древнего христианского народа, каковым являются грузины“. Сказать такое в конце 80-х гг. было мужественным поступком. Философа объявили „врагом народа“, „советским продуктом“, „русофи-

лом“, „космополитом“ (в то время его соотечественникам было не до интеллектуальных тонкостей). Но кампания травли не запугала Мамардашвили, не заставила замолчать, и в конце жизни он произнес ставшие знаменитыми слова: „Если мой народ проголосует за Звиада Гамсахурдия, то я выступлю против своего народа!“» [13].

Судьба М. К. Мамардашвили в полной степени отражает, даже персонифицирует, описанную В. А. Гуторовым дилемму философа политики «между Шмиттом и Хабермасом», между желанием иметь только «друзей» и политической реальностью оказываться для кого-то «врагом». К чести Мамардашвили, следует сказать, что он не разменял своих принципов и преданности классическим со времен Платона европейским ценностям. Как отметила Т. В. Левина, несмотря на то что советская философия в виде марксизма-ленинизма боролась с трансцендентным в рамках партийной идеологии, «философия Мамардашвили и кинотеория Тарковского наследуют пониманию символа, отсылающему через сочинения Дионисия Ареопагита к Платону. Это дает возможность сделать вывод, что понятие символа сохранило свой основной смысл во всей платоновской традиции: быть проводником трансцендентного» [7]. И в этом смысле, перефразируя выражение В. А. Гуторова из приведенной выше статьи, я бы сказал, что политическая философия на сегодняшний день находится на такой стадии эволюции, в рамках которой «преодолеть Канта» возможно, только солидаризируясь с Кантом и одновременно принимая в серьезный расчет судьбу М. К. Мамардашвили как символ нашего времени.

Литература

1. Бурбулис Г. Э. Политическая философия как жизнетворчество // Политекс. 2005. № 2. С. 15–37.
2. Гачев Г. Французский образ мира и стиль мышления // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. 1994 г. / А. Абрамов [и др.]; Науч. ред. В. А. Кругликов, Ю. П. Сенокосов. М.: Ад Маргинем, 1996. С. 199–231.
3. Гуторов В. А. Современная политическая философия как реальность образовательной стратегии в контексте наследия И. Канта // Политекс. 2005. № 2. С. 7–14.
4. Кантор В. К. Поезд «Кельн—Москва»: повесть // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 124–162.

5. Кантор В. К. Надо ли русским европейцам бежать из России? // Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М.: РОССПЭН, 2008.
6. Левада Ю. Стряхнув академическую пыль... // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. 1994 год / А. Абрамов [и др.]; Науч. ред. В. А. Кругликов, Ю. П. Сенокосов. М.: Ад Маргинем, 1996. С. 436–438.
7. Левина Т. В. Символ Тарковского и Мамардашвили в контексте платонизма: неперево-
димность трансцендентного // Художественная культура: Электронный рецензируемый
науч. ж-л. Вып. 4. 2011. URL: <http://sias.ru/magazine/vypusk-4/yazyki/689.html>. 1%D0%B0
(дата обращения: 20.11.2012).
8. Мамардашвили М. Из Вильнюсских лекций по социальной философии // Синий диван.
М., 2009. № 13. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/01/29/mamardashvili/> (дата обра-
щения: 20.03.2012).
9. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Культура, 1992.
10. Мамардашвили М. Одиночество — моя профессия. М., 2004. 23 с. URL: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/mamardashvili_odinochestvo/ (дата обращения: 20.03.2012).
11. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Сознание и символ. Метафизические рассужде-
ния о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
12. Пуцаев Ю. В. К выходу в свет собрания трудов М. К. Мамардашвили // Вопросы фило-
софии. М., 2010. № 12. С. 167–172.
13. Рыклин М. Я. истину ставлю выше моей Родины. Мераб Мамардашвили о Грузии, России
и Европе // Новая газета. М., 2008. 8 сентября. № 66. URL: [http://www.novayagazeta.ru/](http://www.novayagazeta.ru/society/38846.html)
[society/38846.html](http://www.novayagazeta.ru/society/38846.html) (дата обращения: 20.03.2012).
14. Склярченко Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006.
15. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
16. Kean J. Life and death of Democracy. N.Y.: Norton and Company, 2009.
17. Mamardashvili M. The Civil Society. An Interview With Merab Mamardashvili // The Civic Arts
Review, Arneson Institute of Ohio Wesleyan. 1989. Vol. 2. № 3. Summer. URL: <http://car.owu.edu/pdfs/1989-2-3.pdf> (дата обращения: 02.02.2012).
18. Mamardachvili M. La pensée empêchée. Entretiens avec Annie Epelboin. Ed. de l'Aube, 1991.
73 p.
19. Van Der Zweerde E. Philosophy in The Act: The Socio-Political Relevance of Mamardasvili's
Philosophizing // Studies in East European Thought. 2006. Vol. 58. P. 179–203.

References

1. Burbulis G. E. Political philosophy as a vital creativity // Polytex. 2005. N 2. P. 15–37.
2. Gachev G. French perception of the world and the way of thinking // Meeting with Descartes.
Philosophical readings in memory of M. K. Mamardashvili. 1994 / Abramov [etc.]; Ed. by
V. A. Kruglikov, J. P. Senokosov. M.: Ad Marginem, 1996. P. 199–231.
3. Gutorov V. A. Modern political philosophy as the reality of the educational strategy in the
heritage of I. Kant // Polytex. 2005. N 2. P. 7–14.
4. Cantor V. K. Train “Cologne—Moscow” // Questions of Philosophy. 1995. N 7. P. 124–162.
5. Cantor V. K. Is it necessary to run away for European Russians from Russia? // St. Petersburg:
Russian Empire against Russian chaos. M.: ROSSPEN, 2008.
6. Yuri Levada. Shaking off the academic dust... // Meeting with Descartes. Philosophical readings
in memory of M. K. Mamardashvili. 1994 / Abramov [etc.]; Ed. by V. A. Kruglikov, J. P. Senokosov.
M.: Ad Marginem, 1996. P. 436–438.
7. Levina T. V. Tarkovsky's and Mamardashvili's “symbol” in the context of Platonism: untranslat-
ability of the transcendent // Culture. Electronic peer-reviewed scientific journal. Issue 4. 2011.
URL: <http://sias.ru/magazine/vypusk-4/yazyki/689.html>. 1%D0%B0 (date of visit: 11/20/2012).
8. Mamardashvili M. From Vilnius lectures on social philosophy // Blue sofa. M., 2009. N 13.
URL: <http://www.polit.ru/article/2009/01/29/mamardashvili/>. (Accessed: 20/03/2012).
9. Mamardashvili M. How I understand philosophy. M.: Culture, 1992.
10. Mamardashvili M. Loneliness is my profession. M., 2004. 23 p. URL: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/mamardashvili_odinochestvo/ (date of visit: 03/20/2012).
11. Mamardashvili M. K., Piatigorsky A. M. Consciousness and symbol. Metaphysical speculations
about consciousness, symbolism and language. M., 1997. 224 p.
12. Pushaev Y. The release of a collection of works of M. K. Mamardashvili // Questions of Philosophy.
M., 2010. N 12. P. 167–172.

13. *Ryklin M.* «I put the truth above my homeland». Merab Mamardashvili of Georgia, Russia and Europe // *Novaya Gazeta*. M., 2008. September 8. N 66. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/38846.html> (date of visit: 03/20/2012).
14. *Sklyarenko E.* Merab Mamardashvili in 90 minutes. M.: AST; SPb.: Owl, 2006.
15. *Frank S.L.* Russian outlook. SPb., 1996.
16. *Kean J.* Life and death of Democracy. N.Y. Norton and Company, 2009.
17. *Mamardashvili, M.* The Civil Society. An Interview With Merab Mamardashvili // *The Civic Arts Review*, Arneson Institute of Ohio Wesleyan. 1989. Vol. 2, N 3. Summer. URL: <http://car.owu.edu/pdfs/1989-2-3.pdf> (date of visit: 02.02.2012).
18. *Mamardachvili M.* La pensee empechee. Entretiens avec Annie Epelboln / Ed. de l'Aube, 1991. 73 p.
19. *Van Der Zweerde E.* Philosophy in The Act: The Socio-Political Relevance of Mamardasvili's Philosophizing // *Studies in East European Thought*. 2006. Vol. 58. P. 179–203.

А. И. Соснило, Е. Ю. Майорова

A. I. Sosnilo, E. Yu. Mayorova

Роль государства в обеспечении информационной безопасности РФ и формировании культурных ценностей и ориентиров в молодежной среде и сохранении традиционных ценностей старшего поколения

The role of the government in ensuring the information security of the Russian Federation and the formation of cultural values and guidelines for the youth and the preservation of the traditional values of the older generation

Соснило Андрей Игоревич

Санкт-Петербургский филиал ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва)
Заместитель директора по воспитательной работе
Доцент кафедры «Общественные науки»
Кандидат исторических наук
a_sosnilo@mail.ru

Майорова Елизавета Юрьевна

Северо-Западный институт — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры Политологии
savatresbien@yandex.ru

Ключевые слова:

информационная безопасность, социальные ориентиры, ценности, целеустремленность, созидательность, креативность, инициативность, социальная ответственность, этический контроль СМИ

Статья посвящена проблемам информационной безопасности РФ, негативного воздействия СМИ на российскую молодежь, необходимости выработки со стороны государства четких целей и задач для государственных СМИ, киноиндустрии. Авторы уделяют особое внимание необходимости масштабного освещения положительных примеров самореализации молодых людей в различных сферах.

Современное информационное поле Российской Федерации насыщено множеством негативных элементов, влияющих на разрушение традиционных ценностей российского общества и его культурных

Sosnilo Andrey Igorevich

Saint-Petersburg branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
Deputy director on educational work
Associate Professor of the Chair «Social Sciences»
PhD in History
a_sosnilo@mail.ru

Mayorova Elizaveta Yurjevna

North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Post-graduate student of the Chair of Political Science
savatresbien@yandex.ru

Key words:

information security, social goals, values, purposefulness, creative, creativity, initiative, social responsibility, ethical control of the media

The article is devoted to the problems of information security of the Russian Federation, the negative impact of mass media on the Russian youth, the need to develop the clear goals and objectives for the state mass media, the film industry. The authors pay special attention to the necessity of large-scale coverage of positive examples of self-actualization of young people in different spheres.

основ. Наиболее уязвима в этом отношении российская молодежь, находящаяся в процессе личностного формирования. Актуальной проблемой в этих условиях становится реализация задачи демон-

страции позитивной роли отдельных самореализовавшихся личностей в социальной, политической, экономической и других сферах, расширение представлений молодых людей о существующих возможностях для их личностного развития, обращение к конкретным примерам и достижениям молодых людей в значимых для развития государства сферах, освещение их целей, образа мыслей, поступков, интересов.

Авторами было проведено интервьюирование более ста молодых людей, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга, по итогам которого были сделаны следующие выводы: молодые люди в подавляющем большинстве затрудняются назвать соотечественников, которых они могли бы привести в качестве ориентира для себя. Среди имен, которые называют молодые люди, лидирующие позиции занял Марк Цукерберг, из россиян чаще других назывались имена Чулпан Хаматовой, Павла Дурова. Часто молодые люди не могли назвать своих соотечественников и называли только иностранные имена, что свидетельствует о том, что российскому обществу нанесен серьезный урон и требуется вмешательство государства для нормализации ситуации в информационном пространстве. Многие указали в качестве людей, которые являются для них примерами, известных зарубежных артистов и спортсменов. Часть молодых людей привела в качестве примеров своих родителей, близких или друзей, некоторые сочли всех известных им людей недостаточно хорошими, чтобы стремиться быть в чем-то на них похожими. Лишь два человека из ста смогли назвать имена успешных сверстников, на которых они могли бы ориентироваться.

Демонстрация государством известных примеров самореализации молодых людей, широкомасштабное распространение таких примеров для молодых людей является одним из важнейших инструментов для государственного развития. Крайне необходимо активно формировать у молодежи такие качества, как целеустремленность, творчество, созидательность, инициативность, социальная ответственность.

Мощнейшим фактором внутренней самомотивации молодых людей является понимание реальности достижения желаемого результата. Поэтому принципиальной является демонстрация возможности достижения результата простыми людьми, в том числе сверстниками. Многие молодые люди зачастую идут на поводу у отрицательных раскрученных образов и стереотипов, рекламы и пропаганды, содержащихся в голливудских кинофильмах. В СМИ демонстрируется продукция не самого высокого с моральной точки зрения качества, зачастую косвенно, но пропагандируется насилие, наркомания, алкоголизм, табакокурение и пр. Поэтому информационное пространство требует вмешательства со стороны государства, формулирования четких целей и задач создания конкретных циклов передач, расширения научно-популярного сегмента телеэфира. Анализ показывает, что в отечественных СМИ лишь в незначительной степени пропагандируются базисные государственные культурные ценности среди молодежи.

Требуется активизация моделей поведения, ориентированных на развитие, созидание, творчество. Необходима демонстрация конкретных примеров ведения хозяйства, внедрения инноваций в сельском хозяйстве, ЖКХ, энергетике и других отраслях.

Значительную роль в процессе передачи моральных и этических ориентиров молодому поколению могут сыграть люди пожилого возраста, так как именно они в первую очередь являются носителями традиционных ценностей. Отметим, что в настоящий момент в Российской Федерации существуют проблемы в межпоколенческом взаимодействии. Пожилые люди, с одной стороны, сохраняют способность к посильной трудовой деятельности, готовность передавать опыт и восполнять ресурсы, затраченные на обеспечение их жизнедеятельности. А с другой — испытывают такие острые социальные и нравственные проблемы, как одиночество, ограничение возможности активного участия в общественной жизни, невостребован-

ность накопленных знаний и профессионального опыта.

В российской действительности проблемы социальной политики имеют свою специфику, которая отчасти объясняется традиционно высокой ролью государства в различных сферах общественной жизни, а также наследием социалистических принципов управления государством. Поэтому вмешательство государственных институтов в отношения между поколениями должно, по мнению авторов, стать одним из ориентиров социальной политики РФ.

Игнорирование государством науки и культуры, как некогда выразился в одной из своих лекций академик РАН В. П. Казначеев, «рассеивает духовность России», которая является частью научной картины мира, понимания того, кем мы являемся и куда идем. В результате присутствия огромного объема негативной информации на телеэкранах нарастают настроения неверия в свою страну и ее лидеров, апатии к изменению своей жизни и окружения в лучшую сторону, отчаяния и депрессии, происходит разрушение ценностного фундамента всего общества. А это, в свою очередь, одна из причин широкого протестного движения, набравшего обороты за несколько последних лет. Митинги оппозиции начали собирать не 1000–3000 человек, а десятки тысяч, и это серьезный повод изменить информационное поле страны в пользу созидания и развития, направить общественную энергию на возрождение страны.

Развитые страны в своей политике и информационном поле задают некие ориентиры развития, ценностные и моральные идеалы. И, безусловно, в фильмах, как одной из форм донесения информации до широкой аудитории, которые финансируются правительством, присутствует пропаганда. Последние два десятка лет на мировоззрение наших соотечественников оказывается сильнейшее воздействие, что влияет на восприятие этических ценностей, моральных норм и пр. Российское общество не только попадает под влияние чужой идеологии, но оплачивает ее производство из собственного кармана за счет просмотра

на ТВ и в кинотеатрах зарубежных кинофильмов. Итогом этого становится все больший моральный упадок общества, разрушение традиционных ценностей и самоидентичности. Растет поток бесчеловечных преступлений, практически немислимых в относительно недавнем прошлом, растет уровень насилия в школах, уровень беспризорности, наркомании, табакокурения, алкоголизма.

Молодые люди в 3 раза чаще становятся убийцами или оказываются вовлечены в преступления. По данным исследователей, в России в 2010 г. произошло 15 954 убийства, или 11,2 убийства на 100 тыс. населения. В США этот показатель составляет 5 убийств на 100 тыс. населения, в Белоруссии — 4,9, в Эстонии — 5,2, а например, на Украине — 4,8¹. В целом информация ООН не слишком расходится с официальной российской статистикой, согласно которой в 2009 г. в стране было зафиксировано 17 700 тыс. убийств².

Если проанализировать содержание продукции современной голливудской киноиндустрии, то можно отметить, что к числу часто затрагиваемых в кинофильмах ценностей можно отнести демократию, свободу, службу в армии, работу полиции, расовую терпимость, усыновление сирот и многое другое. Практически в каждом американском блокбастере можно увидеть возвышение американской нации, спасающей мир от падения гигантских метеоритов, вторжения злобных инопланетян всех мастей, неизлечимых вирусов и прочих апокалиптических угроз.

Американцы переписывают историю, как считают нужным. Истребление коренного населения Америки — все ради просвещения и распространения дости-

¹ Доклад ООН «Глобальное исследование убийств-2011» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт ООН. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf (дата обращения: 03.09.2012).

² Убойные цифры: [Электронный ресурс] // Официальный интернет сайт Издательского дома «Коммерсант». URL: <http://kommersant.ru/doc/1794610> (дата обращения: 03.09.2012).

жений цивилизации. В фильме «Спасти рядового Райана» всему миру показали, благодаря кому была выиграна Вторая мировая война, а русские надписи на Рейхстаге и более 20 млн погибших русских людей — это доводы, которые остаются неслышными в информационную эпоху среди многочисленных шоу и скандалов. Значительная часть населения Европы и Америки вообще не осведомлена об участии России во Второй мировой войне! И это следствие целенаправленной информационной политики западных стран.

Если присмотреться, то идеологическая позиция США четко видна, хотя и прекрасно завуалирована, упакована в яркую, красивую обертку и преподнесена в виде шоу и развлечений. Отдыхающие расслабленные люди, особенно молодые, нередко принимают за чистую монету то, что они видят и слышат, и на основании увиденного выстраивают свою картину мира, жизненных целей, ценностей, этических норм и т. д. Роль первой мировой державы и разбросанные по всему миру военные базы требуют от США большого количества человеческих ресурсов, готовых воевать за государственные идеалы. Министерство обороны США с завидной регулярностью выделяет средства на свои агитационные материалы в виде ярких блокбастеров, изобилующих впечатляющими спецэффектами.

Во время Второй мировой войны сформулированные различными исследователями теоретические положения пропаганды прошли проверку на практике. Особенно серьезно к информационному воздействию отнеслась Германия. В зале, где проводился съезд Национал-социалистической партии в 1936 г., был вывешен лозунг: «Пропаганда помогла нам прийти к власти. Пропаганда поможет нам удержать власть. Пропаганда поможет нам завоевать весь мир»¹.

¹ Информационное противоборство во Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Панарина И. Н. URL: <http://www.panarin.com/doc/77> (дата обращения: 03.09.2012).

Какова же позиция Российского государства в тех фильмах, которые снимаются при государственной финансовой поддержке? По сути, она отсутствует в подавляющем большинстве картин. Можно по пальцам пересчитать фильмы, в которых видны хотя бы какие-то наметки идеологической позиции. Это в первую очередь фильмы военной тематики, такие как: «Война», «Блокпост», «Высота 89», «Деверсант», «9 рота» и др. Ряд сериалов: «Грозные ворота», «Честь имею», «Ликвидация», «Улицы разбитых фонарей», «Менты», «Убойная сила», «Агент национальной безопасности» и др.

Современные фильмы, сделанные на уровне лучших западных аналогов, и во все посчитать не получится, по крайней мере авторы статьи с ними не знакомы. Естественно, критиковать легче, чем что-то создавать, но и молчать в данном случае смерти подобно, ибо продвигать «классику жигули» среди БМВ и «мерседесов» сложно, поскольку выбор при прочих равных заранее очевиден, особенно при наличии сети Интернет и торрент-трекеров.

Псевдосенсации, полоскание грязного белья, криминальные разборки — это локомотивы современного эфира. Под натиском этой информационной атаки и регулярной «бомбежки» произошел ментальный надлом нашего общества. Внимание людей отвлекается от высших потребностей и ценностей (творчество, самореализация, семья, гармония, труд, познание, духовность, красота и др.) и переключается на потребности и ценности более низкого уровня. В условиях такой информационной атаки невозможно воспитать здорового ребенка и гражданина. Недаром многие молодые люди буквально грезят «свалить из России».

В последние годы можно отметить ряд позитивных сдвигов и появление в СМИ ряда передач, так или иначе несущих созидательное, воспитательное или просветительское начало, сделанных в современном и достаточно интересном формате. Здесь можно выделить дневной выпуск новостей Первого канала, цикл передач Academia на канале «Культура», «Специальный корреспон-

дент» на канале «Россия», «Суд истории» на Пятом канале, работу телеканалов «Моя планета» и «Наука 2.0» и ряд региональных каналов (например, Новгородское областное телевидение) и др. Отдельно хочется отметить работу канала «Наука 2.0». Контент вещания телеканала выполнен с учетом современных реалий и привлекает достаточное число молодых людей, популяризирует отечественные научные разработки и научные знания в целом, исполняет образовательную роль. Тем не менее телеканал пока не имеет эквивалентной по масштабу аудитории телезрителей в сравнении с федеральными государственными телеканалами и не охватывает такой аспект, как активизация позитивных намерений и моделей поведения молодых людей. По мнению авторов, канал должен получить статус федерального и осуществлять полномасштабное вещание по всей территории РФ.

Несмотря на предпринимаемые усилия, ощущается тотальная нехватка научно-популярных, обучающих, просветительских передач и фильмов. Вместо воспитательных и мировоззренческих функций, развития российских зрителей, телевидение понижает их интеллектуальный и нравственный уровень. Итогом этого станет не рост числа людей, получающих современное образование, а рост преступности, стагнация, запустение и разруха.

В этом направлении мы значительно откатились назад по сравнению с СССР. И здесь весьма примечательно мнение одного из телепрофессионалов советской эпохи: «Научно-популярные передачи шли практически по всем каналам ЦТ и создавались не только нашей редакцией. Нельзя не упомянуть такие циклы, как „В мире животных“, „Клуб кинопутешествий“, „Очевидное — невероятное“; существовали рубрики, посвященные занимательным фактам науки („Под знаком пи“), а также прикладным аспектам научных достижений (дискуссии „Новаторы и консерваторы“, конкурсы „Ярмарка идей“, разбор проектов и наработок рационализаторов и изобретателей „Это вы можете“)» [1].

Научно-популярные передачи и фильмы остаются приоритетными для всех развитых стран мира и занимают значительную часть в сетке вещания большинства европейских каналов — это четкая государственная позиция. В первую очередь таковыми являются следующие каналы: BBC Discovery, BBC Science, BBC World, Animal Planet, Viasat History, Explorer, National Geographic, National Geographic History, National Geographic Nature, National Geographic Wild и ряд других.

Элементы популяризации научного знания присутствовали в трудах ученых всегда, а с появлением кино и телевидения эта популяризация была воплощена в виде телепередач и фильмов, получила дополнительные возможности увеличения охватываемой аудитории и силы воздействия на нее. Сравнение содержания выпусков новостей западных и отечественных СМИ демонстрирует ценностную несостоятельность отечественного информационного вещания.

Если для примера проанализировать содержание информационных выпусков телеканала Euro News, можно отметить, что значительная часть сюжетов посвящена внедрению в жизнь высоких технологий, результатам прогрессивных исследований, прототипам различных инноваций, энергосберегающим технологиям, альтернативным источникам энергии, различным изобретениям. Постоянно разбираются конкретные примеры установки и использования солнечных батарей, переработки и хранения полученной энергии, вопросы ее продажи сетевым компаниям и пр. Подробно обсуждаются примеры затрат на установку ветряков и результаты полученной в итоге экономии. Показываются сюжеты о жителях энергоэффективных домов, примеры внедрения различных изобретений, влияющих на экологию в городском хозяйстве, в сельском хозяйстве и пр. Рассказывается о внедрении новых технологий в переработке мусора или устройстве энергетической системы горнолыжного курорта и т. д. и т. п.

Все это дает положительный эффект, так как в рекламе нуждаются не только

пороки, но и ценности. Люди каждый день видят позитивные примеры, у некоторых из них они перерастают в новые идеи, в стремления, а потом и в конкретные действия, и в итоге воплощаются на практике со знаком «плюс».

Просматривая в сети Интернет выпуски информационной программы «Время», выходившей в СССР, можно увидеть сюжеты, посвященные сельскому хозяйству, промышленности, науке, культуре. Людям демонстрировалось созидательное начало, показывалось, что в государстве что-то делалось, выращивалось, строилось, изобреталось и внедрялось. Сегодня становится очевидной катастрофическая нехватка такого рода информации. Целый блок новостей Euro News посвящен культуре, что тоже является немаловажным моментом, ибо культура самым непосредственным образом влияет как на воспитание и пропаганду ценностей, так и на экономику. Отечественная киноиндустрия также нуждается в господдержке, мы продолжаем снимать фильмы, но лишь немногие из них доходят до кинопроката или становятся хоть сколько-нибудь известными широкой публике. О некоторых мы узнаем лишь благодаря их признанию на мировых кинофорумах и фестивалях. Таким образом, большинство вложенных средств не дают никакого эффекта для продвижения положительных общественных ценностей.

Одним из немногих видимых проявлений государственной позиции стало внесение Федеральным агентством по культуре и кинематографии в типовой контракт с продюсерами финансируемых из госбюджета художественных фильмов пункта о запрете пропаганды курения и наркомании. Положительно можно оценить тот факт, что телепрограммы получили возрастную маркировку в соответствии с законом «О защите

детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию».

Тем не менее все, что касается государственного финансирования киноиндустрии, остается далеким от идеального. По словам одного из аудиторов Счетной палаты РФ, который проверял оказание финансовой поддержки кинопроизводителям, «проекты с сомнительной художественной и культурной значимостью получали удостоверения национальных фильмов. Это же касается фильмов, в которых объем иностранных инвестиций превышал положенные по закону 50%. В общей сложности 28 контрактов на сумму свыше 464 млн руб. получили статус национальных фильмов неправомерно»¹.

По мнению авторов настоящей статьи, должна быть коренным образом пересмотрена государственная информационная политика и начато активное продвижение высоких моральных и ценностных ориентиров. Одним из путей выхода из сложившейся ситуации может и должно стать коренное изменение политики государства в области телевидения и кино. Четверть времени вечерних выпусков новостей может быть посвящена популяризации научных знаний (технологий, инноваций, внедрению изобретений). Четверть времени следует отдать поддержке отечественной культуры в самых разных формах.

Эти меры должны способствовать активизации самореализации потенциально способных к этому людей, явиться стимулом для совершения первых шагов в этом направлении.

¹ Счетная палата РФ не нашла ни одного контракта о господдержке кино без нарушений [Электронный ресурс]. 09.04.2010. URL: <http://www.specletter.com/news/2010-04-09/6848.html> (дата обращения: 04.09.2012).

Литература

1. Егоров В. В. Телевидение: Страницы истории. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 46–47.

References

1. Egorov V. V. Televidenie: Stranicy istorii. M.: Aspekt Press, 2004. P. 46–47.

А. Л. Сагалова

A. L. Sagalova

Лига Наций во внешней политике Великобритании (1929–1931 гг.)

League of the Nations in Foreign Policy of Great Britain (1929–1931)

Сагалова Александра Львовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международных процессов евразийского региона
Кандидат исторических наук, доцент
sagalovaal@yandex.ru

Ключевые слова:

Лига Наций, лейбористская партия, коллективная безопасность, арбитраж, разоружение

В статье анализируются основные достижения и неудачи второго лейбористского правительства Дж. Рамсея Макдональда в области строительства международной системы коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций. Женевскую деятельность Макдональда и его министра иностранных дел А. Гендерсона автор характеризует как пример построения внешнеполитического курса государства на основе теории международной организации.

На всеобщих парламентских выборах в Великобритании 1929 г. победу одержала партия лейбористов во главе с Дж. Рамсеем Макдональдом. Новый кабинет пришел к власти под лозунгами мира, разоружения и арбитража — к концу 1920-х гг. британские социалисты зарекомендовали себя как приверженцы «идеи Лиги Наций», т. е. системы международных отношений, краеугольным камнем которой был не традиционный для XIX в. принцип «баланса сил», а верховенство глобального международного института.

Еще в период Первой мировой войны ряд партийных теоретиков (Г. Н. Брейлсфорд, Л. Вулф) выступали с проектами будущей всемирной организации, ее пер-

Sagalova Aleksandra Lvovna

North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate professor of the Chair of international processes of Eurasian Region
PhD in History, Associate Professor
sagalovaal@yandex.ru

Key words:

League of Nations, Labour party, collective security, arbitration, disarmament

The author examines the success and misfortunes of the 2nd Labour Government concerning the establishment of the system of collective security under the League of Nations. The “pro-League” policy of Foreign secretary A. Henderson and Prime-minister J. Ramsay MacDonald presented an attempt to convert the theory of international organization into political practice.

спективы обсуждались на партийных конференциях Независимой рабочей партии, представлявшей собой ядро лейбористов. В 1919 г. вновь созданная Лига вызвала резкое неприятие последних, поскольку, с их точки зрения, она представляла собой «Лигу завоевателей», носила капиталистический характер и в итоге лишь закрепляла приводящую к столкновению европейских держав «международную анархию». Постепенно занимавшее умеренные позиции руководство партии пришло к выводу, что концептуально Лига Наций может быть отделена от условий Версальского договора и использована как инструмент достижения мира — главной внешнеполитической цели лейбористов.

Дж. Рамсей Макдональд, лидер партии, занимал в отношении Лиги двусмысленную позицию: на партийных съездах он нередко полемизировал с противниками Женевы, однако сам неявно выступал против использования Лигой международных санкций. Тем не менее к концу 1920-х гг. в партийном истеблишменте сформировалась группа политиков, которые рассматривали Лигу как ключевой элемент международной системы коллективной безопасности и выступали как стойкие приверженцы триады «разоружение—арбитраж—безопасность».

Лидером этой группы был Артур Гендерсон, которому предстояло во втором правительстве Макдональда получить пост министра иностранных дел. Несмотря на отсутствие профильного образования и незнание иностранных языков, Гендерсон во многих смыслах идеально подходил для роли главы внешнеполитического ведомства: он был членом коалиционных военных кабинетов, имел опыт международного сотрудничества в рамках Социалистического интернационала и Лиги Наций, где в 1924 г. принимал участие в разработке Женевского протокола. Три сделанных им должностных назначения весьма красноречиво свидетельствовали о том, что новый глава Форин-офис намерен в своей политике ориентироваться на Женеву: Хью Далтон, автор лейбористской концепции коллективной безопасности, стал его заместителем (подробнее о взглядах Далтона см.: [1]), ведущий эксперт в вопросах разоружения Филип Ноэль-Бейкер — его парламентским секретарем, а «архитектор» Лиги Наций Роберт Сесил занял пост советника по вопросам Лиги Наций.

Вместе с самим министром иностранных дел его ближайшие помощники составили своего рода «гвардию Лиги Наций» — все четверо были полны решимости реализовывать триаду «разоружение—арбитраж—безопасность» на практике. «Первые три задачи, решение которых поручил мне Дядюшка [Гендерсон. — А. С.], были подписание „Факультативной статьи“, возобновление отношений с Россией и эвакуация Рейнской

области, — вспоминал Далтон. — Мы справились со всеми тремя за несколько месяцев, но не без нелегкой борьбы» [6, р. 221]. «Нелегкую борьбу» Гендерсону и Далтону пришлось вести не только с нескговорчивыми европейскими лидерами, но и с изоляционистски настроенными членами британского правительства, в том числе и самим премьер-министром, всегда воспринимавшим Женеву без большого энтузиазма. Активное противодействие практически всем крупным инициативам Гендерсона оказывали министерства, связанные с обороной (в первую очередь возглавляемое А. Александром Адмиралтейство), а также доминионы, опасавшиеся утратить гарантии безопасности со стороны метрополии или быть втянутыми в европейские конфликты.

Внешняя политика Гендерсона опиралась на упомянутую триаду «разоружение—арбитраж—безопасность», причем последняя из трех вызывала наибольшие разногласия в правительственных и партийных кругах. Синонимом безопасности в данном случае были санкции, по сути представлявшие собой взаимные гарантии в рамках Лиги Наций и неизбежно предполагавшие военные обязательства сторон. Гендерсон не склонен был отделять арбитраж и разоружение от безопасности и выстраивать иерархию внутри триады по принципу «сначала арбитраж и разоружение, затем — безопасность». Тем не менее главе Форин-офис приходилось учитывать в целом негативное отношение к применению санкций Макдональда, руководителей военных министерств, а также представителей левого крыла партии и проявлять предельную осторожность в вопросах использования силы Лигой Наций. Именно поэтому во внешней политике Гендерсона, в определенном смысле вопреки его собственным взглядам, присутствует очевидный уклон в сторону арбитража и разоружения.

Впрочем, и эти две части триады получили крайне неравномерное развитие в деятельности второго лейбористского правительства: если международный арбитраж стал сферой несомненного успеха Гендерсона, то в области раз-

оружения достижения оказались куда скромнее. В сентябре 1929 г. Великобритания одобрила «Факультативную статью» к Статуту Постоянной палаты международного правосудия, открытую для подписания еще в 1920 г. и в течение последующих лет отвергавшуюся консерваторами преимущественно по причинам изоляционистского толка. В соответствии с ней, все правовые споры между государствами должны были передаваться в Постоянную палату международного правосудия на основе одностороннего обращения государства-истца.

Эта мера, ставившая Великобританию под обязательную юрисдикцию Палаты, стала результатом серьезной работы, которую проделал глава Форин-офиса, преодолевая сопротивление внутри правительства. Далтон вспоминал, что в ходе борьбы за «Факультативную статью» ему, как политику, впервые довелось столкнуться с тем, что он назвал «скачки с препятствиями в Уайтхолле», имея в виду попытки заблокировать то или иное решение посредством создания целой череды помех. По словам Далтона, сопротивление действиям Гендерсона оказывали, во-первых, некоторые сотрудники Форин-офиса, во-вторых, отдельные министерства, в-третьих, ряд членов кабинета и, в-четвертых, главы доминионов [Ibid, p. 237–238].

Их опасения в основном сводились к тому, что Великобритания утратит свободу рук в тех случаях, когда будет вести войну не в целях самообороны и не по поручению Совета Лиги. В итоге список оговорок, подготовленных членами кабинета и доминионами, оказался настолько внушительным, что, по словам Далтона, привел в ужас Э. Драммонда, генерального секретаря Лиги Наций, заявившего, что лучше пусть Британия вовсе откажется от подписания «Факультативной статьи» [6, p. 237].

В течение августа Гендерсону, Ноэль-Бейкеру и Далтону все же удалось прийти к компромиссу со своими оппонентами: 19 сентября 1929 г. статья была подписана с рядом оговорок (в частности, под ее действие не подпадали

разногласия между Великобританией и доминионами). В конце января 1930 г. в Парламенте развернулась оживленная дискуссия о ратификации «Факультативной статьи», в ходе которой Гендерсону и Ноэль-Бейкеру при поддержке либералов удалось преодолеть сопротивление консерваторов: палата общин одобрила ратификацию 278 голосами против 193 [11, cols. 653–777].

«Факультативная статья» стала не единственным достижением Гендерсона в области международного арбитража. Следующим шагом стало подписание Общего акта о мирном разрешении международных споров 1928 г. Этот документ, предназначенный как для юридических, так и для неюридических споров, ставил их под обязательную юрисдикцию Постоянной палаты международного правосудия в случае, если межгосударственные разногласия не были урегулированы путем переговоров.

На X Ассамблее Лиги Гендерсон выступил с предложениями внести поправки в статьи 12 и 15 Статута с целью включить в основной документ Лиги запрет на ведение войн в соответствии с пактом Бриана—Келлога. Помимо проблем коллективной безопасности, Великобритания проявляла активность и в социально-экономических вопросах повестки дня Ассамблей 1929–1930 гг.: в частности, Лондон поднял вопрос о подборе персонала, повышении по службе и выплатах пенсий как в Лиге Наций, так и в Международной организации труда, о двухгодичном «тарифном перемирии», во время которого должны вестись переговоры о снижении тарифов¹. «Это было равносильно чуду, после тех долгих лет бессилия, в которое ввергла Лигу торийская Англия, услышать британского премьер-министра, дающего обещание подписать „Факультативную статью“...», — так в октябре 1929 г. известный журналист и теоретик Лиги Наций Г. Брейлсфорд комментировал своим

¹ Конференция по тарифам открылась в феврале 1930 г. Великобритания и еще 10 государств подписали соответствующую конвенцию, но она так и не вступила в силу.

американским читателям смену атмосферы в Женеве [3].

Самой труднодостижимой целью внешнеполитического курса Гендерсона стало разоружение: в данном случае это были «скачки с препятствиями» не только в Уайтхолле, но и в Женеве, на международных конференциях и партийных форумах. Основной задачей, которую предстояло решить лейбористскому правительству, была подготовка к проведению всемирной конференции по разоружению с целью подписания соответствующего многостороннего договора. В Женеве работа по созданию текста соответствующего договора началась в 1920 г., с появлением Постоянной консультативной комиссии для предоставления Совету Лиги экспертных заключений во всем видам вооружений, а также Временной смешанной комиссии по разоружению, целью которой было формирование планов в соответствии со статьями VIII Статута.

В дополнение к этому сокращение морских вооружений в межвоенные десятилетия стало предметом международных конференций в Вашингтоне (1921–1922), Женеве (1927) и Лондоне (1930). Подготовительная комиссия представляла собой поле битвы, где сталкивались интересы Лондона, Парижа и Вашингтона: Соединенное Королевство стремилось сохранить позицию морской сверхдержавы, оправдывая размеры своего флота масштабами империи; Франция, не вполне доверявшая разоружению, настаивала на сохранении строгой взаимосвязи в сокращениях наземных, морских и воздушных вооружений; целью США было достижение военно-морского паритета с Великобританией. Париж намеревался ограничить тоннаж, но не классы судов: это позволило бы ему продолжать строительство субмарин, самого эффективного вида военных судов на французском флоте; Лондон же, напротив, выступал за ограничения классов, но не тоннажа.

К моменту прихода к власти второго правительства Макдональда деятельность Подготовительной комиссии на время замерла в ожидании результатов Лондон-

ской морской конференции. На последней сессии в апреле 1929 г. Комиссии удалось прийти к ряду решений только ценой откладывания обсуждения нескольких важных вопросов (наземных вооружений, ограничение военных бюджетов, международный контроль). В 1929 г. Ассамблея создала «Третий комитет», призванный рассмотреть результаты работы комиссии и сформулировать свои предложения по оптимизации ее деятельности. Британская делегация проявила особую активность в работе именно этой структуры: ее глава Сесил прилагал все усилия для того, чтобы заключения «Третьего комитета» составили реальную основу для возобновленной деятельности Постоянной комиссии.

Его попытка провести через Комитет резолюцию, в которой говорилось о необходимости сокращения личного состава или срока службы во всех видах войск, ограничении объемов стратегического сырья и создании международной структуры для осуществления контроля над реализацией этих мер, провалилась из-за сильного сопротивления Франции. Гендерсон, понимая, что без активного участия Франции конференция по разоружению попросту не состоится, вопреки собственной позиции дал Сесилу инструкцию уступить Парижу и принять компромиссную поправку представителя Греции Н. Политиса. В соответствии с предложением греческой делегации, «Третий комитет» представлял Постоянной комиссии свои протоколы и оставлял на ее усмотрение их принятие в качестве руководства к действию [5, р. 82].

Стремление Гендерсона поддерживать сбалансированные отношения между Парижем, Лондоном и Берлином наталкивалось, во-первых, на сложившуюся внутри партии «традицию франкофобии» [4, р. 33] и, во-вторых, на наличие объективных противоречий между Великобританией и Францией в области безопасности. В отдельных случаях Лондон говорил твердое «нет» своим соседям по ту сторону Ла-Манша. Примером подобной ситуации может служить британский ответ на инициативу

французского министра иностранных дел А. Бриана по созданию европейского федерального союза. Соответствующий проект был выдвинут на X Ассамблее Лиги Наций в сентябре 1929 г., а затем более детально сформулирован в подготовленном Брианом меморандуме от 17 мая 1930 г.

«План Бриана» предусматривал создание европейской федерации с собственной системой институтов (Европейская конференция, Европейский комитет и секретариат), основанием для которой должно было стать в первую очередь политическое и лишь во вторую — экономическое сотрудничество. По замыслу Бриана, европейское объединение должно было «опираться на идею союза, но не единства, т. е. быть достаточно гибким для того, чтобы считаться с независимостью и суверенитетом каждого государства, в то же время гарантируя все преимущества всеобщей солидарности в решении насущных проблем всего европейского сообщества или отдельных его членов» [9, р. 11].

Французский министр позаботился о том, чтобы в глазах потенциальных участников объединения европейский союз не представлял как своего рода конкурирующий центр силы по отношению к Лиге Наций: текст меморандума изобилует заверениями в лояльности Женевы. «В данном случае речь идет не о формировании европейской группы за пределами Лиги Наций, а, напротив, о приведении европейских интересов к гармонии под контролем и в полном соответствии с духом Лиги, о создании внутри универсальной структуры организации, которая, являясь более ограниченной по составу, будет гораздо более эффективной», — говорится в документе [9, р. 5].

Из членов лейбористского правительства первым на предложения Парижа отреагировал министр торговли У. Грэм, выступивший на X Ассамблее в их поддержку: «план Бриана» представлялся ему наиважнейшим шагом к достижению свободы торговли. Впрочем, это была едва ли не единственная безусловно положительная оценка европейской федерации,

данная британским политиком, — в Лондоне прекрасно понимали, что реализация «плана Бриана» осложнит отношения с Содружеством, вызовет подозрения со стороны США и СССР и, наконец, вопреки утверждениям Парижа, все-таки подорвет основы Лиги Наций.

В данном случае правительство пришло к консенсусу практически безболезненно: комитет из пяти министров, созданный в конце мая 1930 г. для обсуждения французских предложений, в июле выступил с меморандумом, в котором говорилось, что Великобритания не может согласиться на создание институтов, «органически не связанных с Лигой Наций» и способных «породить тенденцию к усилению внутриконтинентального соперничества» [4, р. 2]. Британский кабинет, не желая обострения отношений с Францией, затягивал окончательный ответ, насколько это было возможно, и дал его в последний день отведенного на обсуждение срока. Как известно, правительство Макдональда было не единственным, отвергшим «план Бриана»: реакция европейских государств (в том числе Германии) в целом была отрицательной, и на XI Ассамблее Лиги Наций Бриан отказался от своего проекта. Несмотря на то что провал идеи европейского союза означал отход от политики уступок Франции, Гендерсон практически без колебаний согласился с мнением кабинета: в данном случае речь шла о слишком труднореализуемой инициативе, к тому же плохо соотносящейся с созданием коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций.

Помимо разногласий с Францией, существовал еще один узел британской внешней политики, который необходимо было распутать, чтобы создать условия для разоружения: в англо-американских отношениях к концу 1920-х гг. накопилась масса противоречий, связанных с развитием морского соперничества двух держав. «Американскую» линию внешней политики взял на себя Макдональд. Устранение напряженности в отношениях с США и поиск компромиссных решений в области сокращения

морских вооружений стали тем вкладом, который лидер лейбористов и внес в дело разоружения.

Следует отметить, что в вопросах разоружения (в отличие от прочих аспектов функционирования системы коллективной безопасности) Макдональд не выступал как антагонист Гендерсона. По замечанию известного специалиста по истории разоружения К. Китчинг, разница между двумя политиками состояла скорее в инструментари: если Гендерсон был приверженцем широкого подхода к разоружению через Лигу Наций, то не доверявший Женеве Макдональд склонялся к решению проблемы на двустороннем уровне или в узком кругу нескольких государств [8, р. 116].

В октябре 1929 г. Макдональд отправился с визитом в Вашингтон и Нью-Йорк, став, таким образом, первым главой британского правительства, посетившим США. Премьер-министр обсуждал с президентом Г. Гувером расширение Вашингтонского договора 1922 г., проблемы военно-морского базирования на Атлантике и в Тихом океане и перспективы сокращения разрыва в количестве крейсеров между двумя флотами. С точки зрения результативности переговорного процесса визит Макдональда не внес решающих изменений в существующий расклад сил, однако лейбористскому премьер-министру удалось существенно улучшить атмосферу англо-американских отношений. В январе 1930 г. открылась Лондонская морская конференция с участием пяти крупнейших морских держав, продлившаяся 87 дней и заслужившая славу «самой скучной конференции этого века» [2, с. 111]. Результатом конференции стало подписание в апреле 1930 г. Лондонского договора, закрепившего военно-морской паритет с США и фактически лишившего Британию статуса ведущей морской державы.

Действия Макдональда на данном направлении являлись одновременно реализацией традиционного курса британских социалистов на сокращение военного бюджета и естественным продолжением процессов, начавшихся еще

при консерваторах. Дискуссия о роли флота в жизни империи, развернувшаяся до прихода к власти лейбористов, была вызвана значительным повышением расходов на создание новых кораблей в 1927 г. Противники гонки вооружений, среди которых было немало социалистов, утверждали, что следование принципу «стандарта двух держав» в строительстве крейсеров лишь спровоцирует аналогичные меры со стороны США и Японии, и шансы Великобритании выиграть в этом состязании весьма невелики [7, р. 37–38]. Лейбористы с парламентской трибуны обвиняли Адмиралтейство в медлительности и недобросовестности при сокращении расходов на флот, а возглавляемое У. Черчиллем Казначейство — в тайном потакании амбициям морского ведомства [10, col. 228].

В мае 1931 г. Гендерсон был назначен председателем конференции по разоружению, однако занять этот пост ему пришлось уже не как министру иностранных дел, а как лидеру оппозиции — в результате правительственного кризиса и раскола лейбористской партии Гендерсон, Далтон и большинство приверженцев «идеи Лиги Наций» лишились своих мест в парламенте. Внешнюю политику второго лейбористского правительства Далтон весьма точно охарактеризовал как «историю умеренного успеха» [6, р. 259]. Женевская деятельность Гендерсона представляла собой постепенный, тщательно выверенный процесс внедрения концепции коллективной безопасности в международную практику — это был уникальный пример того, как политика ведущей мировой державы выстраивалась на основе теории международной организации.

Тем не менее у лейбористов было слишком мало времени, чтобы довести до конца свои начинания; слишком много сил уходило на «скачки с препятствиями» как в Уайтхолле, так и в Женеве. Впрочем, последующие события оставляли еще меньше оптимизма для проведения политики коллективной безопасности: если 1929–1930 гг. были относительно благополучны с точки зрения

общей международной обстановки, то начало нового десятилетия принесло нарастание франко-германских противоречий, усиление нацистов в Германии

и, наконец, Маньчжурский кризис — первый в череде международных конфликтов, приведших к историческому фиаско Лиги Наций.

Литература

1. *Сагалова А. Л.* Принцип коллективной безопасности во внешнеполитических концепциях британских лейбористов (на примере взглядов К. Эттли, Х. Далтона, Э. Бевина) // Клио. 2007. № 1 (36). С. 61–67.
2. *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
3. *Brailsford H. N.* The League Revives // The New Republic. October 2, 1929.
4. *M. Briand* Memorandum for a Federated Union of Europe. Draft Reply proposed by Committee on Proposed European Federal Union, July 14, 1930 // National Archive, London / Cabinet Papers/CAB/24/213. C.P.243/30.
5. *Carlton D.* MacDonald versus Henderson. The Foreign Policy of the Second Labour Government. N. Y., 1970.
6. *Dalton H.* Call Back Yesterday. Memoirs, 1887–1931. L.: Frederick Miller Ltd., 1953.
7. *Fanning R. W.* Peace and Disarmament: Naval Rivalry & Arms Control, 1922–1933. Lexington, 1995.
8. *Kitching C. J.* Britain and the Problem of International Disarmament, 1919–1934. L.; N. Y., 1999.
9. *Memorandum on the Organisation of a System of European Federal Union*, May 21, 1930 // National Archive, London / Cabinet Papers/CAB/24/212. C.P.180/30.
10. The Parliamentary Debates. 5th Series. Vol. 205. L., 1927.
11. The Parliamentary Debates. 5th Series. Vol. 234. L., 1930.

References

1. *Sagalova A.L.* The principle of collective security in foreign policy concepts of the British labourists (on the example of K. Attlee, H. Dalton, E. Bevin's views) // Clio. 2007. N 1 (36). P. 61–67.
2. *Tabouis G.* Twenty years of diplomatic fight. M., 1960.
3. *Brailsford H.N.* The League Revives // The New Republic. October 2, 1929.
4. *M. Briand* Memorandum for a Federated Union of Europe. Draft Reply proposed by Committee on Proposed European Federal Union, July 14, 1930 // National Archive, London / Cabinet Papers/CAB/24/213. C.P.243/30.
5. *Carlton D.* MacDonald versus Henderson. The Foreign Policy of the Second Labour Government. N. Y., 1970.
6. *Dalton H.* Call Back Yesterday. Memoirs, 1887–1931. L.: Frederick Miller Ltd., 1953.
7. *Fanning R.W.* Peace and Disarmament: Naval Rivalry & Arms Control, 1922–1933. Lexington, 1995.
8. *Kitching C. J.* Britain and the Problem of International Disarmament, 1919–1934. L.; N. Y., 1999.
9. *Memorandum on the Organisation of a System of European Federal Union*, May 21, 1930 // National Archive, London / Cabinet Papers/CAB/24/212. C.P.180/30.
10. The Parliamentary Debates. 5th Series. Vol. 205. L., 1927.
11. The Parliamentary Debates. 5th Series. Vol. 234. L., 1930.

Ю. А. Астахова

Ju. A. Astakhova

Парламентаризм и политическая модернизация в России: между историческим традиционализмом и демократическим транзитом

**Parliamentarism and Political Modernization in Russia:
between a Historical Traditionalism and Democratic Transit**

Астахова Юлия Александровна

Законодательное собрание Ленинградской области
(Санкт-Петербург)
Соискатель Северо-Западного института
управления — филиала РАНХиГС
astjulia@mail.ru

Ключевые слова:

модернизация, традиционализм, политическая стабильность, эффективность власти, менталитет, публичная политика, политическая ответственность

Статья подготовлена в русле исследования фундаментальной для отечественной политической культуры проблемы — соотношение традиций и транзита в становлении отечественного парламентаризма.

Обращение к теме исторической традиции и преемственности народного представительства, их адаптации к современному российскому парламентаризму обусловлено стремлением глубже понять саму природу народовластия в России, выявить исторические, теоретические и политические основания деятельности этой ветви власти, понять причины ее недостаточной эффективности и общественной значимости.

Именно в этом заключается основная цель данной публикации.

Общеизвестным фактом отечественной политической жизни является то обстоятельство, что, несмотря на применение общепринятых в демократической практике форм и процедур избрания и функционирования представительной власти, в России легитимность этого института

Astakhova Julia Aleksandrovna

Legislative Assembly of the Leningrad region (Saint-Petersburg)
The applicant for the PhD degree of the North-West Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
astjulia@mail.ru

Key words:

parliamentarism, national representation, political modernization, traditionalism, political stability, efficiency of the power, mentality, public policy, political responsibility

Article is prepared in the tideway of research of a problem fundamental to domestic political culture — to a ratio of traditions and transit in formation of domestic parliamentarism.

The appeal to a subject of historical tradition and continuity of national representation, their adaptation to modern Russian parliamentarism is caused by aspiration more deeply to understand the nature of democracy in Russia, to reveal the historical, theoretical and political bases of activity of this branch of the power, to understand the reasons of its insufficient efficiency and the public importance.

The main objective of this message consists in it.

остаётся низкой, степень недоверия граждан страны к парламентским формам власти очень высока.

Дешифровка исторического кода российской государственности — традиционная тема отечественной и зарубежной политологической литературы (см., на-

пример: [3; 5 (эта же работа опубликована в журнале «Россия и современный мир». 2004. № 2); 9; 12 и др.]. Примерная схема этого кода включает в себя, на наш взгляд, следующие характеристики:

- особая национальная философия власти в России;
- государство как административно-географический образ верховной власти (государя);
- менталитет русского народа, не различавшего государство и общество;
- представление о государстве как существе мистическом, внушающем «очарование или гипноз»;
- представления о государстве, совпадающие с пределами видимого политического мира;
- державный характер государства по формуле: «Россия или великая, или никакая»;
- тождество верховной власти и государства;
- основная миссия власти — воспроизводство государства как самого себя;
- идея всеобщего державного служения;
- перманентное ощущение угрозы извне;
- надсистемный статус верховной власти;
- отсутствие публичной политики;
- соборная форма народного представительства.

Современный российский парламентаризм можно рассматривать как результат взаимодействия двух силовых политических полей — традиционализма и демократического транзита. При этом по мере попыток становления в России современных институтов становится очевидной преобладающая роль первого элемента.

Парламентаризм как институт является порождением публичной политики. Отсюда понятен тот интерес, который проявляется в научной литературе и публицистике к историческим условиям и особенностям российской публичной политики.

В новейших публикациях приводится множество вариантов ответов на вопрос

о характере отечественной публичной политики, с большинством которых трудно не согласиться. «Круг завершился, и избирательная система пришла в стационарное состояние, при котором она внешне отличается от советской системы, но по сути является такой же безальтернативной», — пишет председатель Межрегионального объединения избирателей А. Бузин. «Она в целом удовлетворяет европейским стандартам, но государство сумело приспособиться ко всем юридическим требованиям»¹. Характеризуя процесс трансформации советской элиты, социологи констатируют: «Разложение старой партийно-хозяйственной советской номенклатуры в 1989–1991 гг. сопровождалось выделением реформистских фракций, взявших верх в руководстве России и других союзных республик... Но сам принцип конституирования общества „сверху вниз“ — формирование „управляющего контура“ и затем реорганизация зависимых от него подсистем общества — не изменился...»².

Выход на сцену Путина (не лица, естественно, а политического явления) означал удержание основных особенностей системы и подавление процессов социальной дифференциации, что, однако, было оплачено довольно дорогой социальной ценой: архаизацией и склеротизацией социальной жизни, внешне напоминающей последние годы брежневской эпохи. Можно сказать, что, по сути дела, наша «правовая традиция („произвол власти“, или „самодержавие“ власти, как принцип конституции социального порядка)... не разрушена» [Там же]. Известный российский политолог Л. Шевцова отмечает: «Формируется новый традиционализм, на сей раз без коммунистической шелухи. Под „традиционализмом“ я понимаю персонифицированную и никем не ограниченную власть лидера»³.

Одна из самых точных характеристик родовых свойств российского парламентаризма принадлежит В. О. Ключевскому. Он писал: «Земский собор XVI в. тем

¹ Коммерсант. 25 мая 2004 г.

² Независимая газета. 28 мая 2004 г.

³ Известия. 25 февраля 2004 г.

существенно и отличался от народного собрания, как законодательного, так и совещательного, что на нем правительство имело дело не с народными представителями в точном смысле этого слова, а со своими собственными орудиями, и искало не полномочия или совета, как поступить, а выражения готовности собрания поступать так или иначе; собор восполнял ему недостаток рук, а не воли или мысли» [10]. К этому можно добавить мнение первого известного русского политолога Б. Чичерина, описавшего смысл деятельности российских представительных учреждений следующим образом: «Царь совещался с подданными, как помещик со своими крепостными, но государственного учреждения из этого не могло образоваться» [цит. по: 13].

Итак, по мнению российских исторических политологов, у нас нет исторической традиции народного представительства в классическом смысле. Все эти соборы и думы нужны были власти, чтобы, во-первых, в форме «совета со всей землей» легитимировать собственные решения и, во-вторых, «восполнить недостаток рук», т. е. повысить свою административную эффективность.

Получается, что и народные представительства, и бюрократические комиссии в России — дело власти; это ее игры; это ей то одно потребно, то другое. Нельзя не согласиться и с таким выводом Ю. Пивоварова, что у нас «около сильной власти обращается» как демократия, так и бюрократия. Более того, роль наших народных представительств прямо противоположна той, что играют их западные аналоги. В. Ключевский вновь очень точно постулирует: «Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западно-европейского...» [10, с. 21]. Таким образом, народные представительства необходимы тогда, когда власть или вообще исчезает (Смута начала XVII в., 1917 г., 1991 г.), или существенно слабеет (начало правления Ивана IV, краткий период между смертью Федора Иоанновича и избранием Бориса Годунова, цар-

ствование Михаила Романова, первые годы Екатерины II, революция 1905–1907 гг., рубеж 80–90-х гг. XX в.). Потом они уже не нужны. Их либо «увольняют», либо приспособливают под очередные задачи вновь оперившейся власти.

Участвуя в июле 1905 г. по приглашению тогдашних руководителей России в обсуждении проблемы установления в стране народного представительства, В. О. Ключевский, в принципе поддерживая эту идею, вывел удивительно емкую и содержательную формулу: «Верховная власть — защитник выраженной народной воли» [20]. Иными словами, дело парламента (а следовательно, и публичной политики) — выслушать волю народа. Ее же защитником (выразителем, охранителем, инструментом реализации) может быть только верховная власть. Это тот предел, тот максимум, что положен на Руси (и древней, и новейшей) народным представительствам.

В нашей стране всегда господствовала и продолжает господствовать «самодержавная политическая культура». Ее ключевая характеристика — властечентричность. Причем «власть» должна писаться с большой буквы — «Власть». Она главное действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования — царь, император, генсек, президент. Важно также подчеркнуть, что эта Власть всегда персонифицирована, т. е. обязательно предполагает определенного носителя (в отличие от Запада, где власть отделена от правителя и не является его личной прерогативой).

Современники это хорошо чувствуют. Согласно одному из недавних опросов ВЦИОМ, «главным источником власти и носителем суверенитета в нашей стране является... не народ, как написано в Конституции, а президент... 55% населения уверены в том, что глава государства и суверенитет — одно и то же. Формально лишь 19% участников всероссийского исследования верят в российскую демократию и полагают, что власть в нашей стране принадлежит... народу... Правильный ответ на вопрос о том, как именно Конституция принималась, дала треть

опрошенных. Большинство либо затруднились ответить, либо оказались убеждены, что этот документ — плод труда лично президента»¹.

Согласно исторической традиции, Россия в полном объеме управляется персонифицированной властью. Однако реальные административные задачи требуют наличия «посредствующих властей», «средних проток, через которые действует власть государства». «Посредствующие власти» имеют «свою компетенцию» и определенные полномочия, т.е. здесь действует принцип разделения властей. Самодержавная же власть правит вне системы разделения властей; она не просто не вписана туда, но существует в иных измерениях, в иных координатах. Она — субстанция и субстанциальна, «посредствующие власти» — функции и функциональны. Исторический опыт России вековой давности хорошо иллюстрирует эти обстоятельства.

Так, один из активных участников петергофского совещания (1905 г.) по поводу обсуждения модели будущей Думы Н. Герард (председатель Департамента гражданских и духовных дел Госсовета) предельно точно выразил господствовавшее в русских верхах представление о русской власти и русском правлении: «Самодержавная власть составляет сосредоточение и источник всей власти и потому не поддается определению. Все исходит от нее и в ней сосредоточено. Но... самодержавная власть не может действовать непосредственно, а имеет исполнительные органы в области законодательства, администрации и суда. Проект (правительственный проект Думы. — Л. К.) касается только определения органов Самодержавной власти и вводит лишь новое разграничение подчиненных властей. При этом мы всячески избегали дать какое бы то ни было определение Верховной власти, ибо она, будучи всеобъемлющей, никакому определению не поддается». И далее о природе будущего парламента: «...Подчиненные Верховной власти законодательные учреждения...» [20, с. 135].

¹ Известия. 9 декабря 2005 г.

Эти слова можно расценить как сбывшиеся в настоящее время пророчества, весьма точно характеризующие реальное место и реальную цену системы разделения властей в России. Все это — российский парламент, администрация и суд — не более чем политическое обрамление исполнительных органов власти. В этом заключается принципиальное отличие российской системы политической власти от западной. Там власть, в каких бы формах и обликах она ни являлась миру, всегда и прежде всего — договор, конвенция, список условий, прав и обязанностей сторон, декларация об ограничениях и т.п. Да, и насилие тоже, но строго обузданное императивом права и рационально-дозированным распределением.

В России же сегодня мы имеем своего рода имитацию всенародного избрания парламентских органов власти, а сама власть связана негласным договором с бюрократическим классом. Многие представители современной политической науки определяют нынешнюю российскую власть как избирательно-наследственную по происхождению и ограниченно-самодержавную по составу [1; 11; 12 и др.]. И с этим выводом, непосредственно влияющим на современную парламентскую культуру России, трудно не согласиться.

Вся сфера парламентских отношений может быть условно разделена на две части: все общество как совокупность политических акторов, реализующих свое конституционное право на участие в формировании органов государственной власти через институты представительства и выборов, и та часть политического пространства, в которой функционируют собственно парламентские институты — легислатуры в совокупности их социально-политических функций, депутатский корпус, инфраструктура парламентской деятельности.

В заметно меньшей степени исследуются неоинституциональные основания парламентаризма, такие как укорененность общественных представлений о народном суверенитете, доверие к представительным институтам, реаль-

ная возможность реализации права на участие в формировании органов власти, адекватность народного представительства, степень политической конкуренции, политическая ответственность парламентариев, профессиональная эффективность законодательной власти, публичный характер функционирования парламентских институтов.

Именно эти основания парламентаризма составляют основное содержание феномена парламентской культуры.

С нашей точки зрения, обоснование в качестве предметной обособленности проблемы парламентской культуры позволяет исследователю сосредоточиться на ее характеристике как специфической субкультуре, выступающей в виде социокультурной детерминанты парламентаризма и функционирования его отдельных институтов и сторон.

* * *

Представительная власть в целом в настоящее время в глазах отечественного общественного мнения не пользуется высоким авторитетом [8]. В числе основных причин такого положения вещей, несомненно, находится и низкий уровень знаний о природе и предназначении парламентаризма, о критериях эффективности парламентских институтов, месте и роли представительных институтов в системе органов государственной власти современного демократического общества.

Особенности современного отечественного политического процесса минимизируют общественную практику участия граждан и их объединений в формировании парламентских институтов и персонального состава legislatures всех уровней. Все это приводит к деформации социально-политической природы представительной власти [1]. Одновременно продолжает оставаться на опасном уровне разрыв между народом и властью, что напрямую затрагивает фундаментальную проблему современного российского общества — проблему социально-политической стабильности.

Потенциал административного управления в демократическом обществе имеет предел в силу его конституционных ограничений и все возрастающей стоимости социально-экономических затрат и, следовательно, неэффективности, не говоря уже об издержках социального порядка и морально-этического свойства.

Новые коридоры возможностей общественного развития в современную эпоху основываются на прочном фундаменте демократических ценностей, общественном доверии к властным институтам, умении и способности субъектов общественного развития вести диалог и приходиться к консолидированному решению, наличию современных каналов рекрутирования элит, их мобильности. Все это напрямую связано с воплощением в жизнь основополагающего принципа демократии — принципа народного суверенитета, который конституируется, прежде всего, через культуру и практику парламентаризма.

Огромное воздействие на характер и эффективность институтов народовластия, в первую очередь представительных органов, оказывает морально-политическая атмосфера общества, характер социальных противоречий, реальная возможность реализации конституционных прав и свобод граждан. Неслучайно эти проблемы также находятся в фокусе внимания современных отечественных исследователей [2; 4; 6–9; 14–19].

Парламентская деятельность осуществляется в континууме взаимодействия общественных и политических институтов и строится на основе межличностных взаимоотношений всех ее субъектов. Разрабатываемые и принимаемые нормативно-правовые акты являются результатом парламентской деятельности и воплощают в себе идеи, общественное мнение и сознание, предпочтения, потребности, требования, политические установки лидеров, групп и других субъектов гражданского общества.

В силу вышеизложенного обращение к исследованию реализации политического потенциала парламентаризма в условиях модернизации российского общества, анализ основных факторов и

направлений его формирования, изучение имеющихся в этой сфере противоречий и поисков их разрешения находится в сфере политологического зна-

ния, а его актуализация связана как с недостаточной степенью изученности данного феномена, так и с практической значимостью данной проблемы.

Литература

1. Ачкасов В. А. Реализация принципа разделения властей: российский вариант // Там же. С. 58–60.
2. Баренбойм П. Д. Дух Конституции России и восточное происхождение «западной» доктрины разделения властей // Законодательство и экономика. № 1. Январь 2004 г.
3. Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Полис. 2006. № 2.
4. Глебова И. И. Как Россия справилась с демократией. Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М.: РОССПЭН, 2006.
5. Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006.
6. Городецкий В. М. Пути формирования механизма народовластия на основе действующей Конституции Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков. Конституционное и административное право: Мат-лы Всерос. конф. М.: Ин-т государства и права РАН, 2000. С. 27–32.
7. Жмыхова Л. Разделение властей и его роль в формировании современного парламентаризма России // Право и жизнь. 2004. № 73.
8. Зиновьев А. В. Гарантии свободы выборов представительных органов власти в России // Государство и право. 1995. № 1. С. 15–23.
9. Игрицкий Ю. И. Российский парламент как зеркало российского общества // Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе. М.: ИНИОН, 2003.
10. Ключевский В. О. Соч. Т. III. М., 1957. С. 34.
11. Обухов С. П. Современный российский парламентаризм: политические проблемы развития и их отражение в общественном мнении страны (1989–2005 гг): Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2007.
12. Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006.
13. Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 368.
14. Проблемы развития парламентской демократии в России: мастерская В. Рыжкова / Отв. ред. Ю. Гиренко. М.: Просветит. центр «Моск. школа полит. исследований», 2003.
15. Публичная политика в современной России: субъекты и институты: Сб. ст. / Отв. ред.-сост. Н. Ю. Беляева. М.: ТЕИС, 2006.
16. Решетников М. Что происходит с парламентаризмом? // Телескоп. 2002. № 6. С. 7–8.
17. Роль парламента в демократическом государстве: Мат-лы науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999.
18. Романович Н. А. Концепция «разделение властей» через призму концепции «симфония властей»: Тезисы докладов / IV Всерос. конгресс политологов. М., 2006. С. 267.
19. Российская система ценностей. Н. Новгород, 2005.
20. Секретные протоколы Петергофского совещания в июле 1905 г. // Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы. 1917. № 4. С. 170.
21. Соловьев А. И. Российский парламент в новейшей политической истории: пути эволюции и проблемы развития // Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: выборы, голосование, репрезентативность: Мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 100-летию принятия закона о выборах депутатов I Государственной думы. СПб., 2005. С. 55–57.

References

1. Achkasov V. A. Realization of the principle of separation of the powers: Russian option // The same edition. P. 58–60.
2. Barenboim P. D. Spirit of the Constitution of Russia and east origin of the "western" doctrine of separation of powers // Legislation and economy. N 1. January. 2004.
3. Gaman-Golutvina O. V. The Russian parliamentarism in a historical retrospective and comparative prospect // Political Science. 2006. N 2.

4. *Glebova I. I.* As Russia coped with democracy. Notes about the Russian political culture, power, society. M.: ROSSPEN, 2006.
5. *Glebova I. I.* Political culture of Russia: images of the past and present. M.: Science, 2006.
6. *Gorodetsky V. M.* Ways of formation of the mechanism of democracy on the basis of the existing Constitution of the Russian Federation // State and law at a turn of centuries. Constitutional and administrative law: Works of scientific conference. M.: Institute of state and Law of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 27–32.
7. *Zhmykhova L.* Separation of powers and its role in formation of modern parliamentarism of Russia // Law and life. 2004. N 73.
8. *Zinovyev A. V.* Guarantees of freedom of elections of representative bodies of the power in Russia // State and law. 1995. N 1. P. 15–23.
9. *Igritsky Yu. I.* The Russian parliament as a mirror of the Russian society // Democratization and parliamentarism in Eastern Europe. M.: INION, 2003.
10. *Klyuchevsky V. O.* Collected works. V. III. M., 1957. P. 34.
11. *Obuhov S. P.* Modern Russian parliamentarism: political problems of development and their reflection in public opinion of the country (1989–2005): Abstract of doctoral dissertation in political sciences. M., 2007.
12. *Pivovarov Yu. S.* The Russian policy in its historical and cultural relations. M.: ROSSPEN, 2006.
13. *Pokrovsky M. N.* Collected works. V. 2. M., 1965. P. 368.
14. *Problems of development of parliamentary democracy in Russia: V. Ryzhkov's workshop* / Edited by Y. Girenko. M.: Outreach Centre "Moscow school of political researches", 2003.
15. *Public policy in modern Russia: subjects and institutes: Collection of articles* / Edited by N. Yu. Belyaeva. M.: TEIS, 2006.
16. *Reshetnikov M.* What happens to parliamentarism? // Telescope. 2002. N 6. P. 7–8.
17. *Parliament role in the democratic state: orks of scientific conference.* Barnaul: Publishing house the Altai State University, 1999.
18. *Romanovich N. A.* The concept "separation of the powers" through a prism of concept "symphony of powers": Theses of reports / IV Russian Congress of political scientists. M., 2006. P. 67.
19. *Russian system of values.* N. Novgorod, 2005.
20. *Confidential protocols of the meeting in Peterhof July, 1905* // Voice of the past: history and history of literature magazine. 1917. N 4. P. 170.
21. *Soloviev A. I.* The Russian parliament in the contemporary political history: ways of evolution and development problem // Comparative studying of parliaments and experience of parliamentarism in Russia: elections, vote, representativeness: Works of scientific conference, dedicated to the 100 anniversary of adoption of law about elections of deputies of the I State Duma. SPb., 2005. P. 55–57.

Т. О. Гнатюк

T. O. Gnatuk

Проблемы интеграции беженцев в украинское общество

The Problems of Integration of Refugees in Ukrainian Society

Гнатюк Татьяна Олеговна

Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса НАН Украины (Киев)
tetyana_hnatyuk@bigmir.net
Соискатель

Ключевые слова:

беженцы, интеграция, Украина

В статье анализируются проблемы, с которыми сталкиваются официально признанные беженцы в Украине в процессе интеграции в украинское общество. На основе законодательной базы Украины, а также отчетов неправительственных организаций автор раскрывает возникающие перед беженцами трудности в следующих сферах: обеспечение жильем, трудоустройство, социальная защита, здравоохранение, образование.

Gnatuk Tatyana Olegovna

Institute of political and ethnonational researches of I. F. Kuras NAS of Ukraine (Kiev)
The applicant for the PhD degree
tetyana_hnatyuk@bigmir.net

Key words:

refugees, integration, Ukraine

In the article the author analyses the problems which recognized refugees face during their integration into the Ukrainian society. On the basis of the Ukrainian legislation, as well as the reports of non-governmental organizations the author describes the difficulties of refugees in the following spheres: accommodation, employment, social protection, health care, education.

Интеграция в общество принимающей страны является наиболее благоприятным долгосрочным решением проблем беженцев. Украина, став участником Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев, взяла на себя обязательства обеспечивать интеграцию беженцев и способствовать реализации их прав. Начиная с февраля 1996 г. статус беженцев в Украине получили в общей сложности 5995 человек, а по состоянию на начало 2011 г. статус признанных беженцев имели 2345 человек. Также стоит отметить, что приблизительно 1200 беженцев получили гражданство Украины начиная с 2002 г.¹

¹ УВКБ ООН у Білорусі, Молдові та Україні. Основні факти [Електронний ресурс] // Регіональне представництво Управління Верховного Комісара ООН у справах біженців у Білорусі, Молдові та Україні: офіц. веб-сайт. URL: http://www.unhcr.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=355:uvkb-oon-u-bilorusi-moldovi-ta-ukraini&catid=32&Itemid=289&lang=uk (дата обращения: 20.11.2012).

Проблемы интеграции беженцев в Украине находятся в поле зрения как зарубежных (О. Андрысек, Т. Рантала и др.), так и украинских ученых (Е. Малиновская, Е. Брайчевская, Я. Пылинский, Д. Плечко, Н. Тындык и др.). Активную роль в исследовании обеспечения прав беженцев играют международные организации, регулярно проводящие опросы и исследования проблем, возникающих у беженцев в процессе их интеграции в украинское общество. Цель данной статьи — показать трудности, с которыми сталкиваются беженцы в Украине при реализации своих прав на жилье, труд, социальную защиту, охрану здоровья и образование.

История усовершенствования Закона Украины «О беженцах» — основного закона Украины, регулирующего статус и права беженцев в результате уравнивания граждан Украины и беженцев в правах (кроме политических) — показала, что интеграция беженцев в украинское

общество была заложена в его две последние редакции (2001 г.¹, 2011 г.²). К сожалению, кроме задекларированных в этих редакциях закона прав, украинское государство не разработало действенных механизмов, позволяющих беженцам реализовать свои права. До 2009 г. интеграция беженцев не была вычленена в самостоятельное направление государственной политики, а государственные структуры, ответственные за интеграцию беженцев, не уделяли проблемам интеграции должного внимания.

О. Андрысек и Т. Рантала отмечают: «Хотя теоретически миграционные службы обязаны проводить „меры по интеграции“, фактически они сосредоточены на процедурных вопросах (определении статуса беженца, продлении термина действия справки беженца, сотрудничестве с другими органами власти...)» [1, с. 63]. Только в 2009 г. был утвержден «План мероприятий по интеграции лиц, которым предоставлен статус беженца, в украинское общество на период до 2012 года»³, мероприятия которого в основном касались удовлетворения потребностей беженцев в изучении украинского языка, культуры и истории, анализа процедуры признания иностранных дипломов беженцев, обеспечения беженцев информацией об их возможностях трудоустройства в Украине, создания

психосоциальных консультаций и адаптационных центров для беженцев. К сожалению, мероприятия плана были поверхностными и малоэффективными, они не отражали весь спектр проблем беженцев. Кроме этого, в государственном бюджете Украины не было предусмотрено финансирования для данного плана. Все финансовое обеспечение ложилось на средства Европейской Комиссии и гранты международных организаций.

В июне 2011 г. был утвержден «План мероприятий интеграции мигрантов в украинское общество на 2011–2015 гг.», охватывающий уже не только беженцев, но и мигрантов вообще⁴. Данный план характеризуется нереалистичными сроками и повторением основных мероприятий предыдущего плана, что говорит о невыполнении ранее поставленных задач. Намерения украинского государства интегрировать иностранцев задекларированы также в Концепции государственной миграционной политики⁵. В целях мониторинга обеспечения основных прав иностранцев концепция предполагает «внесение миграционной составляющей в статистические данные по результатам исследования состояния реализации прав граждан на социальную защиту, охрану здоровья, образование, труд».

Рассмотрим основные проблемы, возникающие у беженцев в процессе интеграции в Украине, в следующих сферах: решение жилищного вопроса, доступ к трудоустройству, социальной защите, охране здоровья, образованию.

Жилищный вопрос. В Украине создавалась сложная ситуация с обеспечением беженцев жильем. В соответствии с законодательством Украины (статья 28 За-

¹ Про біженців: Закон України від 21 червня 2001 р. № 2557-III // Правовий захист біженців та осіб без громадянства в Україні: зб. док. К. 2001.

² Про біженців та осіб, які потребують додаткового або тимчасового захисту: Закон України від 8 липня 2011 р. № 3671-VI [Електронний ресурс] // Верховна Рада України: офіц. веб-сайт. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3671-17> (дата обращения: 29.10.2011).

³ Про затвердження плану заходів щодо інтеграції осіб, яким надано статус біженця, в українське суспільство на період до 2012 року: розпорядження Кабінету Міністрів України від 22 липня 2009 р. № 853-р [Електронний ресурс] // Верховна Рада України: офіц. веб-сайт. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=853-2009-%F0> (дата обращения: 20.11.2012).

⁴ Про затвердження плану заходів щодо інтеграції мігрантів в українське суспільство на 2011–2015 роки: розпорядження Кабінету Міністрів України від 15 червня 2011 р. № 653-р [Електронний ресурс] // Верховна Рада України: офіц. веб-сайт. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=653-2011-%F0> (дата обращения: 12.02.2012).

⁵ Про Концепцію державної міграційної політики: указ Президента України від 30 травня 2011 р. № 622/2011 // Офіційний вісник України. 2011. № 42. С. 30.

кона Украины «О беженцах и лицах, требующих дополнительной или временной защиты»), жилищный вопрос для беженцев должен решаться в результате расселения в пунктах временного размещения беженцев (далее — ПВРБ). В данное время действуют два пункта для признанных беженцев, размещенные на территории Одесской области («Черноморка») и Закарпатской области и рассчитанные на 200 и 130 человек соответственно. Завершается реконструкция аналогичного пункта в г. Яготин Киевской области на 250 мест¹. Решение о вселении в указанные пункты принимается миграционными службами областей исходя из количества свободных мест и потребностей заявителя. Преимущество отдается больным и семьям. Проживающие в ПВРБ не содержатся под стражей и имеют право на труд.

Нужно отметить, что в законе предусмотрено только временное проживание беженцев в ПВРБ, однако социальное жилье данной категории лиц в Украине не предоставляют. В настоящее время предпринимаются некоторые меры для обеспечения беженцев жильем путем равномерного расселения в определенных регионах Украины. Например, в конце 2010 г. в Одесской области благотворительным фондом «Сочувствие» вместе с местной властью был изучен вопрос о наличии свободного жилья в отдаленных районах области для возможного переселения беженцев. В рамках сотрудничества была составлена база данных фотографий жилья, проведены собеседования и достигнуты договоренности с председателями сельских советов некоторых сел. В результате предварительное согласие на переезд в сельскую местность получено от нескольких семей беженцев².

¹ Інформація щодо стану реалізації в Україні проекту «Місцева інтеграція біженців в Білорусі, Молдові і Україні» у першому півріччі 2011 року [Электронный ресурс] // Державна міграційна служба України: офіц. веб-сайт. URL: <http://dmsu.gov.ua/uk/component/content/article/524.html> (дата обращения: 12.02.2012).

² Там же.

Несмотря на это, большинство беженцев вынуждены искать жилье самостоятельно и в основном его арендуют. Недостаток средств и высокая стоимость жилья вынуждают беженцев объединяться в группы по 5–10 человек и арендовать квартиры за средства, полученные в качестве материальной помощи от УВКБ ООН [14, с. 161]. Результаты анонимного опроса (2008 г.) показали, что 58% респондентов в Киеве, 36% в Харькове и 25% в Одессе арендуют квартиры вместе с другими лицами (собственниками жилья или другими арендаторами) [11, с. 41].

Социальная защита. Признанные беженцы, в соответствии со ст. 15 Закона Украины «О беженцах и лицах, требующих дополнительной или временной защиты», имеют право на получение денежной помощи, пенсии и других видов социального обеспечения. С целью реализации гарантированного законом права с 1 января 1999 г. в действие введен Порядок предоставления беженцам денежной помощи и пенсии³.

Порядок предусматривает два вида денежной помощи: одноразовую денежную помощь для приобретения товаров первой необходимости (выплачивается двумя частями и составляет один необлагаемый налогом минимум доходов граждан на каждое лицо, достигшее 16 лет (17 гривен), и 60% одного необлагаемого налогом минимума доходов граждан на каждого ребенка возрастом до 16 лет) и одноразовую денежную помощь на возмещение стоимости переезда к месту временного проживания (исходя из фактической стоимости проезда, но не более стоимости железнодорожного билета в плацкартном вагоне). Также предусмотрена государственная помощь семьям беженцев с детьми, если они не проживают в ПВРБ, а также

³ Про затвердження порядку надання біженцям грошової допомоги та пенсії: постановою Кабінету Міністрів України від 6 липня 1998 р. № 1016 [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офіц. веб-сайт. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1016-98-%EF> (дата обращения: 20.02.2012).

выплата пенсий в соответствии с законодательством Украины.

Особого внимания заслуживает пункт 15 порядка, описывающий принцип выплаты социальной помощи беженцам, а именно из бюджетов областей, Автономной Республики Крым, городов Киева и Севастополя с последующим возмещением средств из государственного бюджета Украины. Однако местные бюджеты не предусматривают расходы на помощь беженцам. Таким образом, несогласованность процедуры предоставления денежной помощи делает данный пункт социального обеспечения недоступным для беженцев. По данным отчета о выполнении исследовательского проекта «Соблюдение прав человека в Украине относительно беженцев и искателей убежища», материальная помощь была выдана только в нескольких случаях — одноразовая помощь приднестровским и абхазским беженцам [12, с. 33].

Материальную и социальную помощь беженцы в Украине получают от Регионального представительства УВКБ ООН и его партнерских организаций в регионах. Для беженцев предусмотрены следующие виды помощи: выплата/возмещение переезда в ПВРБ по минимальному тарифу; экстренная финансовая помощь в размере от 5 до 25 долл. США; ежемесячная материальная помощь, которая рассчитывается исходя из прожиточного минимума, определяемого украинским законодательством, и предоставляется в результате решения специальной комиссии, которое пересматривается каждые 4 месяца (например, по состоянию на сентябрь 2010 г. глава семьи получал 80 долл. США, супруга — 60 долл. США, ребенок — 40 долл. США); помощь для детей, посещающих детский сад или школу в размере 20–25 долл. на ребенка; предоставление школьной формы и канцелярских принадлежностей детям школьного возраста; средства гигиены для женщин и материальная помощь для организации похорон (до 3000 гривен)¹.

¹ Стандартная рабочая инструкция о предоставлении материальной и социальной по-

Данные, полученные в результате проведенного Институтом Кеннана исследования, показывают, что 63% афганских беженцев в Киеве рассчитывают на помощь УВКБ ООН как на основной источник дохода [10, с. 36]. Но поскольку финансовая и социальная помощь УВКБ ООН тоже ограничены, то в отношении финансового обеспечения беженцы преимущественно вынуждены полагаться на себя.

Относительно выплаты пенсий результаты исследования состояния иммигрантов в Киеве (2007 г.) сообщают о получении беженцами небольших пенсий по инвалидности или по достижении пенсионного возраста [3, с. 170].

Трудоустройство. В соответствии со ст. 28 Закона Украины «О беженцах и лицах, требующих дополнительной или временной защиты», на миграционные службы возложена задача содействовать трудоустройству беженцев. Однако в действительности большинство беженцев рассчитывают в вопросах трудоустройства только на свои силы или помощь собственных сообществ. Это связано с тем, что предлагаемый беженцам перечень вакансий не удовлетворяет их материальные потребности из-за низкой заработной платы. Кроме того, имея статус иностранцев, временно пребывающих на территории Украины, беженцы получают отказы от украинских предприятий, на которые они обращаются по вопросам трудоустройства.

По причине несовершенного законодательства беженцы не могут в полной мере воспользоваться услугами центров занятости. В 2011 г. только двум признанным беженцам был предоставлен статус безработных и соответствующая социальная помощь². Отсутствие трудо-

мощи лицам, подпадающим под компетенцию УВКБ ООН в Украине [Электронный ресурс] // Региональне представництво Управління Верховного Комісара ООН у справах біженців у Білорусі, Молдові та Україні: офіц. веб-сайт. URL: <http://www.unhcr.org.ua/img/uploads/docs/MSA%20SOPs.pdf> (дата обращения: 20.02.2012).

² Інформація щодо стану реалізації в Україні проекту «Місцева інтеграція біженців в Бі-

вой книжки и стажа работы в Украине, а также временный статус создают преграды для посещения курсов профессиональной подготовки. Центры занятости предоставляют беженцам только консультативные услуги. Также отсутствует процедура определения уровня квалификации беженцев.

В результате, решение ситуации с профессиональным обучением и переподготовкой беженцев зависит от желания и совместной работы местной власти, неправительственных организаций и работодателей. Примером успешного сотрудничества стал Одесский регион, где в 2011 г. 10 признанных беженцев окончили профессиональные курсы, перечень которых по сравнению с 2010 г. расширен: кроме курсов мастеров маникюра и парикмахеров появились курсы электриков и психологов¹.

Несмотря на это, большинство беженцев занимаются индивидуальной трудовой деятельностью и работают на рынках. По данным опроса 2007 г., 85% респондентов в Киеве, 92% в Харькове и 98% в Одессе были заняты в торговле или сфере обслуживания на больших оптовых рынках [11, с. 33]. В Киеве на рынке «Троещина» работает большинство пакистанцев [13, с. 45], представители афганского сообщества работают на Троещинском и Святошинском рынках столицы [4, с. 46].

В результате дискриминационного отношения на рынке труда, а также низкой его оплаты некоторые меньшинства отдают предпочтение частному предпринимательству и регистрации собственного малого или среднего бизнеса [11, с. 42]. В 2011 г. Управлением миграционной службы в Харьковской области вместе с Харьковской городской организацией иммигрантов и беженцев «Хурасан» было проанализировано состояние реализации признанными беженцами

и беженцами, получившими гражданство Украины, права на труд. Результаты анализа показали, что из 77 беженцев — выходцев из Афганистана 50 зарегистрированы как предприниматели, а 8 работают в сфере торговли².

Следующая проблема, возникающая перед беженцами во время поиска работы в Украине, состоит в сложной и дорогой процедуре признания иностранного диплома (нострификации). Во-первых, процедура нострификации предполагает подачу на рассмотрение Министерству образования и науки, молодежи и спорта Украины заверенного нотариусом и переведенного на украинский язык диплома. Все эти услуги являются платными. Аутентичность документов должна быть засвидетельствована страной, выдавшей диплом, что предполагает обращение в посольства. Для беженцев, которые согласно своему статусу не могут обращаться в посольства стран своего гражданства, исполнить данное требование очень сложно. Кроме этого, за услугу нострификации взимается плата в размере трех необлагаемых налогом минимумов доходов граждан (в 2012 г. эта сумма составляла 51 гривну). Во-вторых, установление эквивалентности специальности беженца украинскому образовательно-квалификационному уровню требует дополнительных процедур, среди которых дополнительное обучение и тесты на компетентность³.

Таким образом, организационные и финансовые трудности, а также незнание (недостаточный уровень владения) государственного языка являются основными препятствиями для беженцев в процедуре признания дипломов. Практика показывает, что впервые только в 2010 г.

² Там же.

³ Деякі питання визнання і встановлення еквівалентності в Україні документів про освіту, виданих навчальними закладами інших держав: наказ Міністерства освіти і науки, молоді та спорту України від 28 травня 2012 р. № 632 [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офіц. веб-сайт. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/z0959-12> (дата обращения: 27.11.2012).

лорусі, Молдові і Україні» у першому півріччі 2011 року [Электронный ресурс] // Державна міграційна служба України: офіц. веб-сайт. URL: <http://dmsu.gov.ua/uk/component/content/article/524.html> (дата обращения: 12.02.2012).

¹ Там же.

Украиной был официально признан иностранный диплом беженца о высшем образовании — диплом бакалавра беженки из Узбекистана¹.

Трудно оценить количество беженцев, обращавшихся в государственные органы Украины с целью признания иностранных дипломов о высшем образовании, так как отсутствует соответствующая статистическая база. Но, согласно информации специалистов Информационно-имиджевого центра, с 1 декабря 2010 г. (когда Центр принял полномочия Государственной аккредитационной комиссии по вопросам признания иностранных дипломов о высшем образовании) по июль 2012 г. в центр обращались не более 5 лиц со статусом беженца.

Случаи признания научных степеней беженцев в Украине еще не зафиксированы. Только один раз (в марте 2012 г.) лицо со статусом беженца обращалось в Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины по поводу разъяснений процедуры признания документов о научной степени, а именно диплома кандидата наук².

Охрана здоровья. Право на медицинскую помощь закреплено за иждивателями убежища и признанными беженцами на законодательном уровне, прежде всего в Законе Украины «О беженцах и лицах, требующих дополнительной или временной защиты» (статьи 13, 15). Согласно Закону, орган миграционной службы направляет лицо, подавшее заявление на признание его беженцем или лицом, требующим дополнительной защиты, на медицинское обследование.

Однако у большинства беженцев существуют трудности с реализацией права на получение медицинской помощи.

Во-первых, наблюдается неосведомленность врачей о закреплённом законом равном доступе беженцев и граждан Украины к бесплатной, неотложной медицинской помощи, которая должна предоставляться по месту жительства беженца или иждивателя убежища. Во-вторых, беженцы и особенно иждиватели убежища часто не имеют средств для приобретения лекарств или оплаты операций.

В подобных случаях помощь в виде информирования врачей, возвращения средств за лекарства или оплаты операций предоставляет УВКБ ООН и его партнерские организации по социальным вопросам в регионах. УВКБ ООН также предоставляет больным туберкулезом беженцам продукты питания и гигиенические наборы³.

Результаты опроса беженцев в 2007 г. показали, что доступ к системе здравоохранения имеют 64% респондентов в Харькове, 58% в Одессе и только 31% в Киеве. Большинство респондентов в Харькове и Одессе в случае болезни обращаются в районные поликлиники (53% и 61% соответственно). В Киеве зафиксирован достаточно большой процент беженцев, лечащихся самостоятельно (26%) [11, с. 36].

Образование. Опрос беженцев в 2007 г. зафиксировал существование языковых проблем среди беженцев в Украине. Достаточно хорошо для общения владеют украинским языком только 6% респондентов в Харькове, 16% в Одессе и 18% в Киеве. В Киеве также большинство опрошенных (57%) испытывают затруднения в общении, так как только изучают язык (39%) или вообще не знают местного языка (18%) [11, с. 49]. Исходя из этого, в сфере реализации прав беженцев на образование приоритетом определено

¹ Інформація щодо стану реалізації в Україні проекту «Місцева інтеграція біженців в Білорусі, Молдові і Україні» у першому півріччі 2011 року [Электронный ресурс] // Державна міграційна служба України: офіц. веб-сайт. URL: <http://dmsu.gov.ua/uk/component/content/article/524.html> (дата обращения: 12.02.2012).

² Лист Міністерства освіти і науки, молоді та спорту України від 26.06.2012 № 1/11-10384.

³ Стандартная рабочая инструкция о предоставлении материальной и социальной помощи лицам, подпадающим под компетенцию УВКБ ООН в Украине [Электронный ресурс] // Регіональне представництво Управління Верховного Комісара ООН у справах біженців у Білорусі, Молдові та Україні: офіц. веб-сайт. URL: <http://www.unhcr.org.ua/img/uploads/docs/MSA%20SOPs.pdf> (дата обращения: 20.02.2012).

обеспечение доступа беженцев к курсам изучения украинского языка. На начало 2011 г. сертификат об окончании курсов украинского языка получили 66 беженцев (23 беженца, проживающих в г. Киеве, 23 беженца из Одессы и 20 человек — 15 беженцев, 5 искателей убежища — из Харьковской области). В первой половине 2011 г. на курсах украинского языка в Киеве учились 18 человек, в Харькове — 20 человек и в Одессе — 22 человека¹.

Анализируя государственные Планы мероприятий по интеграции беженцев и деятельность партнерских организаций УВКБ ООН, необходимо отметить, что основную деятельность в данном направлении осуществляют общественные организации. Государственные органы, к сожалению, не выполняют свою часть взятых обязательств. Например, так и не были разработаны программы изучения украинского языка, истории, культуры и государственного строя Украины.

Основываясь на отчетах общественных организаций [5–9], к основным проблемам, возникающим у всех общественных организаций при организации языковых курсов, можно отнести отсутствие единых стандартов учебников для изучения украинского языка и государственных программ по изучению языка для разных уровней сложности. Успех в организации языковых курсов зависит также от уровня сотрудничества общественных организаций и государственных органов на местах.

Лучше обстоят дела в сфере доступа к школьному образованию. Школы принимают детей беженцев без ограничений, не обращая внимания на отсутствие у некоторых из них регистрации по месту жительства или свидетельства о рождении [15, с. 477]. Результаты опроса

2004 г. показали, что большинство (83,3%) опрошенных беженцев и искателей убежища не имели трудностей при устройстве детей в школы и дошкольные заведения [2, с. 56]. Однако необходимо отметить, что бесплатное, по закону, обучение в школе требует от родителей значительных затрат. Например, именно из-за финансовых трудностей дети в 10,9% семей беженцев не посещали школу в 2004 г. [2, с. 55].

Развивается практика направления беженцев на обучение в вечерние школы. Например, в первой половине 2011 г. 9 беженцев, проживающих в г. Киеве, получили аттестаты о девятилетнем или общем среднем образовании².

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что возможность в полной мере реализовать права на жилье, труд, социальную защиту, охрану здоровья и образование является для беженцев только теоретической. Практика показывает, что в процессе интеграции в украинское общество беженцы вынуждены рассчитывать на свои силы и помощь международных организаций. Украинское государство не финансирует мероприятия по интеграции беженцев, что говорит о незаинтересованности государства в решении данных вопросов, создает финансовую зависимость от международных организаций и ограничивает Украину в принятии решений. Кроме того, государственные планы направлены только на отдельные направления в сфере интеграции (образование, трудоустройство) и не охватывают в полной мере потребностей беженцев. В свою очередь, запланированные государством мероприятия, касающиеся трудоустройства и образования беженцев, фактически не осуществляются, а только переносятся из плана в план.

¹ Інформація щодо стану реалізації в Україні проекту «Місцева інтеграція біженців в Білорусі, Молдові і Україні» у першому півріччі 2011 року [Електронний ресурс] // Державна міграційна служба України: офіц. веб-сайт. URL: <http://dmsu.gov.ua/uk/component/content/article/524.html> (дата обращения: 12.02.2012).

² Інформація щодо стану реалізації в Україні проекту «Місцева інтеграція біженців в Білорусі, Молдові і Україні» у першому півріччі 2011 року [Електронний ресурс] // Державна міграційна служба України: офіц. веб-сайт. URL: <http://dmsu.gov.ua/uk/component/content/article/524.html> (дата обращения: 12.02.2012).

Литература

1. Андрысек О., Рантала Т. Интеграция беженцев в Республике Беларусь, Республике Молдова и Украине // Стратегия действий: Итоговый отчет. Европейская комиссия, 2008.
2. Анісімова Т.Є., Штещенко В.М. Забезпечення прав біженців та шукачів притулку в Україні. Аналітична доповідь за результатами дослідження стану дотримання прав шукачів притулку та біженців в Україні. Донецьк. 2004.
3. Брайчевська О. Іммігранти з країн Азії та Африки у Києві: здобутки і проблеми // Міжнародна міграція та розвиток України в контексті європейської інтеграції: Міжнар. наук. конф., 16 жовтня 2007: Зб. матеріалів / За заг. ред. О. С. Власюка. К., 2008. С. 161–173.
4. Брайчевська О., Малиновська О. Афганська спільнота у Києві: формування та соціально-демографічні характеристики // Проблеми міграції. 2002. № 2. С. 36–48.
5. Деятельность благотворительного фонда «Сочувствие» по реализации Проекта местной интеграции беженцев в Украине по Одесской области за 2009 год.
6. Деятельность благотворительного фонда «Сочувствие» по реализации Проекта местной интеграции беженцев в Украине по Одесской области (январь—июнь 2010 г.).
7. Деятельность Интеграционного центра «Рокада» по реализации Проекта местной интеграции беженцев в Украине по городу Киеву (апрель—декабрь 2009 г.).
8. Деятельность Интеграционного центра «Рокада» по реализации Проекта местной интеграции беженцев в Украине по городу Киеву (январь—июнь 2010 г.).
9. Деятельность Харьковского областного благотворительного фонда «Социальная служба помощи» по реализации Проекта местной интеграции беженцев в Украине по городу Харьков (июль—декабрь 2009 г.).
10. Малиновська О., Брайчевська О. Іммігранти із африканських країн у Києві // Проблеми міграції. 2002. № 3. С. 26–37.
11. Непочуті голоси — проблеми імміграції, прав і свобод людини в Україні. К., 2008.
12. Отчет о выполнении исследовательского проекта «О соблюдении прав человека в Украине по отношению к беженцам и лицам, ищущим убежище». К., 1999.
13. Пилинський Я., Волосюк Г. Пакистанські іммігранти міста Києва: міграційні наміри та їх реалізація // Проблеми міграції. 2002. № 3. С. 38–48.
14. Плечко Д. Проблеми захисту біженців в Україні // Міжнародна міграція та розвиток України в контексті європейської інтеграції: Міжнар. наук. конф., 16 жовтня 2007: Зб. матеріалів / За заг. ред. О. С. Власюка. К., 2008. С. 156–164.
15. Тиндик Н.П. Біженці: невід'ємний елемент сучасного світового міграційного процесу. Львів, 2007.

References

1. Andrysek O., Rantala T. Integration of refugees in Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine // Strategy of actions: Report. European commission, 2008.
2. Anisimova T. E., Steshenko V. M. Ensuring the rights of refugees and shelter hunters in Ukraine. The analytical report of results of research of a condition of observance of the rights of hunters of a shelter and refugees in Ukraine. Donetsk, 2004.
3. Braychevska O. Immigrants from the countries of Asia and Africa in Kiev: achievements and problems // The International migration and development of Ukraine in a context of the European integration: international scientific conference, on October 16, 2007: Reports edited by O. S. Vlasjuk. 2008. P. 161–173.
4. Braychevska O., Malinovska O. The Afghan diaspora in Kiev: formation and social and demographic characteristics // Migration Problems. 2002. № 2. P. 36–48.
5. Activities of Charity Foundation «Sochuvstviye» for implementation of the Project of local integration of refugees in Ukraine across Odessa region for 2009.
6. Activities of Charity Foundation «Sochuvstviye» for implementation of the Project of local integration of refugees in Ukraine across Odessa region (January—June, 2010).
7. Activities of the Integration center «Rokada» for implementation of the Project of local integration of refugees in Ukraine around the city to Kiev (April—December, 2009).
8. Activities of the Integration center «Rokada» for implementation of the Project of local integration of refugees in Ukraine around the city to Kiev (January—June, 2010).
9. Activities of the Kharkov regional charity foundation «Social Service of the Help» for implementation of the Project of local integration of refugees in Ukraine around the city to Kharkov (July—December, 2009).

10. *Malinovska O., Braychevska O.* Immigrants from the African countries in Kiev // Migration Problems. 2002. N 3. P. 26–37.
11. *Not heard voices — problems of immigration, rights and freedom of the person, in Ukraine.* K., 2008.
12. *Report on implementation of the research project «About Observance of Human Rights in Ukraine in relation to Refugees and the Persons Who Are Looking for a Shelter».* K., 1999.
13. *Pilinsky Ya., Volosyuk G.* Immigrants from the Pakistan in Kiev: migration plans and their realization // Migration Problems. 2002. N 3. P. 38–48.
14. *Plechko D.* Problems of refugees in Ukraine // The International migration and development of Ukraine in a context of the European integration: international scientific conference, on October 16, 2007: Reports edited by O. S. Vlasyuk, 2008. P. 156–164.
15. *Tindik N. P.* Refugees as inherent element of international migration process. Lviv, 2007.

**А. Е. Карлик
А. Г. Комаров**

**A. E. Karlik
A. G. Komarov**

Промышленная политика, кризис и посткризисное развитие промышленности Санкт-Петербурга

Industrial policy, crisis and post-crisis development of the Saint-Petersburg industry

Карлик Александр Евсеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов
Проректор по науке и инновациям, заведующий
кафедрой экономики предприятия и
производственного менеджмента
Доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
red@finec.ru

Комаров Александр Глебович

Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов
Доцент кафедры экономики предприятия и
производственного менеджмента
Кандидат экономических наук
red@finec.ru

Ключевые слова:

промышленная политика, кластерное разви-
тие, модернизация промышленности

Среди ключевых задач стратегического раз-
вития Российской Федерации на среднесроч-
ную перспективу — завоевание передовых
позиций в глобальной конкуренции, выход на
стандарты жизни развитых стран. Это, в свою
очередь, означает и разработку принципи-
ально новой отечественной промышленной
политики, основная цель которой — стиму-
лирование перехода экономики страны на
путь развития, позволяющий науке и высоко-
технологичным секторам промышленности
стать локомотивом экономического роста,
обеспечить адекватные условия для развития
производственного сектора, создающего
основную добавленную стоимость и реальное
богатство страны. В работе рассматривают-
ся проблемы формирования новой промыш-
ленной политики на региональном уровне с
учетом реалий посткризисного развития.

Отметим, что на протяжении длитель-
ного периода шли достаточно ожесто-
ченные споры по поводу формирования
и действия промышленной политики (да

Karlik Aleksandr Evseevich

Saint-Petersburg State University of Economics
and Finance
Vice-rector on science and innovations
Head of the Chair of Economy of the enterprise
and production management
Doctor of Science (Economics), Professor, Honored
worker of science of the Russian Federation
red@finec.ru

Komarov Aleksandr Glebovich

Saint-Petersburg State University of Economics and
Finance
Associate Professor of the Chair of Economy of the
enterprise and production management
PhD in Economics
red@finec.ru

Key words:

industrial policy, cluster development, industry
modernization

Among key problems of strategic development of
the Russian Federation — a gain of the advanced
positions in a global competition, an exit on stand-
ards of a life of the developed countries. It means
also working out of essentially new domestic in-
dustrial policy which main objective — stimulation
of transition of a national economy on the way of
development allowing a science and hi-tech sec-
tors of the industry to become by the locomotive
of economic growth, to provide adequate condi-
tions for development for industrial sector of
economy. In work problems of formation of new
industrial policy at a regional level in view of re-
alities of postcrisis progress are considered.

и поводу того, существует ли и должна
ли существовать такая политика). До сих
пор нет единства в понимании пробле-
мы наличия, единой и определенной

государственной промышленной политики, хотя отсутствие достаточно внятной политики развития производства и приоритетов государственного регулирования промышленности тоже можно считать своеобразной политикой государства на данном этапе [1]. За все время существования новой России так и не была сформулирована, а точнее доведена до стадии реализации система приоритетов развития промышленного производства в стране. На начальном этапе становления рыночных основ экономики на эти цели элементарно не было ни средств, ни политической воли, в дальнейшем государство отдавало свои приоритеты становлению институтов государственного развития, не уделяя особого внимания среднесрочным экономическим перспективам в условиях благоприятной конъюнктуры на сырьевые товары и продукцию нефтегазового комплекса на мировых рынках.

Промежуточный результат можно было бы констатировать следующим образом. Сначала промышленная политика России была «не по карману»¹, а в дальнейшем, в последние 7–8 лет предкризисного развития, при получении сверхдоходов, наличии благоприятной конъюнктуры на мировых сырьевых рынках было упущено время. В результате произошла консервация структуры экономики, в которой 80% составляют производство и транспортировка сырьевых ресурсов (рис. 1) плюс устаревшая инфраструктура — все это делает российскую экономику неконкурентоспособной и зависимой от мировой конъюнктуры цен, в первую очередь на энергоносители.

Российская экономика вплоть до II полугодия 2008 г. демонстрировала динамичные показатели промышленного роста при росте импорта за предкризисное десятилетие почти в 10 раз. Тем не менее вплоть до 2008 г. это обстоятельство всех устраивало, положительное сальдо торгового баланса обеспечивали поток

углеводородов и благоприятная внешняя конъюнктура. В то же время начиная с 2004 г. наблюдалось постоянное снижение коэффициента покрытия импорта экспортом, причем экспортом специфическим — сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. При этом доля в экспорте высокотехнологичной продукции, прежде всего вооружений и военной техники, продолжала оставаться стабильной и даже несколько снизилась.

Кризис 2008–2010 гг. наглядно показал утопичность продолжающейся эксплуатации экономической модели потребления и заимствования в ущерб развитию модели производства и сбережения. Нужно отметить, что результатом подобной деятельности в долгосрочном периоде традиционно является существенный промышленный спад и в конечном итоге резкая девальвация отечественной валюты.

В ситуации, когда нарушена мировая финансовая архитектура, наблюдается не только спад реального промышленного производства, но и откат на десятилетия экономического роста, вернуться к прежней модели развития вряд ли удастся². В современных условиях финансовый кризис перешел в хроническую геоэкономическую форму, захватив, естественно, и геополитическую сферу. Вопрос о том, наступила (или наступит и когда) вторая волна кризиса, в какой форме она будет выражаться, какова будет глубина этого кризиса, сколь долго он будет продолжаться и какие сферы общественной жизни затронет, обсуждается достаточно широко. Россия в ее современном состоянии не переживет нынешний кризис без решительного изменения экономической модели.

Основой для перемен, на наш взгляд, должна стать переориентация на рублевые источники финансирования и на

¹ Эти слова А. Чубайса надолго определили судьбу попыток перейти к практике цивилизованного регулирования промышленного производства в рыночной экономике.

² Опыт формирования и реализации современной промышленной политики в развитых странах (Институт мировой экономики и международных отношений по заказу Комитета РСПП по промышленной политике) // <http://prompolitika.rsprr.ru/intl/ru/cmd/about/stuff/200210181725-5052.htm>.

Рис. 1. Динамика структуры российского экспорта, %

Источник: данные Росстата.

эффективный внутренний рынок сбыта, для чего необходимо развивать отечественное производство, радикально снижать издержки и выходить к потребителю с новым продуктом. Сегодня же сложилась ситуация, при которой рубль становится средством для перевода выручки в валюту. Подобное положение еще более подрывает доверие к национальной валюте, приводит к неконтролируемому оттоку капитала, низкому качеству роста ВВП и может привести к отрицательному вектору экономического развития страны.

Однако положительные тенденции в предкризисные годы также необходимо учитывать. Россия полностью рассчиталась по государственному внешнему долгу, по объему золотовалютных резервов Россия вышла на третье место в мире, доля долга в ВВП достигла минимальных значений, что вывело Россию в один ряд с экономически развитыми странами с рыночной экономикой. Создание стабилизационного фонда, с последующим его

разделением в начале 2008 г. на резервный фонд и фонд национального благосостояния, общим объемом около 7 трлн руб. сделало Россию страной экономически развитой и финансово привлекательной для инвестиций.

Однако Россия быстро превратилась в страну экономического роста без развития, хотя показатели финансового благополучия, вроде бы налицо. Так, на декабрь 2012 г. золотовалютные резервы России составили 522,2 млрд долл. (исторический максимум золотовалютных резервов РФ приходится на 8 августа 2008 г., когда их объем достиг 598,1 млрд долл. Тем временем их историческим минимумом можно считать показатель 10,7 млрд долл., зарегистрированный на 2 апреля 1999 г.)¹. Внешний государственный долг России на 1 января 2012 г. составил 33,5 млрд долл., являясь наименьшим за послед-

¹ <http://top.rbc.ru/economics/19/01/2012/633981.shtml>.

ние 10 лет, в то время как суммарный внешний долг (федеральный и частный) на 1 января 2012 г. составил 545,5 млрд долл., являясь максимальным начиная с 1994 г. Тем не менее, как показала практика, финансовое благополучие является лишь инструментом, средством достижения реальной экономической мощи современного государства. Высокие рейтинги ведущих мировых агентств падают вместе с мировой конъюнктурой, если экономическая стабильность не подкреплена отечественным, современно структурированным, имеющим высокую степень диверсификации промышленным производством.

В последнее время сложилась непростая экономическая схема решения внутренних проблем. Корпоративный сектор привлекает средства с мирового рынка капитала, зарабатываются средства в сырьевом секторе экономики, модернизируется производство на основе импорта западных технологий, ставятся отверточные производства с низким уровнем локализации. Все достаточно просто, а главное быстро. Однако вдруг эта модель перестает работать, и экономика остается один на один с угрозой резкой потери всех прежних достижений.

В посткризисные годы произошло увеличение как экспорта, так и импорта, однако если экспорт в стоимостном выражении в 2011 г. по сравнению с 2010 г. вырос на 30%, что было вызвано ростом цен на энергоносители и сырье на мировом рынке, то физический объем его сократился на 2,2%. В отношении импорта картина обратная. Увеличение стоимости импорта в 2011 г. на 33,4% было вызвано как ростом его физического объема, индекс которого составил 109,1%, так и увеличением индекса средних цен импортируемых товаров, составившего 122,2%¹. Сегодня никого не нужно убеждать в необходимости замещения импортных товаров товарами отечественного производства, причем по всему спектру не только сельскохозяйственно-

го, но и промышленного производства. Также необходимо замещать зарубежные источники финансирования внутренними, в отечественной валюте.

Основной посыл текущего кризиса, на наш взгляд, в том, что нужно менять экономическую модель и финансовые источники промышленного развития. Если раньше такими источниками были внешние заимствования и доходы от реализации сырьевых ресурсов, теперь можно предположить, что с учетом появления новых источников энергии (например, сланцевый газ), значительной работой в европейских странах по энергосбережению, деятельностью одного из основных покупателей российских энергоносителей — Китая — по приобретению ряда месторождений углеводородов в Африке и Южной Америке говорить о перспективах развития этого направления было бы неразумно. Соответственно, основным источником поступления средств в консолидированный бюджет РФ являются отечественный рынок и внутренний спрос.

Сравнительно легкий доступ к рынкам свободного капитала на протяжении последнего десятилетия привел отечественную экономику к дисбалансу в сфере заимствований и инвестиций на фондовом рынке. В то время, пока Россия ликвидировала свой внешний долг, ее корпоративный долг (как это было показано выше) из года в год уверенно рос, достигнув более чем 512 млрд долл. и превосходя государственный долг почти в 15 раз. В период затяжного финансового кризиса на фондовых рынках это обстоятельство может лишить многие наши крупные отечественные предприятия суверенитета.

Нужно отметить, что масштаб и глубина текущего кризиса не поддаются стандартному исчислению. На наш взгляд, мир столкнулся не просто с кризисной ситуацией. Мы стали свидетелями крушения не только сложившейся финансовой архитектуры современной мировой экономики. На деле мир столкнулся с проблемой переоценки всего мирового экономического уклада. Россия, как часть мировой экономики, также испытала на себе всю «прелесть»

¹ http://www.rusimpex.ru/Content/News/look_news.php?urltext=2012_02_02.txt.

глобализации. К сожалению, никто сегодня не может ответить на вопрос, как долго продлится кризис и сколь глубоко он затронет экономику России. По косвенным признакам следует признать, что мировую экономическую систему ждет волнообразный и долгосрочный качественный спад, в результате которого мир может оказаться перед фактом крушения существующей системы ценностей и приоритетов и перед необходимостью выработки нового уклада экономического и политического развития. Можно сказать, что Россия находится сейчас в самом начале пути, который займет десятилетия, результаты которого будут ясны примерно через 10 лет.

Проводя аналогию с Великой депрессией первой четверти прошлого века, следует признать, что накопленный человечеством политический, экономический и промышленный потенциал по достижении определенного количества времени кончается кризисом, который призван качественно изменить существующую систему. Вопрос стоит лишь в выборе инструментария. Как мы помним, выйти из Великой депрессии человечеству «помогла» Вторая мировая война.

В классической экономической теории кризис есть движитель прогресса. Мы уже много внимания уделили доле и значению государства в становлении рыночной экономики страны. Во времена кризиса эта доля и значение, безусловно, повышаются. Теория свободного рынка с концепцией равновесия за все время претерпела значительные преобразования. Однако теория того, что существует некая точка, в которой система больше не может быть улучшена и что рынки сами по себе стремятся к такой точке и любое политическое вмешательство способно принести только вред, до сих пор очень популярна и служит научной основой рыночного фундаментализма.

Сегодня вопрос стоит следующим образом: не должно ли государство вмешиваться в рыночные процессы, а как может и должно повести себя государство на выходе, при достижении системой новой точки равновесия, поскольку

основная функция государства как всеобщего регулятора не должна подменяться ролью не всегда эффективного управленца. В то же время хотя и постоянно мулсируется идея, что государство есть самый неэффективный собственник, тем не менее критерием формы собственности предприятия может быть только одно — эффективность его функционирования.

Система мер, предпринимаемых государством, предусматривала целый комплекс мероприятий, направленных на минимизацию последствий набирающего обороты экономического кризиса как для страны в целом, так и для ряда секторов промышленного производства и для конкретных предприятий. Именно поэтому можно говорить о промышленной политике государства в кризисный период, поскольку реализация этих мер имела приоритетный характер и имела все признаки политики [2]. Критерии отбора этих предприятий отражали основные цели и тенденции развития, которые определяет государство в качестве своих основных экономических и политических приоритетов.

Главное направление развития экономики — это создание на базе государственных корпораций мощного ядра современного промышленного производства, отвечающего современным требованиям мирового спроса и передовых технологий и инноваций [3]. За последние годы создан ряд госкорпораций, объединяющих в единую производственную базу основные отраслевые системообразующие предприятия и организации в авиастроении, судостроении, атомной промышленности, отраслей ВПК и передовых нанотехнологий. Был создан государственный банк развития и ряд финансовых компаний и фондов, призванных разделить основные риски с участниками инновационного рыночного процесса. Принят пакет законодательных и нормативных актов в сфере финансовых, фискальных и контролирующих институтов.

Правительством был утвержден перечень в различных отраслях науки, промышленности, сельском хозяйстве и

торговле, который выделяет крупные системообразующие и передовые конкурентоспособные предприятия и организации. Данные предприятия и организации могут рассчитывать на все виды государственной поддержки и различные преференции и льготы во время текущего кризиса. Речь идет о мерах, вплоть до национализации отдельных организаций и секторов экономики, с целью не дать данным отраслям экономики утратить суверенитет или погнубить во время кризиса.

Конечно, необходимо поддерживать те предприятия и сектора экономики, в которых сильна социальная составляющая. Если предприятие является градообразующим в регионе, необходимо вести речь о мерах по поддержанию производства на должном уровне. Однако речь идет не только о прямых инвестициях. Гораздо эффективнее показала себя государственная поддержка на уровне стимулирующих мер развития, таких как:

- госзаказ;
- субсидирование процентных ставок по кредитам;
- рефинансирование финансовой задолженности;
- государственные гарантии и поручительства;
- реструктуризация налоговой задолженности;
- таможенно-тарифная политика.

Необходимо стимулировать и собственные программы развития предприятий. Наряду с мерами, направленными на эффективное использование средств и минимизацию внутренних издержек, необходимо задействовать источники от продажи неиспользованных земельных угодий и производственных участков, а также от реструктуризации и вывода непрофильных активов на предприятиях.

С целью поддержания спроса на отечественную продукцию и услуги необходимо предусмотреть меры по защите населения. Речь идет, в первую очередь, о необходимости компенсации части затрат на приобретение продукции отечественного производства или субсидировании процентной ставки по кредиту,

особенно что касается ипотечного и долгосрочного кредитования.

Возможности модернизации российской экономики, как приоритета промышленной политики в посткризисный период, непосредственно связаны с развитием традиционных и новых промышленных центров России на основе формирования и развития городских промышленных комплексов. Нужно отметить, что в период 1991–2011 гг. отношение к промышленности в Санкт-Петербурге неоднократно менялось. Его руководство позиционировало Санкт-Петербург как финансовый центр России, культурную столицу, основной туристический центр Северо-Запада России и др. Менялось и представление руководителей экономического блока о роли промышленности в его социально-экономическом развитии. Так, еще в 2009 г. говорилось, что по структуре ВРП Санкт-Петербург постепенно приближается к показателям европейских городов, снижая долю обрабатывающих производств и увеличивая долю услуг. Таким образом, снижение доли промышленности в ВРП представлялось позитивным явлением, тем более что настойчиво пропагандировалась идея преимущественного роста сферы услуг. Тем не менее по результатам кризиса 2008–2010 гг. стало ясно, что в наилучшем положении и с наименьшими потерями (рост безработицы, снижение объемов производства и др.) из кризиса вышли те регионы, в которых значительной была доля именно реального производства, в первую очередь промышленности. Именно поэтому уже в 2012 г. стало превалировать мнение, что промышленность Санкт-Петербурга — основа экономики региона, главный источник доходов бюджета, и ей надо уделять значительное внимание.

Тем не менее изменение внешних экономических условий должно влиять на смещение традиционных направлений развития промышленности, и максимальное воздействие на этот процесс оказывает присоединение России к ВТО в 2012 г. Как известно, центральной идеей присоединения России к ВТО являлось то, что появляются инстру-

менты активного воздействия на правила мировой торговли (прямой ущерб от неспособности к такому влиянию до вступления в ВТО оценивался в 2–2,5 млрд долл. в год). Кроме того (и в теории это правильно), возможно повышение потребительских свойств и конкурентоспособности российской продукции за счет резкого усиления конкуренции со стороны зарубежных производителей. Предполагалось, что последнее может позволить снизить цены на ряд видов промышленной продукции.

На наш взгляд, существуют определенные сомнения в том, что все позитивные последствия, приведенные в обоснование эффективности присоединения к ВТО, могут быть реализованы. Представляется, что инвестиции, которые ждет наша экономика, вряд ли поступят именно в высокотехнологичные отрасли, приоритетными, как и ранее, останутся отрасли топливно-энергетического сектора, а также отрасли с быстрой оборачиваемостью капитала (например, пищевая промышленность). В отраслях же станкостроения, электротехники, приборостроения, энергомашиностроения и др. гораздо более выгодно для западных фирм продавать готовые изделия, а не делать долгосрочные вложения. Без инвестиций же морально устаревший и физически изношенный производственный аппарат российских предприятий не будет конкурентоспособен. Естественно, что в условиях, когда отступление назад невозможно, необходимо рассмотреть, какие меры возможно принять с тем, чтобы до конца переходного периода повысить конкурентоспособность российской промышленности.

На наш взгляд, для поддержки внутреннего спроса, как основного направления региональной промышленной политики в посткризисный период, необходимо принять меры по следующим направлениям:

- увеличить объем государственных закупок высокотехнологичной и наукоемкой продукции, производимой промышленным комплексом Санкт-Петербурга;

- обеспечить содействие продвижению высокотехнологичной и наукоемкой продукции, производимой промышленным комплексом Санкт-Петербурга, на региональные рынки;
- предусмотреть льготное кредитование с субсидированием процентных ставок для предприятий, осуществляющих закупку оборудования, производимого промышленным комплексом Санкт-Петербурга;
- предусмотреть субсидирование процентных ставок по потребительским кредитам при приобретении продукции, производимой промышленным комплексом Санкт-Петербурга;
- предусмотреть комплекс мероприятий, направленных на ребрендинг потенциально привлекательной продукции, с субсидированием части затрат, связанных с его проведением [4].

Особое место в реализации промышленной политики Санкт-Петербурга занимает политика кластеризации. Кластерная политика постепенно набирает популярность и на Северо-Западе. Первопроходцем выступил опять же Петербург. В настоящее время о планах создать кластеры заявили почти все регионы СЗФО. Вместе с тем, до сих пор существует неразбериха по поводу специфики кластерной политики, ее места в ряду уже существующих инструментов экономической политики страны, в том числе и промышленной политики.

Проблема в том, что у каждого кластера должна быть стратегия развития, основанная не на общих теоретических выкладках и пафосных прогнозах роста до определенного года, а на объективном технико-экономическом обосновании, в котором четко прописаны участники проекта, степень задействованности каждого из них, схемы взаимодействия, возможная номенклатура продукции и др. Создатели кластера должны четко представлять его цели, направленность и рассчитывать качественные характеристики его развития. Должны быть определены и условия выхода из кластера.

Кластер создается на основе объективных потребностей и с учетом исходного состояния его участников. Кластер

не вечен. Есть в нем потребность — он создается. Закончилась потребность в совместной деятельности — надо заканчивать его существование цивилизованно, либо искать направления его переориентации.

Для появления кластера необходим высокий уровень развития базовой отрасли — кластерные технологии повышают конкурентоспособность предприятий, но они не смогут ее создать. Однако в Петербурге пока мало отраслей, развитие которых соответствует хотя бы необходимому минимальному уровню. Так, например, постепенно вырисовывается конфигурация судостроительного кластера. По сути, кластером является сама Объединенная судостроительная корпорация, в которую входят судостроительные и судоремонтные предприятия России, а также предприятия судового машиностроения и приборостроения, если за территориальную общность признавать не какой-то отдельный регион, а страну в целом. Возможно, предприятиям внутри корпорации не хватает кооперации, но в данном случае это не важно, поскольку выстраивается вертикально-интегрированная структура. Если брать именно петербургский кластер, то сейчас он включает 15 судостроительных предприятий, 5 судоремонтных, 11 по изготовлению оборудования для судов,

9 предприятий по обслуживанию и ремонту судового оборудования, 13 НИИ и КБ, занимающихся проектированием судов разных типов, 5 предприятий по проектированию оборудования для судов. В городе сейчас 43 организации судостроительной отрасли. Продукция судостроения составляет более 50% от всей продукции ОПК, выпущенной в Петербурге. Именно поэтому петербургские судостроители имеют хорошие шансы сформировать работоспособный эффективный кластер, тем более что судостроению как военному, так и гражданскому сейчас уделяется внимание на самом высоком уровне власти.

В целом же, по нашему мнению, первый шаг к созданию основы стратегической конкурентоспособности региональной экономики сделан. В настоящее время сформирована программа реализации Концепции развития промышленного комплекса Санкт-Петербурга до 2020 г., которая позволит реализовать комплекс необходимых мероприятий для развития промышленности города, конкурентоспособной на федеральном и глобальном уровнях, с учетом присоединения к ВТО. Именно этот шаг говорит о том, что у Санкт-Петербурга есть реальная промышленная политика, позволяющая укрепить его позиции как инновационно-промышленного центра страны.

Литература

1. *Государственная промышленная политика России: проблемы формирования и реализации.* М.: ТПП РФ, 2010.
2. Карлик А. Е., Рохчин В. Е., Новиков Ю. И. Управление промышленным развитием Северо-Запада России: анализ состояния и пути совершенствования // Известия СПбГПУ (ТУ). 2012. № 2.
3. *Основы промышленной политики Российской Федерации.* М.: РСПП, 2011.
4. *Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы /* Рук. авт. кол.: Д. С. Львов, А. Г. Поршневу. М.: Экономика, 2011.

References

1. *State industrial policy of Russia: formation and realization problems.* M.: Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, 2010.
2. Karlik A. E., Rokhchin V. E., Novikov Yu. I. Management of industrial development of the North West of Russia: analysis of a condition and ways of improvement // News of SPbSPU. 2012. N 2.
3. *Bases of industrial policy of the Russian Federation.* M.: RSPF, 2011.
4. *Management of social and economic development of Russia: concepts, purposes, mechanisms /* Heads of a group of authors: D. S. Livov, A. G. Porshnev. M.: Economy, 2011.

С. Д. Мартынов

S. D. Martynov

Модернизация и социальный капитал России

Modernization and Social Capital of Russia

Мартынов Сергей Дмитриевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры финансов и государственного регулирования экономики
Доктор экономических наук, профессор
smartynov2001@mail.ru

Ключевые слова:

модернизация, стратегия, реформы, общество, социальный капитал, доверие, согласие, власть, бизнес, население

В статье рассматриваются цели, пути и проблемы модернизации в России, акцентируется внимание на институциональные факторы. Используется понятие «социальный капитал» как ресурс доверия и сотрудничества всех участников модернизационных процессов: власти, бизнеса, населения. Накопление социального капитала, снижение дефицита доверия в обществе рассматривается как один из ключевых факторов успеха модернизации.

Россия последние два десятилетия живет в условиях перманентных реформ, цель которых — модернизация страны, преодоление отставания от высокоразвитых экономик мира. При анализе периода постсоветского развития может сложиться впечатление, что модернизации в России не было или она проходила крайне медленно. Так, показатель производительности труда в России по сравнению с США в 1989 г. составлял 33,1%, а в 2008 г. — 28,6% (индекс GK по методу Гири-Камиса), т.е. отставание не сократилось, а увеличилось.

На самом деле модернизация происходила весь рассматриваемый период. Структура российской экономики стала рыночной, это несомненный позитивный результат. Но эффективность новой экономики низка из-за отставания институциональных преобразований. Если в

Martynov Sergey Dmitriyevich

North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of finance and state regulating of economy
Doctor of Science (Economics), Professor
smartynov2001@mail.ru

Key words:

modernization, strategy, reforms, society, social capital, trust, consent, power, business, population

In the article the purposes, ways and modernization problems in Russia are considered, the attention to institutional factors is focused. The concept «the social capital» as a resource of trust and cooperation of all participants of modernization processes (authority, business, population) is used. Accumulation of the social capital, decrease in deficiency of trust in society is considered as one of key factors of success of modernization.

первом десятилетии реформы преобладала разрушительная фаза перестройки, то в последующем десятилетии начался процесс обновления основного капитала. Однако компенсировать потери деградации 1990-х гг. в начале нового века пока не удалось.

Проблему роста эффективности российской экономики в условиях рынка призван решить бизнес. Для этого ему требуется доверие общества и государственная поддержка, направленная на трансформацию рыночных институтов. Однако бизнес сегодня не проявляет особой заинтересованности в переходе к инновационной экономике, предпочитая использовать природную ренту. Правительство, понимая, что сырьевая экономика России не имеет перспектив, прилагает усилия для стимулирования модернизации (в СМИ используется даже

выражение «принуждение к инновациям»), но пока без видимых результатов. Одна из главных причин, на наш взгляд, заключается в дефиците социального капитала в России. Речь идет о согласии и доверии в деятельности отдельных участников модернизационного процесса.

Принято различать модернизацию технологическую и институциональную. Первая предполагает обновление технологий, оборудования, продукции, методов организации и управления, а также структурную перестройку экономики в отраслевом и региональном разрезе. Она непосредственно приводит к росту производительности труда, эффективности производства на основе потока инноваций. Вторая — институциональная — затрагивает практически все стороны жизни общества, включая политическую систему.

Особенность традиционной «имперской модели» реформ в России заключалась в том, что правящая элита всегда ограничивала круг проводимых преобразований теми, которые может контролировать. Модернизация снизу (демократическая), конечно, более рискованная, предполагает активацию частного бизнеса, вовлечение более широких слоев в предпринимательскую деятельность и самоограничение власти правящей элиты. На практике обычно осуществлялись преимущественно технологические изменения и по минимуму — институциональные, что приводило к снижению экономических результатов. Е. Ясин утверждает, что для реальной модернизации необходимы радикальные институциональные преобразования. По его мнению, «заряд возможностей, полученный от рыночных реформ, в России еще далеко не исчерпан, и, если его дополнить демократическими институтами, можно придать обществу уверенность в том, что новая Россия встанет вровень с другими развитыми странами. Стратегическая линия на модернизацию и привлечение к участию в ней широкого круга граждан должна сохраняться длительное время. Прежние методы, с помощью которых правители поднимали страну на дыбы, теперь к успеху не приведут» [6].

Очевидно, что государство должно определять стратегию и тактику реформ, которые теперь принято называть модернизацией. Однако решение сложных задач модернизации бюрократическими методами не обеспечить, необходимы консолидация общества, инициатива граждан. «Мы заведомо проиграем, — отметил В. Путин, — если будем рассчитывать только на решения чиновников и ограниченный круг инвесторов и госкомпаний. Мы заведомо проиграем, если будем опираться на пассивную позицию населения»¹.

Картина современной жизни России значительно богаче и сложнее, чем в предыдущем веке. В советское время тоталитарное государство доминировало в общественной жизни, выполняя роль всеобщего управляющего, ответственного за все и вся. Сегодня в общественной структуре выделяются три основных участника отношений: государство — бизнес — население (общество), которые для успеха дела модернизации страны должны стать партнерами. На практике их поведение определяется уровнем доверия друг к другу как основы кооперации, а общий результат — согласием и консолидацией всех сил. Стратегия кооперации выгодна всем, и те сообщества, где она доминирует, в перспективе выигрывают.

Вопрос выбора стратегии связан с вариантом модернизации, осуществляемой в стране. Модернизация «сверху» или «снизу» — вот в чем вопрос! При модернизации сверху государство выступает инициатором действий, принимает законы и принуждает бизнес и общество выполнять свои предписания (например, инициативы, направленные на технологические и структурные изменения). Исполнение обеспечивается бюрократией, включая силовые структуры. Бизнес и общество не могут контролировать все правила игры, устанавливаемые государством. В этих условиях представители власти могут

¹ Путин В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012.01.16.

превышать свои полномочия, в том числе в личных и групповых интересах. Так возникают условия для коррупции.

Бизнес ориентирован на максимизацию своих доходов, но инициативы государства ограничивают его естественные устремления. Конкурентный механизм согласования интересов в этом случае не работает, в результате интересы бизнеса и государства при модернизации сверху расходятся. Тогда государство, не желая часто прибегать к принуждению, создает стимулы для отдельных предпринимателей. При этом остальные представители бизнеса оказываются в неравных условиях и, как следствие, в целом складывается обстановка взаимного недоверия. Отказаться от сотрудничества ни одна из сторон не может, но кооперативного поведения не возникает.

Общество (население), под которым понимается множество наемных работников и потребителей, лишенное возможности контролировать поведение государства и бизнеса, испытывает недоверие к обоим. Люди в таком случае думают, что все изменения будут происходить за их счет, к выгоде государства и бизнеса. Таким образом, политика модернизации сверху ведет к образованию «треугольника недоверия», где для всех участников характерно некооперативное поведение. В данной ситуации для обеспечения выполнения инициатив государства требуется создание дополнительных структур, ответственных исполнителей, повышается статус и сфера действия силовых структур, выстраивается «вертикаль власти». Лояльности бизнеса государство добивается путем усиления налогового давления на него, угрозами лишения прав собственности и др.

Такого рода тактика сначала не вызывает активного сопротивления в обществе, привыкшем к авторитаризму и уставшем от нестабильности. Наоборот, стабильность и более простые правила игры приносят позитивные результаты, поскольку выше уверенность в соблюдении порядка всеми участниками. Но это не оказывает положительного влияния на модернизацию, так как в рыноч-

ной экономике основной движущей силой является бизнес, чьи права в этом случае явно ущемлены. Усиливаются бюрократия и коррупция. Снижается уровень деловой активности.

Чтобы компенсировать потери, государство берет на себя роль предпринимателя, организует крупные проекты с государственными инвестициями и привлечением отдельных представителей частного бизнеса. Стимулируется частно-государственное партнерство. Но заметных результатов нет: модернизация связана с рисками, а в этой ситуации рисков избегают все.

Задача общества и государства заключается в том, чтобы, начав двигаться от ситуации «треугольника недоверия», постепенно прийти к «треугольнику доверия» и кооперативному поведению. Здесь уместно вспомнить о двух моделях М. Олсона [2]. Первая — государство на службе общества, когда институты настроены на работу в пользу граждан, вызывая с их стороны доверие и содействие. Вторая — общество на службе государства, когда первое выполняет функции «тяглового сословия», поставляющего ресурсы государству и «служивому сословию» с понятным взаимным недоверием. Модернизация «снизу» — процесс перехода от второй модели к первой, от законов, которые большинству выгодно нарушать, к законам, выгодным для большинства и поэтому исполняемым.

Для осуществления демократической модернизации необходимы реальное разделение властей, переход к политической конкуренции, обеспечение верховенства права и независимости судебной власти, подчинение бюрократии интересам общества и свобода СМИ. Необходимы также децентрализация государственного управления и возвышение роли местного самоуправления. «Граждане должны привыкать к тому, что власть начинается не в Кремле, а в муниципалитетах», — заявил Д. Медведев на Конгрессе местных и региональных властей. Речь идет о правах и свободах, гарантированных Конституцией РФ. Кроме того, необходимо ускоренное накопление социального капитала российского общества.

Отметим, что в последние годы в научный оборот все шире входят понятия «социальный капитал» и «гудвил». Это, по сути, нематериальные активы, наличие которых обеспечивает рост эффективности хозяйства на общественном и фирменном уровнях соответственно. Экономисты обратились к социальному капиталу в поисках «недостающего звена» в существующих теориях, без которого не удастся убедительно объяснить широкий круг явлений. В частности, успехи и неудачи государств в социально-экономическом развитии, дееспособность демократических институтов, отношения «власть—бизнес» и пр.

Исследователи рассматривают механизмы, через которые социальный капитал воздействует на экономические результаты. С одной стороны, этот капитал поддерживает порядок в экономике на основе доверия, взаимного уважения и учета индивидами общественных интересов. В этом смысле он выступает институциональной альтернативой государству и вносит прямой вклад в экономическое развитие в «горизонтальном» направлении, без участия государства. С другой стороны, от запасов социального капитала зависит эффективность формальных институтов и государственного управления. Тем самым социальный капитал воздействует на экономику и в «вертикальном» направлении.

С экономической точки зрения сформировалось понимание социального капитала как общественного ресурса, благоприятствующего инвестициям и торговле, способствующего решению социальных проблем. Данный капитал укрепляет доверие между партнерами, мобилизует ресурсы для общественных проектов, поддерживает благотворительность и иные формы социальной активности бизнеса. Все это позволяет рассматривать социальный капитал как ценный ресурс развития наряду с финансовым и человеческим капиталами.

Многообразие проявлений и функций затрудняют однозначное определение социального капитала. Приемлемой может быть трактовка его как способности сообществ к коллективным действиям

ради достижения общей цели. Проблема обеспечения коллективных действий возникает в связи с необходимостью предотвращения возможных «провалов рынка». Это происходит при несовпадении частной и общественной выгоды, когда действия участников исключительно в личных интересах не обеспечивают наилучшего использования имеющихся ресурсов. «Провала» помогает избежать координация действий, когда каждый участник отказывается от индивидуально лучшего решения ради общего блага и в итоге получает более высокий результат, нежели в некооперативном варианте. Координация требует самоограничения всех участников, чтобы не допустить чрезмерной нагрузки на ресурс («трагедия общины»).

Коллективным действиям способствуют социальные сети — они необходимы для обмена информацией и достижения договоренностей между участниками. Второй важный компонент в механизме формирования и развития социального капитала — просоциальные нормы поведения, отражающие не только личный, но и общественный интерес. Наконец, третий компонент для успешного взаимодействия в обществе — доверие между участниками социальных процессов. Это важнейший компонент, явление культуры, которое философ Ф. Ницше назвал «языком добра и зла».

Сети, нормы и доверие составляют «триаду социального капитала». Все элементы «триады» связаны друг с другом. Сети формируют доверие между участниками и способствуют распространению просоциальных норм поведения, а общность ценностей и взаимное доверие расширяют социальные сети и контакты. Доверие и нормы поведения выступают элементами культуры народа. Национальная культура формируется поколениями в конкретных исторических условиях и всегда специфична для страны. В более развитой форме просоциальные нормы не только удерживают индивида от антиобщественного поведения, но и побуждают его контролировать поведение окружающих. Социальные сети повышают

эффективность подобных «горизонтальных санкций». Хорошим примером здесь может служить экологическое движение, которое набирает силу в России.

Социальный капитал снижает издержки беспорядка в экономике и обществе. Экономическая деятельность при остром дефиците социального капитала атомизируется и становится более примитивной, а возможности экономики — недоиспользованными. Сказывается наличие социального капитала и на государственном управлении. При повышении уровня консолидации общества снижается потребность в государственном присутствии в экономике, в необходимости формальных институтов, ряда органов власти. При достаточном запасе социального капитала корпоративные общественные структуры могут частично замещать государство в его функциях, в частности принимая на себя ответственность за содержание объектов инфраструктуры, поддержание общественного порядка, охрану окружающей среды, контроль качества продукции и др. [4].

Иногда из возможности замещения формальных институтов социальным капиталом делают обратный вывод о том, что дефицит социального капитала можно компенсировать более энергичным проведением институциональных реформ по инициативе государства, т. е. сверху. Вместе с тем, как показывает мировой опыт, надежды, возлагавшиеся на институциональные реформы в странах с переходной экономикой оправдались лишь частично. Наиболее часто разочарование возникало по поводу политических реформ, связанных с усилением демократических начал в государственном управлении. Реформы проходят, а ситуация мало меняется, поскольку бюрократия мимикрирует, приспосабливается к новой ситуации, сохраняя позиции. Выход опять же в накоплении социального капитала, от запасов которого зависит эффективность формальных институтов.

Действенный контроль общества над властью, бюрократией требует социального капитала особого рода, известного под названием гражданской культуры.

Основу гражданской культуры составляет чувство ответственности человека за состояние дел в стране, городе, поселке. И восприятие государства как своего, родного, требующего поддержки граждан. Массовое сознательное участие населения в политической жизни предотвращает коррупцию и злоупотребление властью, обеспечивает верховенство закона, защиту прав собственности и проч. Социальный капитал влияет и на стимулы чиновников, на мотивацию их поведения. Политические элиты, являясь частью общества, не обособливаются, а становятся носителями преобладающих в нем норм и ценностей.

Государство нуждается в социальном капитале для надлежащей работы. Между формальными органами власти и общественными институтами существуют элементы взаимозаменяемости и дополняемости. Существует «парадокс социального капитала», когда в обществах с дефицитом доверия и гражданской культуры высокий спрос на государственное регулирование сочетается с недоверием к государству и недовольством работой органов власти.

Таким образом, социальный капитал воздействует на состояние общества и экономики горизонтально и вертикально. В первом случае функция социального капитала состоит в координации действий экономических участников по предотвращению провалов рынка без участия государства. При этом сокращаются издержки беспорядка. Во втором случае социальный капитал способствует консолидации и политической активности граждан, а целями коллективных действий выступает эффективная работа государства и правильное функционирование его институтов. Одна из задач в использовании социального капитала и состоит в защите этих институтов от нецелевого использования. Речь идет о возможности злоупотреблений чиновников и извлечения частной выгоды за общественный счет. При этом общество несет значительный урон вследствие такого парापредпринимательства. Опыт показывает, что государство далеко не всегда способно

Уровень доверия граждан к различным организациям, % доверяющих [6]

Страна	Организация			
	Правительство	СМИ	Бизнес	НГО
Нидерланды	66	55	60	61
Швеция	57	29	56	29
Япония	53	41	52	55
США	38	43	53	57
Италия	32	33	42	62
Франция	26	27	28	60
Германия	24	29	31	39
Великобритания	16	19	44	41
Китай	78	68	67	56
Индия	41	55	67	52
Польша	17	46	45	49
Россия	32	35	39	27

должным образом оградить институты от нецелевого использования [3].

Социальный капитал следует отличать от человеческого капитала. В последнем речь идет о личных активах индивидуума (здоровье, образование, профессиональные навыки, мотивация и др.). Социальный капитал — общественный ресурс, он проявляется при совместных действиях того или иного сообщества ради достижения общей цели. Но цели могут быть разные. Если цель работает на общественное благо, то в этом случае социальный капитал считают открытым, его задача — «наведение мостов» между людьми. В то же время нередки ситуации, когда та или иная группа преследует собственные клубные, корпоративные цели и мобилизует для этого закрытый капитал. Тогда отдача для общества может быть «нулевой» и даже «отрицательной».

Социальное взаимодействие, как ресурс, на котором основан социальный капитал, является сложным явлением, и разработка методик комплексных оценок относится к числу еще нерешенных задач. Из составляющих «социальной триады» на практике относительной оценке подлежит лишь уровень доверия, который можно уловить методом социологического опроса. В 2009 г. ВЦИ-

ОМ в рамках международного проекта, охватывавшего десятки стран, провел исследование в России. Выделялось два аспекта:

- 1) обобщенное межличностное доверие к «людям вообще»;
- 2) институциональное доверие, т.е. доверие к правительству, бизнесу, СМИ, негосударственным организациям (НГО).

Выяснилось, что эти две разновидности доверия могут значительно отличаться между собой. Что касается институционального доверия, то здесь также наблюдались значительные перепады в показателях по странам (см. табл. 1).

Полученные данные не подтверждают предположение, что в России самый низкий уровень доверия к ведущим институтам общества. Показатели скорее средние. Значит, причины высокого дефицита социального капитала в нашей стране надо искать среди других факторов, в частности в нормах, этике бизнеса и государственных служащих [5].

Интересная картина наблюдается в США. Большинство американцев искренне верят, что их политическая система — самая лучшая в мире. И в то же время по результатам опроса института

Геллапа, 64% американцев оценили уровень честности законодателей как «низкий или очень низкий». Доверие к своей системе более основано на том, что при нарушении на дороге полицейский честно выпишет штраф, а не выманит взятку. Что суд рассудит по закону, а не по звонку. Что на выборах важно, кто и как голосует, а не кто и как считает. Америка недаром именуется «страной законов», ее граждане склонны любые отношения, чуть ли не самые интимные, оформлять юридически. И при первом поводе обращаться в суд. Но разве это не свидетельствует о том, что на слово здесь никому не верят? Характерно мнение русского эмигранта, давно живущего в США: «Верить никому нельзя ни на грош. Самого меня тысячу раз обманывали и „подставляли“, особенно на работе»¹. Но, тем не менее, общим местом, стереотипом у американцев стала мысль, что в России не верят вообще никому, кроме родных и близких друзей. И что это способствует закреплению в обществе антидемократических тенденций, поскольку управа друг на друга гражданам все-таки нужна, а обращаться за ней, кроме как к властям, не к кому.

К сожалению, нет оснований отрицать наличие в России ряда проблем, связанных с дефицитом доверия и социального капитала. Некоторые из них усилились с тех пор, как страна свернула на путь развития капитализма. Коммерческий подход, жесткий прагматизм и цинизм стали нередким явлением в отношениях, особенно в среде молодежи. Забыт советский лозунг «Человек человеку друг, товарищ и брат», с «душой нараспашку» никто не живет. При этом традиция правового нигилизма сохраняется.

Представляется, что в изменении норм поведения граждан, как рядовых, так и находящихся при власти, и кроются возможности роста социального капитала, консолидации общества. Анализ норм поведения, определяемых как законами писаными (право), так и неписаными (этика), требует внимания исследователей. В предвыборной статье В. Путин отмечал: «Перед нами стоит еще один вызов. За общими фразами о согласии и пользе благотворительности открывается недостаточный уровень доверия людей друг к другу, нежелание заниматься общественными делами, заботиться о других. Неумение подняться над частными интересами — это серьезный и застарелый недуг нашего общества... Доверие между людьми складывается только тогда, когда общество скреплено общими ценностями, и люди не утратили способность к вере, честности, чувству справедливости. А уважение к закону возникает только тогда, когда он один для всех, всеми соблюдается, и в основе его — правда... Общество будет успешным, только когда у наших граждан не будет сомнений в его справедливости»².

Важно, что нравственный императив осознан политическим лидером, но проблема заключается в способности власти создавать атмосферу справедливости и доверия в обществе. Граждане и бизнес оценивают это не по декларациям, а по конкретным достижениям. Например, в деле обуздания коррупции во властных структурах. Накопление социального капитала и гражданской культуры в обществе в процессе модернизации становится ключевым фактором успеха.

¹ Шитов А. Верят ли американцы друг другу? // Российская газета. 2012. 2 марта.

² Путин В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012.01.16.

Литература

1. *Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям»)* / М. Сасаки [и др.] // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83–102.
2. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Новосибирск, 1998.
3. *Полищук Л.* Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 4–22.

4. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.
5. Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // СОЦИС (Социологические исследования). 2008. № 2. С. 17–25.
6. Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или Приживется ли демократия в России // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 4–24.

References

1. *Trust* in modern Russia (comparative approach to «social virtues») / M. Sasaki [etc.] // *Voprosy Ekonomiki*. 2010. N 2. P. 83–102.
2. *Olson M.* Eminence and decline of the people. Novosibirsk, 1998.
3. *Polischuk L.* Corporate social responsibility or state regulation: analysis of an institutional choice // *Voprosy Ekonomiki*. 2009. N 10. P. 4–22.
4. *Polischuk L.* Economic value of the social capital / L. Polischuk, R. Menyashchev // *Voprosy Ekonomiki*. 2011. № 12. P. 46–65.
5. *Rukavishnikov V. O.* Interpersonal trust: measurement and intercountry comparisons // *SOCIS (Sociological studies)*. 2008. N 2. P. 17–25.
6. *Yasin E.* Institutional restrictions of modernization, or whether the democracy in Russia will get accustomed // *Voprosy Ekonomiki*. 2011. N 11. P. 4–24.

К. Н. Муравьева

K. N. Muraviova

Инвестиции в человеческий капитал

Investments in human capital

Муравьева Ксения Николаевна

Санкт-Петербургский государственный
университет экономики и финансов
Аспирант кафедры экономической теории
ksynika@mail.ru

Ключевые слова:

человеческий капитал, инвестиции, образование, экономический рост, качество жизни

Инвестиции в человеческий капитал — это затраты, произведенные в целях будущего увеличения производительности труда работников и способствующие росту будущих доходов как отдельных носителей капитала, так и общества в целом. К инвестициям в человеческий капитал относят расходы на поддержание здоровья, на получение общего и специального образования; затраты, связанные с поиском работы, профессиональной подготовкой на производстве, миграцией, рождением и воспитанием детей, поиском экономически значимой информации о ценах и заработках и т. д. Для работника экономический эффект инвестиций выражается в его доходах. Для фирмы, вкладывающей деньги в развитие персонала, — в повышении производительности труда. Для общества в целом — в поддержании конкурентоспособности национальной экономики и росте ВВП.

Для того чтобы перевести экономику страны в качественно новое состояние, обеспечить конкурентоспособность, гибкость и последующий экономический рост, нужны значительные инвестиции. Сегодня одной из важнейших задач становится создание экономики, в основе которой лежит развитие потенциала личности. Потенциала, который, в свою очередь, является производным от уровня доступности и качества образования, здравоохранения, информации и коммуникаций, а также достижений науки и культуры.

По определению К. Макконела и С. Брю, инвестиции в человеческий капитал — «это любое действие, которое

Muraviova Ksenia Nikolaevna

Saint-Petersburg State University of Economics and
Finance
Graduate student of the Chair of Economic theory
ksynika@mail.ru

Key words:

human capital, investments, education, economic growth, quality of life

Investments in human capital are the costs incurred in the future in order to increase the labor productivity of workers and to promote the growth of future income both of a separate capital owners and society as a whole. Investments in human capital include the expenses of health maintenance, receiving the general and special education, the expenses connected with job hunting, training at a work place, migration, child-rearing, searching of economically significant information on the prices and earnings, etc. Economic benefit to the employee is his income. It is improving productivity for a firm that invests in staff development. Maintaining the competitiveness of the national economy and GDP growth is for society as a whole.

повышает квалификацию и способности и, тем самым, производительность труда рабочих. Затраты, которые способствуют повышению чьей-либо производительности, можно рассматривать как инвестиции, ибо издержки осуществляются с тем расчетом, что эти затраты будут многократно компенсированы потоком доходов в будущем» [3, с. 171].

Инвестиции в человеческий капитал имеют ряд особенностей, отличающих их от других видов инвестиций [1, с. 30].

1. По мере осуществлений инвестиций в человека их доходность возрастает до момента нахождения в трудоспособном возрасте, а затем резко снижается, т.е. отдача от инвестиций в че-

ловеческий капитал зависит непосредственно от продолжительности трудоспособного периода его носителя. Поэтому его формирование выгоднее осуществлять в начальный период жизни человека, и чем раньше делаются вложения в человека, тем быстрее они оборачиваются экономическим выигрышем. Кроме того, длительные инвестиции обеспечивают более значительный и долговременный эффект; более поздние инвестиции приносят доход в течение более коротких промежутков времени.

2. Человеческий капитал подвержен физическому и моральному износу, но по мере использования способен накапливаться и умножаться. Износ человеческого капитала определяется как степенью естественного старения человеческого организма, так и степенью устаревания знаний или изменения ценности полученного образования. Увеличение человеческого капитала осуществляется в процессе периодического переобучения работника и накопления им производственного опыта, а также профилактики состояния здоровья. Если данные процессы осуществляются непрерывно, то по мере использования человеческого капитала его качественные и количественные характеристики улучшаются и увеличиваются. Образование повышает эффективность человека не только в качестве работника, но и в качестве обучающегося, т. е. ускоряет и облегчает процесс дальнейшего накопления знаний и навыков. Однако способности и возможности человека ограничены, и приобретение дополнительных знаний со временем требует от него все больше усилий.
3. Только те инвестиции в человека могут быть признаны вложениями в человеческий капитал, которые экономически необходимы, нравственно оправданы и целесообразны с точки зрения интересов цивилизованного правового общества.
4. Не все инвестиции в человеческий капитал могут быть оценены в денежной форме. Кроме денежных доходов

(например, более высокой заработной платы), человек может получать также моральное удовлетворение от проделанной работы. Исторические, национальные, культурные особенности и традиции определяют характер и виды вложений в человека. Инвестиции в человеческий капитал могут иметь социальные, психологические и другие внешние эффекты, увеличивающие доходность, но тяжело поддающиеся количественной оценке.

5. Степень риска вложений в человеческий капитал возрастает по мере увеличения объемов инвестиций в него. Индивид не может распределить или диверсифицировать свой риск, как это может сделать владелец физического капитала.
6. По сравнению с инвестициями в иные различные формы капитала, инвестиции в человеческий капитал являются наиболее выгодными как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения всего общества.

В экономической литературе различают три основных вида инвестиций в человеческий капитал.

1. Расходы на образование, включая общее и специальное, формальное и неформальное образование, повышение уровня знаний, умений и навыков человека, подготовку по месту работы и т. д., являются основным видом инвестиций в человеческий капитал. Образование и профессиональная подготовка, обогащая человека знаниями и умениями, увеличивают объем человеческого капитала.
2. Расходы на здравоохранение имеют большое значение. Хорошее здоровье предполагает расходы на профилактику заболеваний, медицинское обслуживание, диетическое питание и улучшение жизненных условий, что удлиняет продолжительность жизни, повышает работоспособность и производительность труда рабочих.
3. Расходы на мобильность, благодаря которым работники мигрируют из мест с относительно низкой производительностью в места с более высокой производительностью, представляют со-

бой наименее очевидную форму инвестиций в человеческий капитал, так как нанимаемые рабочие воплощают в себе будущий поток трудовых услуг [3, с. 171]. Расходы на миграцию и поиск информации о ценах и доходах способствуют повышению мобильности, перемещению рабочей силы туда, где труд лучше оплачивается.

Кроме того, инвестиции в человеческий капитал подразделяют на вещественные и невестественные [2, с. 63]. К вещественным относят все затраты, необходимые для физического формирования и развития человека (издержки рождения и воспитания детей); к невестественным — накопленные затраты на общее образование и специальную подготовку, часть накопленных затрат на здравоохранение и перемещение рабочей силы.

Источниками инвестиций в человеческий капитал следует считать вложения на уровне семьи, фирмы, государства и самого индивида. Правительства тратят государственные средства на образование, потому что хорошо образованное население поможет ускорить развитие страны. Работодатели готовы повышать квалификацию своих работников, поскольку они ожидают, что их расходы окупятся и они получат дополнительную прибыль благодаря более высокой производительности труда работников. А сами люди часто готовы тратить не только время, но и деньги, чтобы получить образование, так как в большинстве стран более образованные, обладающие лучшими навыками работники способны заработать больше.

Инвестиции в детей являются основной формой инвестирования в человеческий капитал на уровне семьи. Эти вложения дают отдачу в виде удовлетворения определенных потребностей родителей, прямой денежной помощи со стороны детей в будущем. Центральная роль в накоплении человеческого капитала детей принадлежит родителям. Рассматриваемые инвестиции включают денежные траты на детей, такие как затраты на питание, одежду, жилье, непо-

средственные затраты на поддержание детского здоровья, а также неденежную составляющую — недополученные доходы вследствие замещения профессионального труда домохозяйственным, а рабочего времени — родительским. Это затраты сил, времени, здоровья родителей, эмоциональные издержки, ограничение личной свободы и возможностей развития, особенно профессионального и т.п. Инвестиции в развитие человеческого капитала детей не только являются основой их собственного развития, но и выступают ключевым ресурсом при его воспроизводстве в следующем поколении.

Организации играют важную роль в создании человеческого капитала. Их можно определить как самых эффективных производителей этого капитала, так как они обладают условиями, при которых может быть дана соответствующая текущим потребностям подготовка сотрудников фирмы, а также владеют информацией о наиболее перспективных направлениях вложения средств в обучение и подготовку. Инвестируя в сотрудников, фирмы стремятся активизировать их трудовую деятельность, повысить производительность труда, сократить потери рабочего времени и тем самым укрепить свою конкурентоспособность. Средства вкладываются в организацию курсов профессиональной подготовки и переподготовки, идут на оплату расходов работников на лечение и профилактические мероприятия. Однако фирмы делают вложения до тех пор, пока инвестиции приносят прибыль, увеличивают рентабельность производства. Инвестиции в человеческий капитал на данном уровне — средство повышения эффективности производства и конкурентоспособности фирм.

Государство имеет широкие возможности для прямого и косвенного влияния на производство человеческого капитала. К обязательным мерам можно отнести формальное образование в объеме средней школы, определенные медицинские профилактические мероприятия и др. Но чтобы человек смог раскрыть и развить свой творческий потенциал, государство

должно обеспечить условия для его самореализации.

По нашему мнению, выделяются четыре этапа инвестирования в человеческий капитал. На первом этапе (в первые шесть-семь лет жизни ребенка) закладываются основы культуры, формируются знания об окружающей среде, прививаются нормы общения. На втором этапе (с семи до семнадцати лет во время обучения в школе) накапливается база знаний, умений, выявляются особенности личности. Можно сказать, что на первом и втором этапах происходит создание базы человеческого капитала, формируются общие для всех знания, умения и навыки, которые позже используются при получении профессии. В этот период помимо семьи важную роль призвано играть государство, гарантируя доступность услуг образования и здравоохранения. На третьем этапе (в период профессионального обучения) формируются способности человека выполнять определенную работу на конкретном рабочем месте, что становится возможным благодаря накопленной базе человеческого капитала и полученной специальности. В этот период важна инвестиционная активность фирм в целях содействия повышению опыта и квалификации сотрудников. Четвертый этап (период трудовой деятельности) характеризуется накоплением, совершенствованием человеческого капитала индивида, ростом мастерства работника. На третьем и четвертом этапах происходит расширенное воспроизводство человеческого капитала преимущественно интенсивным способом.

Все затраты на производство и воспроизводство человеческого капитала, осуществляемые семьей, предприятиями, обществом, включают как явные, так и неявные издержки. К прямым или явным издержкам можно отнести непосредственные затраты на науку, здравоохранение, образование, мобильность, воспроизводство носителей человеческого капитала. Неявные (косвенные) издержки представляют собой все расходы, способствующие процессам со-

хранения и накопления человеческого капитала (например, затраты по охране окружающей среды и поддержанию экологического баланса способствуют сохранению капитала здоровья). При этом целесообразно учитывать издержки упущенных возможностей, т.е. потери дохода вследствие отвлечения средств из альтернативных сфер приложения или же за счет замещения рабочего времени, на учебу или воспитание детей, а также моральные издержки.

Оценку эффективности инвестиций в человеческий капитал можно оценить при помощи показателя:

$$K_{Ropt} = \frac{Z_{\max}}{D_{\max}},$$

где K_{Ropt} — коэффициент общей рентабельности инвестирования в человеческий капитал; $Z_{\max}$ — максимальные затраты на инвестирование в человеческий капитал; $D_{\max}$ — максимальный полученный доход.

Используется также осредненный коэффициент оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал, который целесообразно рассчитывать в привязке к конкретным (j -м) группам населения:

$$\bar{K}_{EIHj} = \frac{\sum_{i=1}^n \bar{Z}_i^j}{\sum_{i=1}^n \bar{d}_i^j},$$

где $\bar{K}_{EIHj}$ — коэффициент оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал; $\bar{Z}_i^j$ — средние затраты i -й семьи j -й группы; n — число семей в выборке; $\bar{d}_i^j$ — средний доход i -й семьи j -й группы, i — номер семьи в выборке из n семей; j — номер группы.

Применяя первую формулу для общей рентабельности к определению эффективности инвестиций в человеческий капитал, сделав выборку из 10 различных социальных групп (исходя из принятого в статистике разбиения генеральной совокупности на децили), получаем выражение:

$$\bar{K}_{EIHj} = \frac{\sum_{j=1}^{10} \sum_{i=1}^n \bar{Z}_i^j}{\sum_{j=1}^{10} \sum_{i=1}^n \bar{d}_i^j}.$$

Срок, за который окупаются вклады-ваемые в человека средства, зависит от отрасли экономики, в которой после обучения будет работать человек, ибо в разных отраслях оплата труда находится на разном уровне, т.е. существует дифференциация времени, за которое окупятся вложения. А так как отрасли с наиболее высоким уровнем оплаты труда не могут обеспечить работой всех, то необходимо учитывать эффект замещения при стоимостной оценке источника доходов от человеческого капитала — заработной платы.

Срок окупаемости в каждом отдельном случае должен определяться исходя из равенства дисконтированных капитальных затрат величине экономических результатов, достигаемых к t -му году [5; с. 189]:

$$\sum_{t_1}^{t_2} (R_t - Z_t) \alpha_t = K_d^{T=t_2-t_1},$$

где R_t — экономические результаты, достигаемые на t -м году; Z_t — затраты в году t , без учета капиталовложений; α_t — коэффициент дисконтирования; K_d — сумма дисконтированных капиталовложений за срок окупаемости $T = t_2 - t_1 \rightarrow \min$.

При оценке эффективности инвестиций в человека согласно обозначенным коэффициентам необходимо учитывать срок окупаемости как основного показателя оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал. Причина состоит в долгосрочном характере инвестиций в человека, а коэффициенты эффективности учитывают временной аспект не в полной мере, так как на долгосрочных этапах должны дисконтироваться и затраты, и доходы. Чем длиннее промежуток, тем неточность выше.

В практике ведущих стран мира, перешедших на постиндустриальное развитие, особое значение приобретает предварительная оценка качественной характеристики личности с определением творческого потенциала и социального капитала соискателя. Принципы оценки труда в условиях инноваций, прежде всего, учитывают главные функции работника, влияние их на прибыль и качество про-

дукции. Наряду с основными функциями определяется соотношение фактических результатов со стандартами исполнения, творческое решение задач и степень ответственности за ведение процесса. Для квалифицированных категорий работников оценивается индивидуальный вклад в достижение цели, т.е. в результатах производства оцениваются личный вклад и индивидуальные качества работника, такие как: профессионализм, производственные навыки, умение ставить задачу, анализировать процесс.

Кроме того, оцениваются инициативность, способность к риску, склонность к сотрудничеству, а также определяется гибкость мышления, способность к новаторству, предприимчивости, рациональному экономическому поведению как требования к кадрам, на основе которых рассчитываются коэффициенты доплат. Материальное вознаграждение остается главным стимулом к творческой деятельности, в значительной мере на мотивацию влияет наличие воспроизводственных условий, реализация личностных ожиданий, расширение полномочий в управлении и распределение прибыли.

Существующая сегодня в России модель распределения доходов не отвечает требованиям социальной справедливости и эффективности. Децильный коэффициент (ДК), который измеряется отношением денежных доходов двух крайних децильных (10% по численности населения) групп — самой богатой и самой бедной, в России составляет 16, в то время как в скандинавских странах — около 3–4, в Евросоюзе — 5–6, Южной и Восточной Азии и Северной Америке — 4–6, Южной Африке — 10, Латинской Америке — 12. Известно, что если ДК больше 7–8, то экономика и все общество страны характеризуется неустойчивостью и разрушением своих производительных сил [4, с. 165].

Для развития производительных сил нужна коренная реформа распределения доходов и модернизация экономического порядка в России. Необходимо не только увеличивать доходы населения, но и создавать комфортные условия для жизни, которые являются неоспоримым тре-

бованием современного инновационного пути развития нашего общества. Без этого невозможно обеспечить преобладание творческого характера труда в условиях формирования инновационной экономики. Выработка основных направлений инновационного развития должна полнее увязываться с интересами человека. Эти интересы должны находить отражение как

в оплате, так и в стимулировании мотивации труда. Уровень качества человеческого капитала на данном этапе определяет динамизм развития экономической и социальной жизни современного общества. Вот почему в развитых странах инвестиции в человеческий капитал растут значительно быстрее, чем в природный и производственный капитал.

Литература

1. Дятлов С. А. Теория человеческого капитала. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1996. 141 с.
2. Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование. М.: Прогресс, 1978. 275 с.
3. Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2 т. М.: Республика, 1992. Т. 2. 400 с.
4. Формирование посткризисной модели хозяйствования и экономического роста России / Под ред. А. И. Добрынина, Е. С. Ивлевой. СПб.: Изд-во СПбУЭУ, 2012. 338 с.
5. Человеческий капитал: мировые тенденции и российская специфика: Докл. и тезисы выступлений участников XVI Кондратьевских чтений. (Москва, 19 ноября 2008 г.). М.: МФК им. Н. Д. Кондратьева. 2009. 409 с.

References

1. Dyatlov S. A. Theory of the human capital. SPb.: publishing house of FINEC, 1996. 141 p.
2. Kendrick J. Cumulative capital of the USA and its formation. M.: Progress, 1978. 275 p.
3. McConnell C. R., Brue S. L. Economics: Principles, problems and policy: In 2 v. M.: Republic, 1992. T. 2. 400 p.
4. Formation of post-crisis model of managing and economic growth of Russia: the monograph / Under the editorship of A. I. Dobrynin, E. S. Ivleva. SPb.: Publishing house SPbUME, 2012. 338 p.
5. Human capital: world tendencies and Russian specifics: reports and theses of participants of the XVI Kondratyevsky readings (Moscow, November 19, 2008). M.: IF of N. D. Kondratyev, 2009. 409 p.

В. Н. Колесников

V. N. Kolesnikov

Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе

The Network Analysis of Political Stability of Transforming Societies

Колесников Владимир Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры политологии
Доктор политических наук, кандидат исторических
наук, профессор
kvgl@inbox.ru

Ключевые слова:

сети, политический анализ, политический процесс, стабильность, устойчивое развитие, институты, электронная демократия, политический субъект, сетевая активность, гражданское общество, социальный капитал, политическая культура

Статья является попыткой авторской интерпретации воздействия социальных сетей на устойчивое развитие переходных обществ — случай современной России. Если в условиях устоявшихся демократий это воздействие сопряжено с традиционными политическими институтами и соответствующим характером гражданской культуры, то в рамках трансформирующихся обществ функционирование социальных сетей приобретает свой специфический характер. Отмечается особое значение воздействия сетевых технологий на развитие социального капитала, политической конкуренции и политической стабильности в современной России.

Сетевой анализ как инструмент теоретической рефлексии общественных процессов получил существенное развитие прежде всего в социологической науке [6; 15]. Современные сетевые подходы в обществоведении базируются на различных теоретических основаниях. Наравне с другими вопросами П. Штомпка, М. Арчер, А. Гидденс, А. Турен и др. в своих работах подробно исследуют трансформации структур, нестабильность

Kolesnikov Vladimir Nikolaevich

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Political Science
Doctor of Political Science, PhD in History, Professor
kvgl@inbox.ru

Key words:

networks, policy analysis, political process, stability, sustainable development, institutions, electronic democracy, political entity, network activity, civil society, social capital, political culture

The article is attempt of author's interpretation of influence of social networks on a sustainable development of transitional societies: on the example of modern Russia. In the conditions of the old democracies this influence is interfaced with traditional political institutes and the corresponding nature of civil culture, but in transforming societies functioning of social networks gains the specific character. Special value of influence of network technologies on development of the social capital, political competition and political stability in modern Russia is noted.

социальных институтов, их поведение в переходной ситуации [13; 16].

Для политологов весьма существенна исследовательская позиция Гидденса, предписывающего каждому социальному агенту (и его действию) свойство власти. Вопрос ставится следующим образом: какова природа логической связи между действием и властью? По Гидденсу, власть агента проявляется, если он осознает, что имеет возможность выбора действия из

множества вероятных и если он обладает необходимыми для этого ресурсами. Но власть сама по себе — еще не ресурс. Ресурсом являются средства информации, с помощью которых проводится социальная репродукция [3]¹. Проблематика социальных, в том числе политических, сетей в отечественном политологическом дискурсе в последнее время актуализируется быстрыми темпами [1; 2; 4; 5; 7–12 и т. д.].

При анализе воздействия политических сетей на устойчивое политическое развитие современной России важно, на наш взгляд, учитывать наличие нескольких системных проблем, с которыми сталкиваются властные институты.

В первую очередь можно выделить проблему размытого целеполагания; вторая проблема заключается в неадекватности политической структуры власти стоящим перед обществами задачам. И особое значение для целей нашей работы приобретает третья проблема — отсутствие в стране механизма политической ответственности². Проблемность размытого целеполагания заключается не только в выборе стратегического курса развития страны, но и в необходимости получения на него общественной санкции. Сетевой анализ позволяет в этом плане точнее определить степень расхождения официального и общественного целеполагания³.

В исследовательском плане важное методологическое и политико-практическое

значение приобретает анализ субъектной сущности политических сетей как актора политического процесса в условиях переходного общества. Обобщив целый ряд определений категории «политическая сеть», Л. Сморгунов пришел к выводу, что «такая сеть есть система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы» [12]. Эту дефиницию можно расширить, добавив, что важное место в сетях занимают формулы интересов, типы коммуникаций и совместных действий, а также внутрисетевые статусы, ранги и функции составляющих сеть акторов. Подобное добавление позволяет поставить вопрос о внутренней структуре политико-управленческих сетей.

Технологии Web 2.0 позволяют организовывать массовые обсуждения с множеством независимых участников, территориально отдаленных друг от друга, в режиме реального времени. Сегодня нет необходимости собирать людей в каком-то замкнутом физическом пространстве с целью коллективного обсуждения каких-то вопросов. Такое обсуждение можно с успехом организовать на специализированных интернет-ресурсах (форумы, интернет-конференции, вебинары, скайп-сессии и т. п.), на площадке практически любой социальной сети, а также в блогах. Как и по всему миру, в России появилось множество специализированных интернет-ресурсов, где общение между пользователями носит предметный характер и ориентировано на обсуждение проблем в сфере жилищно-коммунального хозяйства, строительства, образования, культуры, медицины и др. Из анализа современного интернет-пространства следует, что основными механизмами сетевого общения выступают постановка вопросов, обмен репликами, комментариями и даже отдельными файлами, размещение ссылок на материалы, опубликованные на внешних ресурсах, и обсуждение этих материалов, ведение

¹ От деятельностного подхода несколько отличается подход Ю. Хабермаса. Он основой всякого взаимодействия считает коммуникацию, а предтечей всякого действия для него является полученная (или нет) информация. Таким образом, информационный ресурс является важнейшим наполнителем формализованных сетевых связей, в состав которых входят и современные политические сети. См.: [14].

² См. подробнее об этом: Чеснаков А. Правительственный час // Известия. 3 апреля 2012 г.

³ В данном случае мы не затрагиваем такой принципиальный момент, как отсутствие общественного консенсуса по стратегическому целеполаганию. Возможно, что это является центральной проблемой всего периода постсоветской трансформации.

дискуссии. При этом организация такого сетевого общения может строиться на разных принципах.

Анализ структуры сетей выявляет одну из отличительных особенностей социальных сетей — крайнюю изменчивость состава участников, которые на разных фазах существования сети то входят в нее, то из нее выходят. Чаще всего такие сети включают в себя чиновников и депутатов, партийных активистов и представителей групп интересов, а также экспертов из академических или аналитических организаций, которых могут связывать не только сугубо материальные интересы, но и стремление к повышению эффективности государственной политики в той или иной области¹. В последнее время база участников сетей резко расширилась за счет так называемых «рассерженных горожан» — представителей среднего класса и продвинутых участников социальных сетей.

Еще одним новым и быстро расширяющимся структурным элементом социально-политических сетей в России являются сетевые проекты органов государственной власти, предназначенные, на наш взгляд, сыграть свою специфическую роль в интернет-пространстве.

Государственные и частные программы информатизации системы общественных отношений позволили сформировать соответствующую инфраструктуру и создать в России плотную информационно-коммуникационную среду с высоким уровнем распространения мобильных телефонов и персональных компьютеров среди населения, интернет-доступности и компьютерной грамотности. Современные электронные технологии все шире применяются в бизнесе, медицине, образовании, науке, культуре и государственном управлении. Как всегда, российский бизнес находится в авангарде передовых управленческих технологий. Компаниями, действующими в сфере информационных, коммуникационных и интернет-технологий, еще в

2006 г. была образована Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). Одна из ключевых задач Ассоциации состоит в построении эффективного диалога между государством и компаниями — членами РАЭК. В этом направлении ассоциация принимает активное участие в решении общественно значимых задач, нацеленных на развитие информационного общества в России и укрепление образа России как ответственного участника международного информационного пространства.

Существенную роль в деятельности Ассоциации играет ее участие в законодательной деятельности, т.е. экспертиза законопроектов, выработка отраслевой точки зрения по конкретным законопроектам и ее трансляция представителям органов государственной власти².

Органы государственной власти явно наращивают свое участие в сетевой форме политической коммуникации. Так, Министерством связи разработан и запущен в пилотном режиме проект «Электронной демократии» — унифицированная информационная система общего пользования, предназначенная для публичного обсуждения тем, формирования и отправки в организации (органы государственной власти и местного самоуправления, коммерческие структуры и др.) открытых публичных коллективных обращений граждан и публичной оценки гражданами полученных от организаций ответов³. Разработчики пилотной версии системы «Электронная демократия» предполагают, что она станет эффективным инструментом участия граждан в вопросах государственного и муниципального управления, повысит степень открытости

² См.: Сайт Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) [Электронный ресурс]. URL: <http://raec.ru>.

³ См.: Проект «Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года» («Электронная демократия» опубликована на портале Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <http://e-democratia.ru/s/blog/msg?textId=10292940>. Информация об общественном обсуждении Концепции URL: http://minsvyaz.ru/ru/news/index.php?id_4=43307).

¹ Дегтярев А. А. Модель политико-управленческих сетей [Электронный ресурс]. URL: http://www.politanaliz.ru/articles_56.html.

государства и развития институтов демократии в целом¹. Поэтому в перечень основных целей данного проекта включены поддержка институтов и процедур публичной самоорганизации граждан на всех уровнях общественно-политической деятельности и популяризация среди населения законных практик применения информационно-коммуникационных технологий в сфере общественно-политической деятельности.

Пока сетевое общение мало ограничено регламентными нормами, не говоря уже о тематической всеядности. Однако уже можно предположить, эта ситуация вызовет стремление государственных структур попытаться какими-то способами внести в этот процесс регулирующее начало. В вышеупомянутой Концепции электронной демократии в связи с этим подчеркивается, что сетевое общение может быть общедоступным или доступным только для определенного круга пользователей. Здесь же заложена мысль о важности модерирования этого общения. Так, разработчики Концепции пишут, что общение может быть полностью свободным или модерироваться неким третьим лицом или лицами (например, администратором интернет-ресурса) согласно некоему набору формальных и неформальных правил. Однако и в случае с немодерируемым сетевым общением зачастую возникает потребность во внутренней модерации, так как в процессе дискуссий пользователи могут конфликтовать и апеллировать к неким общим нормам и правилам общения в Сети, искать арбитра, способного разрешить их спор. Таким образом, в пространстве сетевой коммуникации формируется спрос на механизмы регулирования, аналогич-

ные тем, что действуют в пространстве обычной «физической» межличностной коммуникации².

Вместе с тем необходимо отметить серьезные препятствия на пути развития механизмов электронной демократии в современной России. В первую очередь, это касается институциональных оснований сетевого общения и двустороннего взаимодействия граждан с органами власти по общественно-политическим вопросам. Механизм обращений и запросов граждан и организаций в органы власти в электронном виде не получил широкого распространения в силу отсутствия необходимых и достаточных процедур, которые бы юридически гарантировали и практически обеспечивали полное равенство данных обращений и процедур перед их физическими аналогами. Следующей важнейшей проблемой являются вопросы идентификации и аутентификации участников информационного взаимодействия, в том числе в части практической реализации. Сохраняется неравенство в условиях доступа к интернет-пространству между федеральным центром, субъектами Российской Федерации и муниципалитетами.

В Концепции отмечается, что проблемы, препятствующие развитию механизмов электронной демократии в современной России, затрагивают интересы самых широких слоев населения, носят комплексный характер и не могут быть решены на уровне отдельных органов государственной власти или частных проектов. В связи с этим развитие механизмов электронной демократии необходимо осуществлять на общегосударственном уровне, вовлекая в этот процесс представителей гражданских объединений и общественных организаций, экспертов, органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также средства массовой информации и частные компании.

¹ В настоящее время система включает портал и выносной модуль, предназначенный для размещения на официальных сайтах ведомств, находится в опытной эксплуатации. В рамках этого же проекта разрабатываются методология электронной демократии и нормативные акты, регулирующие ее существование и развитие в России, в том числе Концепция, предложенная к общественному обсуждению. См.: URL: <http://e-democratia.ru/s/blog/msg?textId=10292940>.

² См. подробнее: Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-democratia.ru/s/blog/msg?textId=10292940>.

Точно так же обстоит дело и с опубликованной в апреле 2012 г. идеей Государственной Думы под названием «Электронный парламент», для реализации которой Госдума собирается запустить в Интернете портал с соответствующим названием¹. Предполагается, что пользователи смогут не только публиковать свои предложения (на сайте есть премодерация), но также проголосовать за другие инициативы (по одному разу за любое число предложений) и ознакомиться с мнением экспертов, которым также предоставлено право голосовать за любые инициативы.

В отечественных социальных сетях активно создаются и функционируют такие формы виртуальной демократии, как механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line; формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий; сетевая коммуникация граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти и др.

В настоящее время в России складывается в целом благоприятная среда для активного развития социально-политических сетей. Во-первых, в реальной государственной политике и на уровне общественного сознания обозначен вектор в сторону системного укрепления демократических институтов; государство выделяет серьезные средства на развитие гражданского общества, оказывает поддержку многочисленным общественным организациям. Во-вторых, российские граждане проявляют все больший интерес к современным информационно-коммуникационным технологиям, включая мобильную телефо-

нию и Интернет; растет число граждан, которые активно пользуются различными мобильными и интернет-проектами в целях защиты своих прав и свобод, осуществления коммуникации с органами власти и общественно-политическими организациями.

С точки зрения наращивания социального капитала важно подчеркнуть, что единое информационное пространство и единая интернет-среда позволяют объединять большие группы людей, что существенно экономит ресурсы на общественную мобилизацию и расширяет границы прямой демократии, при которой граждане могут самостоятельно и на принципах самоорганизации участвовать не только в инициировании, разработке и принятии общественных и политических решений, но и в их реализации как на местном, так и на общенациональном уровнях, а также в организации мероприятий, оказывающих влияние на органы власти и иные ответственные организации.

Есть все основания считать, что такая форма общения может выступать своеобразным аналогом объединений граждан, собраний граждан, уличных пикетов, митингов, шествий или демонстраций. Публичное осуждение позволяет более эффективно бороться, но все еще продолжает оставаться механизмом действенной борьбы с различного рода недугами современной системы общественных отношений, с бюрократизмом и коррупцией в политической сфере. Вместе с тем, как показывает отечественная практика, в большинстве случаев неформальные публикации на форумах и в блогах не доходят до ответственных лиц: у публикаций на форумах и в блогах нет никакого официального статуса, законодательство не обязывает чиновников реагировать на такие публикации, и не всегда органы государственной власти имеют возможность своевременно узнавать о наличии таких публикаций. Публичность является далеко не единственной функцией сетевых сообществ. Новейшая социально-политическая практика показала решающую роль онлайн-сообществ как инструмента планирования и органи-

¹ Пока работает предварительный вариант сайта, где разработчики спрашивают у пользователей совета, как им обустроить макет будущего сайта. См.: *Солянская К.* Госдума в режиме онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dumaem-vmeste.ru>.

зации реальных мероприятий. Большую популярность получили так называемые флешмобы, а также акции протеста. В силу вышесказанного сегодня ресурс организованных онлайн-сообществ является стремительно набирающим вес социальным и политическим ресурсом. Во многих социальных сетях, в частности в сети Facebook, предусмотрена функция приглашения пользователей на мероприятия, а также предоставлены возможности для организации массовых рассылок сообщений. Если раньше для организации приглашения граждан на митинг политической партии требовалось привлечь достаточно большое количество ресурсов, то сегодня эта задача может быть решена гораздо оперативнее и экономичнее. Для этого достаточно только сформировать онлайн-сообщества сторонников политической партии на всех доступных социальных сетях, где предусмотрена функция отправки приглашений всем участникам онлайн-сообщества.

Важнейшим инструментом гражданского влияния и контроля за деятельностью органов власти являются оценочные процедуры: онлайн-опросы, онлайн-оценки, онлайн-рейтинги, онлайн-экспертизы и др. (см. подробно: [7]).

Кроме опросов и оценок пользователи систем электронной демократии могут инициировать общественную онлайн-экспертизу деятельности конкретного органа власти и его представителей. Результаты такой онлайн-экспертизы должны иметь определенную юридическую силу, например, быть обязательными к рассмотрению в вышестоящих ведомствах системы органов государственной и муниципальной власти¹.

¹ Как раз эти основания были, по-видимому, приняты во внимание В.В. Путиным при выдвигании им идеи о придании функции субъекта законодательной инициативы сообществу граждан страны, оформленному в виде интернет-подписей не менее чем 100 000 граждан. Правда, тут же сработал инстинкт недоверия к такого рода деятельности и Путин предложил своеобразный «фильтр» в виде экспертной группы для анализа веб-инициатив. См. об этом: Чтобы провести собственный законопроект, рос-

С методологической точки зрения важное значение имеет существенное родовое сходство политических сетей и социального капитала. Последний представляет собой не что иное, как связи между людьми и зависящие от них нормы доверия и поведения, с помощью которых создается механизм социального взаимодействия. Более определенным образом формулирует понятие социального капитала Всемирный банк, определяя его как «институты, отношения и нормы, которые формируют качественно и количественно социальное взаимодействие в обществе»².

Сетевые структуры политической активности могут, на наш взгляд, также рассматриваться как такого же рода механизмы взаимодействия. Методологически потенциал понятия социального капитала, позволяющий использовать его в сетевом анализе, проистекает из двух источников. Во-первых, это позитивные следствия общительности индивида (тогда как его замкнутость может привести к негативным результатам). Во-вторых, особое значение приобретают источники нематериального влияния и власти. Таким образом сокращается дистанция между социологической и экономической позициями в решении социально-политических проблем [5].

Как известно, первый систематический современный анализ социального капитала был проведен Пьером Бурдьё, который определял этот концепт как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [17]. Г. В. Градосельская, отмечая инструментальный характер

сиянину понадобится 100 тыс. подписей в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ria.ru/society/20120418/629316076.html>.

² См.: Социальный капитал в структуре интеллектуального капитала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smart-edu.com/intellektualnyy-kapital/sotsialnyy-kapital-v-strukture-intellektualnogo-kapitala.html>.

представления Бурдые о социальном капитале, подчеркивает, что оно сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса [5, с. 34–35]. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности», — указывает Бурдые [17, р. 249].

Важно также иметь в виду, что социальная сеть не дана изначально и должна быть сконструирована через институционализацию групповых взаимодействий, которые используются как надежный источник других ресурсов.

Из определения Бурдые становится понятным, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов [5, с. 34–38].

Представляется, что вышеприведенные положения вполне могут являться методологической основой сетевого анализа современной отечественной публичной политики.

Политические сети следует рассматривать как феномен, имеющий общественную, а не индивидуальную природу. В свое время А. Портес, американский социолог, предполагал, что социальный капитал присущ самой структуре человеческих отношений, так как, будучи связанным с другими людьми, человек получает множество преимуществ [18]. Логика этого вывода может быть применена и при характеристике политических сетей, более того, их бурный рост с методологической точки зрения вполне увязан с аристотелевской максимой о политической сущности человека.

Принципиально важно иметь в виду также, что политические сети — это не просто множество общественных институтов, а то, что удерживает их вместе, обеспечивает связь между ними посредством горизонтальных связей и норм. В этом плане сетевой анализ переходных обществ должен предваряться концептуализацией политической стабильности, что само по себе в условиях российского

политического пространства является весьма острой проблемой.

Социальный капитал, подобно капиталу физическому, может представляться как запас, но его отличие в том, что он не теряет в величине по мере использования, напротив, не будучи используемым, он утрачивает свою ценность. При этом, как и физический капитал, он требует вложений в себя в форме социального взаимодействия и действий, поддерживающих доверие. Высокий уровень всеобщего взаимного доверия, сотрудничество, общение, взаимопонимание — все это составляет капитал политической стабильности сообщества, и чем лучше он развит, тем больших успехов это общество способно достичь.

Если попытаться выявить деструктивные факторы политической стабильности в условиях трансформирующихся обществ, то в первую очередь к ним следует отнести резкие и радикальные изменения процессов в общественной системе, которые проводятся любой ценой, в ущерб сложившимся на данный исторический момент нормам, ценностям и отношениям. Пример авангардистского внедрения либерально-капиталистических ценностей в условиях 1990-х гг. в России здесь напрашивается само собой.

Важными деструктивными факторами политической стабильности переходных обществ являются также чрезмерная концентрация внимания на политическом лидере, переоценка его роли и значимости, а также политическое лицемерие: двойные и непрозрачные стандарты политики, несоответствие реальных действий политического руководства заявленным общественным ценностям.

Действительно, один из самых существенных политических уроков сетевых форм политической активности на рубеже 2011–2012 гг. заключается в том, что в рамках реального политического пространства стало быстро меняться соотношение между традиционно главенствующим лидерским фактором и иными политическими акторами. В свою очередь, этот тренд возник как реакция креативной части общества на искажение политической морали — впервые

общество громко заявило о том, что политические ценности имеют значение. Если до этого в дихотомии «ценности-цена» первые постоянно проигрывали в массовом сознании, то теперь это уже не столь очевидно.

Однако для устойчивого демократического политического развития наиболее существенное значение имеет еще один социальный феномен — общественное доверие, являющееся фундаментом легитимации власти.

Устойчивое социально-политическое развитие невозможно без установления отношений взаимного доверия общества и институтов власти. Без доверия в сообществе станут невозможными многочисленные формы взаимодействия и взаимообмена. Бизнес-структуры испытывают жизненно важную потребность в том, чтобы вызывать к себе доверие, иначе никто не станет иметь с ними дело, вкладывать в них деньги.

Такая же ситуация характерна и для структур политических, государственных, которые нуждаются в доверии, чтобы обеспечить стабильность своего существования. И закономерно, что при первых признаках недоверия к институтам, в данном случае к институту выборов, российская власть резко активизировала реформистскую деятельность в политической сфере. Проблема доверия стала приобретать по существу экзистенциальное значение. Понятно, что уровень развития доверия и, как следствие, политической стабильности не находится в вакууме, он определен историей государства, существующим в нем политическим режимом, социальными гарантиями и т. д. Но одновременно это значит, что общественное доверие к институтам власти может быть целенаправленно аккумулировано в обществе, если для его развития прилагаются усилия и создаются благоприятные условия¹.

¹ Целеполагание развития с России начала XXI в. определяется формулой «политическая стабильность». В связи с этим важно отметить два обстоятельства. Во-первых, необходимость уточнения самого этого понятия — политическая стабильность в условиях распада

Исходя из основного критерия внутри-политической стабильности — степени согласованности интересов различных институтов и групп общества, государства и всех его граждан, — важно иметь в виду высший уровень политической стабильности — стабильность общества в целом.

Исследование этого уровня политической стабильности представляет наибольшую сложность. Именно он соответствует представлениям о стабильности как о сложной многоуровневой динамической системе. Невозможно сохранение стабильности первого и второго уровней при нарастающей дестабилизации самой общности и ее упадке. Только на третьем уровне — жизнедеятельности народа — появляются необходимые условия для создания системы обеспечения внутриполитической стабильности и национальной безопасности.

Политическая стабилизация обуславливается последовательным осуществлением признанной населением политической программы; соответствием политической деятельности интересам большинства населения; учетом интересов всех социальных групп и своевременным разрешением назревающих конфликтов; консолидацией общества на основе общенародной цели. Анализ этих основных положений политической стабилизации в последние годы в России стоит на повестке дня актуальных политологических исследований.

Анализ системы общественно-политических отношений в современной России позволяет предположить, что, несмотря на серьезные риски, которые несут с собой новые информационно-коммуникационные технологии, активное внедрение в современной России

традиционных социальных связей, во-вторых, в российских условиях существенно возрастает значение анализа соотношения сетевых технологий, политического традиционализма и элементов нарождающейся политической демократии. Сравнительный анализ опыта функционирования сетей в различных сегментах мирового политического процесса также способен дать более точное представление об эффектах сетевых ресурсов в отечественном политическом пространстве.

механизмов электронной демократии на всех уровнях власти и гражданского участия будет способствовать сближению власти и общества, усилит гражданское участие в государственном секторе и принятии общественно-политических решений, сделает органы власти более доступными и открытыми для граждан, создаст дополнительные стимулы для развития партнерской модели взаимодействия органов власти и гражданского общества.

Дальнейшая эволюция сети может пойти по нескольким сценариям. А. А. Дегтярев, в частности, описывая стадийную модель развития сетей, предполагает следующее. Если вследствие падения интереса участников сети к сотрудничеству для достижения совместной цели связи между ними сильно ослабеют, сеть придет в упадок (пятая стадия) или же вовсе прекратит свое существование (шестая стадия). Но может случиться и так, что под влиянием эндогенных факторов произойдет смена стратегических ориентиров сети и она начнет перестраиваться (седьмая стадия). В этом случае круг замкнется, ибо финальная стадия сетевого цикла возвращает его участников в исходное состояние (проведение консультаций и переговоров для создания иных альянсов)¹.

¹ Дегтярев А. А. Модель политико-управленческих сетей [Электронный ресурс]. URL: http://www.politanaliz.ru/articles_56.html.

Но вместе с этим, полагаем, можно уже сейчас говорить о появлении нового типа политического субъекта — деперсофицированного, массовидного по форме, обладающего высокой коммуникативной эффективностью и кумулятивным политическим потенциалом.

Вышеприведенные суждения и пока еще небольшой, но бурный опыт сетевой политической активности на рубеже 2011–2012 гг. дают основания, наряду с прочим, для двух основных выводов.

Во-первых, сетевую политическую активность можно рассматривать как пусковой механизм для социального сотрудничества и распространения политического опыта, поскольку она дает основу для действия и координации. По сути дела, сети превращаются в бурно растущий институт политической социализации.

Во-вторых, становится очевидным, что сетевая политическая активность легко и быстро трансформируется в более привычную институциональную форму политической активности. Именно этим во многом объясняется существенный всплеск инициатив власти в сфере политической реформы начала 2012 г. Несомненно, что сети выступают в роли своеобразного интерфейса, передающего нравственно-этическое недовольство «рассерженных горожан» конкретными формами действий власти в пространство публичной политики, где с ним уже невозможно не считаться.

Литература

1. Володенков С. В. Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 3.
2. Володенков С. В. Практика и особенности использования онлайн-ресурсов в современных политических кампаниях в США // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 3.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
4. Гончаров В. Э., Елизаров В. П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 3.
5. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М.: Издат. дом «Новый учебник», 2004. С. 38–40.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2000.
7. Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2011.
8. Курочкин А. В. Сетевой подход к обеспечению эффективной политики национальной безопасности // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 3.

9. *Мирошниченко И. В.* Инкорпорирование социальных сетей в процесс принятия политических решений // ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 3.
10. *Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* Институционализация социальной сети в сфере публичной политики (на примере кадетского движения в современной России) // Вестник ПермГУ. Серия: Политология. 2011. № 4 (16).
11. *Руткаускайте М. В.* Молодежный Интернет как пространство политической социализации и идентификации современной российской молодежи // Вестник ПермГУ. Серия: Политология. 2011. № 4 (16).
12. *Сморгунов Л. В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 108.
13. *Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
14. *Хабермас Ю.* Политические работы. М.: Праксис, 2005.
15. *Швери Р.* Теоретическая концепция Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 1/2.
16. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
17. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1985. P. 248.
18. *Portes A.* Social capital: its origins and application in modern sociology. Princeton: Princeton University, 1998.

References

1. *Volodenkov S. V.* Information and communication revolution and its influence on modern political process // Political Expertise. 2011. Vol. 7, N 3.
2. *Volodenkov S. V.* Practice and features of use of online resources in modern political campaigns in the USA // Political Expertise. 2011. Vol. 7, N 3.
3. *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. M.: Academic project, 2003.
4. *Goncharov V. E., Elizarov V. P.* Navalny incident: network fundraising as instrument of political mobilization // Political Expertise. 2011. Vol. 7, N 3.
5. *Gradoselskaya G. V.* Network measurements in sociology: Education guidance. M.: Publishing house «The new textbook», 2004. P. 38–40.
6. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture / Translation from English under the editorship of O. I. Shkaratan. M.: Publishing house of the Higher school of economics, 2000.
7. *Kozyreva P. M.* Trust and its resources in modern Russia. M.: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2011.
8. *Kurochkin A. V.* Network approach to providing effective policy of national security // Political Expertise. 2011. Vol. 7, N 3.
9. *Miroshnichenko I. V.* Incorporation of social networks in process of adoption of political decisions // Political Expertise. 2011. Vol. 7, N 3.
10. *Morozova E. V., Miroshnichenko I. V.* Institutionalization of a social network in the sphere of public policy (on the example of cadet movement in modern Russia) // Messenger Perm State University. Series: Political science. 2011. N 4 (16).
11. *Rutkauskayte M. V.* Youth Internet as space of political socialization and identification of modern Russian youth // Messenger of Perm State University. Series: Political science. 2011. N 4 (16).
14. *Habermas Yu.* Political works. M.: Pracsis, 2005.
15. *Shveri R.* James Coleman's theoretical concept: analytical review // Sociological magazine. 1996. N 1/2.
16. *Shtompka P.* The sociology of social change. M.: Aspekt-Press, 1996.
13. *Touraine A.* Returning of the person operating: Sociology sketch. M.: Scientific world, 1998.
12. *Smorgunov L. V.* Network approach to policy and management // Political Science. 2001. N 3. P. 108.
17. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Richardson. N. Y.: Greenwood, 1985. P. 248.
18. *Portes A.* Social capital: its origins and application in modern sociology. Princeton: Princeton University, 1998.

**Г. А. Евдонин
Е. Н. Попова
Е. И. Тагильцева**

**G. A. Evdonin
E. N. Popova
E. I. Tagiltseva**

Моделирование систем массового обслуживания с взаимопомощью каналов (на примере телекоммуникационной компании)

Modeling of System of Mass Service with Mutual Aid of Channels (on the Example of the Telecommunication Company)

Евдонин Геннадий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры математики и моделирования
социально-экономических процессов
Кандидат технических наук
kmimsep@szags.ru

Попова Екатерина Николаевна

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
maliwka_szags@mail.ru

Тагильцева Елена Игоревна

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
lenadergacheva@mail.ru

Evdonin Guennady Aleksandrovich

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate professor of the Chair of mathematics and
modeling of social and economic processes
PhD Technical Sciences
kmimsep@szags.ru

Popova Ekaterina Nikolaevna

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student
maliwka_szags@mail.ru

Tagiltseva Elena Igorevna

Saint-Petersburg
North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration
Graduate student
lenadergacheva@mail.ru

Ключевые слова:

система массового обслуживания, теория
массового обслуживания, теория очередей

Статья посвящена выбору варианта организации системы массового обслуживания, обслуживающей неоднородные заявки в зависимости от стоимости содержания каналов и с учетом взаимопомощи между ними.

Получено аналитическое выражение для вероятности образования очереди в системе с взаимопомощью.

Принятие управленческих решений в хозяйственной практике неразрывно связано с моделированием. Чтобы управляющий орган (в частном случае это может быть одно лицо — управляю-

Key words:

mass service system, Mass service theory, Queue theory

The article is devoted to the process of selecting one of the options for organization of the system, that serve non-uniform applications, depending on the value of content channels and taking into account the mutual aid between them.

The article describes the analytical expression for the probability of formation of turn in system with mutual aid.

щий) принял то или иное решение из ряда возможных альтернатив, он должен предвидеть, к каким результатам оно приведет. Экспериментировать в реальной жизни, принимая различные управ-

ленческие решения и изучая их последствия, нецелесообразно, дорого и практически никогда не представляется возможным. Здесь на помощь приходит математическое моделирование — метод исследования, заключающийся в построении и анализе моделей — аналогов управляющего объекта.

Имея адекватную модель, можно с ее помощью проанализировать эффективность того или иного варианта решения (этап анализа), а затем выбрать (на этапе синтеза) и использовать на практике то решение, которое приводит к желаемым результатам наиболее рациональным путем. Одним из широко распространенных инструментариев моделирования является инструментарий теории массового обслуживания. Эта отрасль прикладной математики позволяет повышать эффективность управления в тех ситуациях, когда необходимо выполнение операций по обработке большого числа схожих «заявок на обслуживание» (ремонт автомобилей на сервисном предприятии, обработка корреспонденции, обслуживание покупателей в супермаркете, сортировка грузовых железнодорожных вагонов и др.).

При организации систем массового обслуживания (СМО) для обработки нескольких типов неоднородных заявок с неизбежностью возникает дилемма: либо создавать одну СМО широкого профиля, обслуживающую заявки всех типов, поступающие на вход системы; либо несколько узкопрофильных, специализированных СМО, каждая из которых обслуживает заявки только одного определенного типа. С позиции классической теории массового обслуживания этот вопрос изучен [2]. Если исходить из обычных характеристик СМО, таких как среднее число занятых каналов, среднее время простоя канала, среднее число заявок в очереди, среднее время ожидания и т.п., то ответ получается однозначным. Предпочтительнее создавать одну широкопрофильную систему, обслуживающую все типы поступающих заявок.

Однако однозначность исчезает, если ввести в рассмотрение экономический параметр — стоимость содержания ка-

налов. Стоимость вариантов решения управленческой задачи — существенный фактор, который не может игнорироваться. Оказывается, что существует пороговое соотношение затрат на содержание каналов узкого и широкого профиля, отделяющее предпочтительность одного варианта организации обслуживания от другого.

В настоящей работе, в продолжение начатых ранее исследований, делается попытка определения упомянутого порогового соотношения стоимостей содержания каналов с учетом взаимопомощи в той мере, в какой она может быть реализована в телекоммуникационной компании. Ранее авторами была выполнена работа [3], в которой исследуется система, обслуживающая неоднородные заявки. Неоднородность заключается в том, что заявки разных типов требуют разной компетенции лиц, их обслуживающих (разной направленности и разного уровня подготовки).

Работа ориентирована на организацию функционирования конкретной телекоммуникационной компании. Анализ ее деятельности позволяет выделить пять типов заявок: физические лица; корпоративные клиенты; бизнес-центры; операторы (другие телекоммуникационные компании); VIP-клиенты (например, государственные структуры). При этом потоки заявок разных типов различаются своей интенсивностью.

Рассматриваются два варианта организации обслуживания.

Вариант 1. Организуется пять узкопрофильных СМО, предназначенных для обслуживания одного типа заявок. Поступающие заявки сортируются по типам и направляются на обслуживание в соответствующую СМО. Таким образом, могут выстраиваться до пяти очередей. В каждой СМО — своя очередь. Необходимое число каналов каждой СМО определяется следующим образом:

- исходное число каналов получается из условия существования установившегося режима работы ($\frac{p}{n} < 1$, где p — приведенная интенсивность

Таблица 1

Число каналов по обоим вариантам организации СМО

Вариант 1 организации СМО						Вариант 2 организации СМО
Физиче- ские лица	Корпора- тивные клиенты	Бизнес- центры	Опера- торы	VIP- клиенты	Σ	
2	36	18	35	34	123	105

входного потока заявок, n — число каналов);

- далее число каналов увеличивается до тех пор, пока не будет выполнено ограничение на вероятность образования очереди, т.е. пока расчетное значение вероятности образования очереди не станет меньше заданной величины.

Вариант 2. Все поступившие заявки обслуживаются в порядке поступления независимо от типа одной и той же СМО широкого профиля.

Примем условие, адекватное конкретной решаемой задаче, что физически по обоим вариантам число мест в очереди не ограничено. Однако наличие очереди ведет к потере престижа предприятия связи и финансовым потерям, поэтому образование очереди нежелательно. Поэтому нами задано ограничение — вероятность образования очереди не превышает 0,05 ($p_{оч.} \leq 0,05$).

Еще одним важным практическим аспектом, учитываемым при принятии решения о выборе варианта организации работы, является учет кадровых ограничений. При организации работы по второму варианту обслуживания сотрудники СМО (каналы обслуживания) должны быть специалистами широкого профиля (высокой квалификации). А при организации работы по первому варианту обслуживания требования к квалификации исполнителей ниже: СМО комплектуется специалистами узкого профиля. Специалистам высокой квалификации необходимо платить более высокую заработную плату. Принято, что зарплата специалиста широкого профиля в γ раз превышает зарплату специалиста узкого профиля, обозначенную как C , т.е. составляет $\gamma \cdot C$.

В упомянутой работе [3] найдено необходимое число каналов для обслу-

живания заявок пяти разных типов при ограничении на вероятность образования очереди ($p_{оч.} \leq 0,05$) при двух вариантах организации обслуживания (см. табл. 1).

В той же работе получено пороговое значение коэффициента $\gamma = \gamma_{кр.}$ — соотношение заработных плат, отделяющее экономическую предпочтительность одного варианта организации СМО относительно другого, а именно: $\gamma_{кр.} = 1,17$. При $\gamma > \gamma_{кр.}$ более выгоден вариант 1 организации, а при $\gamma < \gamma_{кр.}$ предпочтительнее вариант 2 организации СМО.

Авторы продолжили исследование в направлении учета взаимопомощи между каналами, что и является предметом настоящей публикации. При рассмотрении СМО с взаимопомощью существенны два фактора:

- 1) насколько ускоряется обслуживание, когда в нем участвуют несколько каналов;
- 2) какова «дисциплина взаимопомощи», т.е. когда и как несколько каналов берут на себя обслуживание одной и той же заявки.

Эмпирические наблюдения и результаты математического моделирования показывают, что увеличение числа одновременно работающих каналов не всегда ведет к пропорциональному увеличению скорости обслуживания. В частности, применительно к функционированию рассматриваемой телекоммуникационной компании число одновременно работающих над одной заявкой каналов не должно превышать пяти. Увеличение числа каналов свыше пяти не приводит к увеличению интенсивности обслуживания. Это отражено на рис. 1.

Иными словами, при $k \leq k_{кр.}$ интенсивность пропорциональна числу кана-

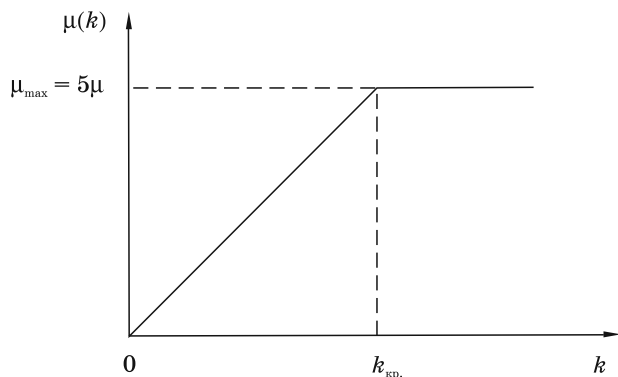

Рис. 1. Интенсивность обслуживания $\mu(k)$, как функция числа каналов k , работающих над одной заявкой, имеет вид линейной функции с насыщением

лов, занятых обслуживанием одной заявки. При увеличении $k > k_{кр.}$ обслуживание уже не ускоряется.

Известно, что при таком виде функции $\mu(k)$ взаимопомощь должна быть равномерной [1]. Равномерная взаимопомощь предполагает следующее:

- если заявка пришла и все каналы свободны, то из имеющихся n каналов 5 каналов принимаются за ее обслуживание;
- если в момент обслуживания приходит еще одна заявка, то 5 из оставшихся $(n - 5)$ каналов принимаются за ее обслуживание, т. е. 2 заявки обслуживаются 10 каналами, и т. д;
- если заявка приходит в момент, когда над каждой заявкой работают 5 каналов и свободных каналов нет, то каналы перераспределяются таким образом, чтобы над каждой заявкой работало одинаковое количество каналов. Простой каналов при такой организации минимален.

Граф состояния для такой системы массового обслуживания с взаимопомощью показан на рис. 2.

На рис. 2 обозначено: n — число каналов, γ — интенсивность входного потока заявок, μ — интенсивность обслуживания 1 каналом, $\mu^* = 5\mu$ — интенсивность обслуживания 5 каналами, $[n/5]$ — антье — целая часть числа $n/5$, нумерация состояний по числу заявок, связанных с системой, как обслуживаемых, так и ожидающих в очереди.

$$P_0 = \left[1 + \frac{\lambda}{1! \cdot 5\mu} + \frac{\lambda^2}{2! \cdot 5^2 \mu^2} + \frac{\lambda^3}{3! \cdot 5^3 \mu^3} + \dots + \frac{\lambda^{[n/5]-1}}{([n/5] - 1)! \cdot 5^{[n/5]-1} \mu^{[n/5]-1}} + \right. \\ \left. + \frac{\lambda^{[n/5]}}{[n/5]! \cdot 5^{[n/5]} \mu^{[n/5]}} + \frac{\lambda^{[n/5]}}{[n/5]! \cdot 5^{[n/5]} \mu^{[n/5]}} \cdot \left(\frac{\lambda}{n\mu} + \frac{\lambda^2}{n^2 \mu^2} + \dots \right) \right]^{-1}. \quad (1)$$

Получим формулу для вычисления вероятности образования очереди в СМО с взаимопомощью. Сначала найдем P_0 — вероятность состояния S_0 (все каналы свободны, очереди нет).

Введем приведенную интенсивность потока заявок $\rho = \frac{\lambda}{\mu}$, тогда (1) перепишется в виде:

**Число каналов по двум вариантам организации СМО
с взаимопомощью между каналами**

Вариант 1 организации СМО						Вариант 2 организации СМО
Физиче- ские лица	Корпора- тивные клиенты	Бизнес- центры	Опера- торы	VIP- клиенты	Σ	
2	30	15	29	29	104	92

Рассмотренный подход к решению конкретной управленческой задачи, связанный с деятельностью телекоммуникационной компании, может быть использован для решения более широкого круга управленческих задач. В данном случае важен не столько сам полученный численный результат, сколько методика его получения, детально описанная в статье.

В заключение хотелось бы отметить, что важной задачей дальнейшего совершенствования управленческой деятельности является подготовка специалистов по управлению, владеющих арсеналом современных знаний и навыков в области управления, включая математическое моделирование. Другой важнейшей задачей является установление более тесных и содержательных связей между разделами наук, обслуживающих процесс управления. Дальнейшее успешное решение теоретических и практических задач управления возможно только совместными усилиями математиков, психологов, социологов, экономистов и представителей других отраслей науки.

Литература

1. *Вентцель Е. С.* Исследование операций. М.: Советское радио, 1972. 560 с.
2. *Вентцель Е. С.* Исследование операций. Задачи, принципы, методология. М.: Высш. шк., 2001. 208 с.
3. *Евдонин Г. А., Корнилова Е. Н.* Выбор структуры системы массового обслуживания применительно к функционированию телекоммуникационной компании // Материалы II Международной конференции «Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы». СПб.: СЗАГС, 2010.
4. *Новиков Д. А.* Моделирование организационных систем // Материалы I Международной конференции «Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы». СПб.: СЗАГС, 2009.
5. *Таранцев А. А.* Инженерные методы теории массового обслуживания. СПб.: Наука, 2007. 175 с.

References

1. *Ventsel E. S.* Research of operations. M.: Sovetskoye radio, 1972. 560 p.
2. *Ventsel E. S.* Research of operations. Tasks, principles, methodology. M.: Vysshaya shkola, 2001. 208 c.
3. *Evdonin G. A., Kornilova E. N.* Choice of structure of system of mass service in relation to functioning of the telecommunication company. // Materials II of the International conference "State and business. Issues of theory and practice: modeling, management, finance" SPb.: SZAGS, 2010.
4. *Novikov D. A.* Modeling of organizational systems // Materials I of the International conference "State and business. Issues of theory and practice: modeling, management, finance". SPb.: SZAGS, 2009.
5. *Tarantsev A. A.* Engineering methods of the theory of mass service. SPb.: Nauka, 2007. 175 p.

Международный аспект культурной политики. Опыт России и зарубежных стран

International aspect of cultural policy. Experience of Russia and foreign countries

Рыбакова Марина Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
культуры и искусств
Заместитель декана по работе со студентами
факультета музыкального искусства эстрады
Кандидат политических наук, доцент СПбГУКИ
rybakovamg@gmail.com

Rybakova Marina Guennadievna

Saint-Petersburg State University of Culture and Art
Vice-dean on work with students of the Musical Art of
Estrade Faculty
PhD in Political Science, Associate Professor of the
University
rybakovamg@gmail.com

Ключевые слова:

международные культурные связи, культурная дипломатия, внешняя культурная политика, культурные центры, направления и формы внешней культурной политики

В статье рассматривается такое явление как внешняя культурная политика, выявляются направления и формы ее реализации, институциональные основы, анализируется опыт внешней культурной политики России и зарубежных стран.

Key words:

international cultural relations, foreign cultural policy, cultural centers, areas and forms of foreign cultural policy

In this article such phenomenon as foreign cultural policy is considered. Documents of Russia and foreign countries form a basis of research. Tendencies of its development, institutional bases, the directions and forms are revealed.

Важнейшей особенностью развития современного общества является процесс взаимного проникновения культур, который в начале XXI в. приобрел всеобщий характер. По мнению С. Хантингтона, важнейшим источником конфликтов в мире после окончания «холодной войны» будут культурные различия. Основные конфликты в глобальной политике, полагает он, будут обусловлены противостоянием западной и незападных цивилизаций. Прежнее деление на первый, второй и третий мир утрачивает свое значение и на передний план выступает принадлежность к той или иной цивилизации, что определяется как объективными категориями (язык, история, религия), так и субъективным самосоз-

нанием и мироощущением народа. Вот почему «перед лицом угрозы межкультурного разлома коллективные усилия по налаживанию межкультурного диалога приобретают особое значение. Возрастает потенциал культуры как эффективного инструмента сглаживания разногласий между государствами»¹.

В сложившихся сложных условиях взаимоотношений между странами с различными ценностными системами и уровнями социального развития требуется

¹ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=130289>.

осмысление опыта культурной политики различных стран, необходима разработка новых подходов к ее осуществлению, когда все участники межкультурной коммуникации равны и не стремятся к доминированию.

Культурная политика является важной составной частью государственной политики любой страны. Определение понятия «культурная политика» было введено в оборот в 1967 г. на «круглом столе» ЮНЕСКО. В докладе «Политика в сфере культуры — предварительные соображения» под политикой в сфере культуры понимался «комплекс принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманных действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время». Она охватывает культурно-гуманитарную сферу и ориентирована на интеграцию страны в мировое культурное пространство [3. с. 6]

Внешняя культурная политика представляет комплекс мер, предпринимаемых различными институтами и направленных на определение условий, границ и приоритетов в сфере международных культурных обменов, организацию процессов отбора и трансляции культурных ценностей и их освоение другими народами. Внешняя культурная политика может осуществляться теми же институтами, что и внутренняя культурная политика, но ориентирована вовне. Основные цели внешней культурной политики государства заключаются в формировании позитивного облика страны за рубежом посредством ознакомления других народов с его культурными ценностями, а также в содействии осуществлению процесса кросскультурного взаимодействия и взаимопонимания между народами.

Уровень состояния и развития внешней культурной политики в разных странах различен. Он зависит от развития государства, национальных традиций и культурного потенциала страны, но прежде всего — от финансовых возможностей государства и его задач в этой сфере. Сложившаяся в различных странах система координации, стимулирования и организации внешней культурной политики позволяет выделить следующие задачи, решаемые в этой сфере. В их числе:

- ознакомление зарубежной общественности с культурой собственной страны;
- использование культурных обменов и других культурных проектов для повышения престижа и облика страны и создания благоприятных условий для совершенствования сотрудничества в смежных сферах, например, в экономике и политике;
- ознакомление собственной общественности с культурным достоянием других стран;
- содействие научным обменам и сотрудничеству в сфере науки, поддержанию высокого научно-технологического уровня, соответствующего мировым стандартам;
- сотрудничество в сфере спорта, туризма;
- укрепление позиций языка своей страны за рубежом;
- культурное обслуживание соотечественников за рубежом.

При всем национальном своеобразии культур каждой страны стоящие перед ней задачи решаются с большими различиями в приемах, методах и с учетом имеющихся ресурсов. Государственная власть зачастую смотрит на культуру в большей степени как на средство повышения своего имиджа, создания благоприятных условий для воздействия на общественное мнение зарубежных стран, внедрения силами культуры определенных взглядов и воззрений, формирования поведенческих стереотипов населения. В условиях глобализации национально-культурный фактор нередко становится определяющим при решении внешнеполитических задач. В то же время нельзя,

однако, не видеть, что даже в условиях приоритета узко понимаемых государственных и национальных интересов, верховенства экономической и военной силы, религиозной и расовой нетерпимости главной надеждой на спасение мира от глобального конфликта становится межкультурный диалог. Диалог, который не может обойтись без всестороннего развития международных культурных связей, культурной дипломатии.

Решение задач по реализации внешней культурной политики предполагает создание в рамках каждого государства соответствующей нормативно-правовой базы, регламентирующей данную деятельность. Так, декабре 2010 г. Министерством иностранных дел РФ был утвержден нормативный документ «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», в котором в развитие положений Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 г., определяются содержание, принципы и основные направления деятельности России в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества.

В данном документе подчеркивается, что «новые вызовы начала XXI в. и масштабные задачи в сфере международных отношений в условиях глобализации придают культурно-гуманитарным связям России возрастающую значимость. Это, в первую очередь, связано с утверждением в мире многополярности. Все более очевидно, что глобальная конкуренция приобретает в том числе культурно-цивилизационное измерение. Между основными игроками на международной арене усиливается борьба за культурное влияние, причем в нее широко вовлекаются появляющиеся в мире новые центры сил. Глобализация влечет не только взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур, но и нередко ставит под угрозу культурную самобытность стран и народов»¹.

¹ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного

Определяя главную задачу внешней культурной политики Российской Федерации, МИД в своем документе отмечает, что «стержневая задача политики России на данном направлении состоит в формировании и укреплении отношений взаимопонимания и доверия с зарубежными странами, развитии равноправного и взаимовыгодного партнерства с ними, наращивании участия страны в системе международного культурного сотрудничества, интеграции России в мировое культурное пространство. Российское культурное присутствие в зарубежье, как и зарубежное культурное присутствие в России должны способствовать утверждению за нашей страной достойного, сообразного ее истории, геополитическому положению, совокупной мощи и ресурсам места на мировой сцене»².

За последние десятилетия в РФ заложен прочный и разносторонний правовой фундамент для осуществления внешней культурной политики. Так, основой отношений Российской Федерации и Европейского союза является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое вступило в силу 1 декабря 1997 г. первоначально сроком на 10 лет, с ежегодным автоматическим продлением с 2007 г., если ни одна из сторон не решит выйти из соглашения. С 1991 г. Российская Федерация является членом Европейской культурной конвенции и принимает активное участие в работе Руководящего комитета по культуре и Руководящего комитета по культурному наследию Совета Европы и других формах сотрудничества с Организацией. Россия также является активным членом Компендиума культурной политики и тенденций в Европе; подписала и ратифицировала Гранадскую конвенцию по архитектурному наследию, Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений; подписала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, Европейскую куль-

культурно-гуманитарного сотрудничества // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=130289>.

² Там же.

турную конвенцию. Но в то же время Россия не принимает пока участие в конвенциях, положения которых обязательно должны быть применимы в ней. Это касается, прежде всего, Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия и Европейской конвенции об охране археологического наследия. Для России принципиально важна их направленность. Они позволили бы развивать российское законодательство в сфере культуры так, чтобы памятники нематериального наследия и археологии не были утрачены, чтобы они были введены в культурный оборот, без которого невозможно нормальное культурное развитие.

Активно развивается участие Российской Федерации в общеевропейском культурном сотрудничестве с Евросоюзом и Советом Европы, которые строят свою деятельность в соответствии с Маастрихтским (1992 г.) и Лиссабонским (2007 г.) договорами, являющимися концептуальной основой внешней культурной политики Европейского союза и определяющими его культурно-политическую парадигму. Культурная политика стран Евросоюза, выстроенная на гарантиях европейской идентичности, культурного многообразия и учета культурной составляющей, во всех политиках и программах не подменяет национальную культурную политику, а придает ей дополнительные европейские черты, а предусматриваемые Лиссабонским договором институциональные реформы способствуют интенсификации в осуществлении внешней культурной политики.

В интересах дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества между Российской Федерацией и Советом Европы разработана Рамочная программа, главной целью которой является содействие укреплению и развитию политики и деятельности в области культуры, культурного наследия и которая направлена на продвижение культурного разнообразия и межкультурного диалога; стимулирование творческого потенциала и поощрение участия всех граждан в культурной жизни. Существующая нормативно-правовая база позволяет РФ

и ЕС достаточно эффективно реализовывать на практике крупные совместные проекты и программы в сфере культуры. Можно назвать самые крупные из уже спланированных мероприятий на 2010–2014 гг. Они связывают обменными Годами культуры Россию с Францией, сезонами и Днями российской культуры — с Германией, Италией, Испанией, Нидерландами, Грецией.

Безусловно, каждая страна в своей внешней культурной политике отмечает своих приоритетных партнеров. Если для Франции это страны, входящие в организацию Франкофония, то для Великобритании — это страны Британского содружества наций. Выбор партнеров определяется историческими традициями, общностью культурных интересов и насущными проблемами, которые стремится решать каждое государство, используя фактор культуры, культурную политику. Однако нельзя не отметить, что практически все современные государства последовательно расширяют географию своего присутствия.

С точки зрения исторической и региональной приоритетным направлением внешних культурных связей для России остаются государства СНГ. Россия в своей внешней культурной политике по отношению к СНГ исходит из того, что «основной задачей остается дальнейшее формирование единого культурного, информационного и образовательного пространства, сохранение многовековых духовных связей с народами этих стран, их всестороннее развитие на новых демократических началах, поиск более гибких и эффективных форм сотрудничества, закрепление исторически сложившихся позиций русского языка. Россия активно способствует взаимодействию государств-участников СНГ в культурно-гуманитарной сфере на базе сохранения и приумножения общего культурно-цивилизационного наследия, которое в условиях глобализации является важным ресурсом СНГ в целом и каждого государства-участника в отдельности»¹.

¹ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного

8 мая 2005 г. по инициативе Российской Федерации на неформальном саммите глав государств Содружества в Москве была принята Декларация о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ. В августе 2005 г. в развитие этой Декларации на саммите в Казани одиннадцать глав государств подписали Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств.

Формированию культурного пространства Содружества Независимых Государств содействует Совет по культурному сотрудничеству государств-участников СНГ, созданный в соответствии с Соглашением от 26 мая 1995 г., которое было подписано главами правительств 12 государств-участников Содружества. Ежегодно проводятся заседания Совета, которые способствуют решению вопросов, связанных с развитием культурного сотрудничества в рамках СНГ, формированием культурного пространства Содружества. Участники заседаний рассматривают проекты многосторонних программ в области культуры, вносят их в уставные органы Содружества.

Успешно развивается внешняя культурная политика и на других направлениях, в частности на китайском. Российско-китайское культурное сотрудничество происходит весьма активно, чему способствовало подписание в 2010 г. новой программы сотрудничества двух стран в сфере культуры, в которой определен формат культурных взаимоотношений. Так, в России 2010 г. был объявлен Годом китайского языка. В рамках Года проведено более 80 мероприятий — научно-практических конференций, выставок и фестивалей, конкурсов и олимпиад на знание китайского языка и литературы, гастролей китайских театральных и музыкальных коллективов, открыты новые отделения китайского языка, осуществляются преподавательские и студенческие обмены, организованы летние детские лагеря для российских школьников в Китае.

культурно-гуманитарного сотрудничества // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=130289>.

Демократизация международных связей способствовала устранению жесткого партийно-государственного контроля за формами и содержанием международных культурных обменов. Возможность самостоятельно налаживать зарубежные контакты получили профессиональные и самодеятельные художественные коллективы, учреждения культуры. Право на существование обрели различные стили и направления литературы и искусства, в том числе те, которые раньше не вписывались в рамки официальной идеологии. Заметно увеличилось количество государственных и общественных организаций, принимавших участие в культурных обменах. Выросла доля негосударственного финансирования мероприятий, проводимых за пределами страны (коммерческие проекты, средства спонсоров и т. д.). Развитие зарубежных связей творческих коллективов и отдельных мастеров искусства на коммерческой основе не только содействовало повышению международного престижа страны, но и позволило зарабатывать значительные валютные средства, необходимые для укрепления материальной базы культуры.

При всем многообразии подходов к осуществлению международного взаимодействия в практике современных государств можно выделить общие черты, которые касаются содержания международного культурного сотрудничества и его институционального закрепления. Так, сегодня в практическом осуществлении международного культурного сотрудничества большое внимание уделяется деятельности культурных центров, которые являются своеобразными проводниками международного измерения культурной политики страны. Подобные центры, известные как институты, советы, представительства существуют практически в каждой стране, которая проводит активную культурную политику за рубежом. В России их деятельность в крупных городах стала достаточно заметной, а мероприятия, проводимые подобными организациями, уже получили заслуженное признание в профессиональной среде и популярность у самых разнообразных участников и

зрителей. Только в Санкт-Петербурге сегодня активно работают более 20 зарубежных культурных центров, среди которых можно отметить как старейшие организации, такие как Альянс Франсез, Французский институт, институт им. Гете, Израильский культурный центр, так и достаточно молодые, как, например, институт Конфуция, который появился в культурной столице России в начале XXI в.

В свою очередь и Россия расширяет сеть своих представительств в мире. К настоящему времени открыто около 70 российских центров международного научного и культурного сотрудничества, которые созданы при правительстве Российской Федерации. Основной задачей этих центров является осуществление содействия установлению и развитию информационных, научно-технических, деловых, гуманитарных, культурных связей России с зарубежными странами через систему своих представительств и центров науки и культуры в 52 странах мира. Перед центрами поставлены следующие основные задачи: развитие через российские центры науки и культуры и свои представительства за рубежом в 68 городах Европы, Америки, Азии и Африки широкого спектра международных связей Российской Федерации, а также содействие деятельности российских и зарубежных неправительственных организаций в развитии этих связей; содействие формированию за рубежом всестороннего и объективного представления о Российской Федерации как о новом демократическом государстве, активном партнере зарубежных стран по взаимодействию в культурных, научных, гуманитарных, информационных сферах деятельности и развитию мирохозяйственных связей.

Важной областью деятельности центров является участие в реализации государственной политики развития международного научного и культурного сотрудничества, ознакомление зарубежной общественности с историей и культурой народов Российской Федерации, ее внутренней и внешней политикой, научным, культурным, интеллектуальным и

экономическим потенциалом. В своей деятельности центры содействуют развитию контактов по линии международных, региональных и национальных правительственных и неправительственных организаций, в том числе со специализированными организациями и институтами ООН, Европейского союза, ЮНЕСКО и другими международными организациями.

В своей международной деятельности государства все большее внимание уделяют своей культурной политике, которая становится весьма действенным инструментом дипломатии и довольно эффективным средством борьбы за национальные интересы того или иного государства. Внешняя культурная политика при ее успешной реализации может служить очень сильным вспомогательным идеологическим инструментом, сопровождающим осуществление общей внешнеполитической стратегии государства, создавая прочный фундамент, позволяющий государству не только отстаивать и продвигать свои национальные интересы на мировой арене, но и оказывать непосредственное влияние на различные политические, экономические, социальные процессы в мире.

Наиболее показателен в этом отношении опыт Соединенных Штатов Америки. В культурном плане США представляют собой во многом уникальное явление, универсальную модель межкультурного общения, а точнее межкультурного синтеза и взаимовлияния различных культур. США являются своего рода «гигантским национальным плавильным котлом», что нашло свое отражение в мультикультурной специфике американского общества. Известно, что любой гражданин США вне зависимости от национальной принадлежности идентифицирует себя как «американец», подчеркивая свою принадлежность к государству и обществу, носящим наднациональный характер, к единой американской нации. На это воздействуют различные факторы исторического, культурного, политического и иного плана. Но в то же время представители каждого этноса вносят в «общий котел» американской культуры часть своей национальной культуры и,

таким образом, множество разных мировых культур синтезируется, находясь в постоянном взаимовлиянии и взаимопроникновении.

Американская культура как «неофициальный» идеологический инструмент внешней политики американского правительства проявляется в различных аспектах на разных уровнях и благодаря развитию науки, техники, высоких технологий к концу XX в. достигает впечатляющих результатов. Вторая половина XX — начало XXI столетия ознаменовались американским культурным влиянием в общемировом масштабе. Активность внешней культурной экспансии США как на государственном, так и на негосударственном уровне обусловлена мощью финансово-экономического и научно-технического потенциала страны. Внешняя культурная политика США и связанный с ней экспорт американской культуры представляют собой вызов культурной идентичности других государств, их историко- и этнокультурному своеобразию и уникальности и, что особенно важно, политической и экономической независимости. Для иллюстрации этого достаточно вспомнить концепции информационных войн и постулаты теоретиков атлантизма, в том числе об аэрократии, эфирократии и медиакратии.

Кроме того, довольно широко известны различные образовательные и культурные программы, которые разрабатывает Государственный департамент США через свое Бюро по делам образования и культуры. Программы Госдепартамента, осуществляемые совместно с разнообразными частными благотворительными фондами и иными организациями подобного рода, направлены на формирование позитивного облика США за рубежом, на распространение в других странах как можно большей позитивной информации об этом государстве, на формирование фундамента взаимопонимания между разными странами и разными культурами. Помимо этого одной из основных целей этих программ является предоставление молодым ученым и специалистам грантов на обучение в ведущих американских вузах. Обра-

зовательные программы способствуют утке умов в США, что в принципе соответствует их «кадровой политике», национальным интересам и демонстрирует эффективность воздействия «мягкой» мощи культурной политики. Более того, посредством различных образовательных и культурных программ, а также фондов и иных инструментов США нередко получали возможность влиять на внутреннюю ситуацию в том или ином государстве. Идеалы и ценности, которые Америка «экспортирует» в умы более полумиллиона иностранных студентов, которые каждый год обучаются в американских университетах, а затем возвращаются в свои родные страны после стажировки или учебы, направлены на то, чтобы затем влиться во властные элиты своих стран и осуществлять проведение проамериканской линии.

Для культурной политики США характерен как официальный, так и неофициальный механизм реализации. Под официальной внешней культурной политикой подразумевается механизм, прежде всего, государственного регулирования культурной сферы внешней политики. Но вместе с тем здесь имеются в виду и негосударственные рычаги управления и финансирования культуры, так как в Соединенных Штатах сфера культуры по большей части поддерживается и управляется негосударственными институтами в лице частных филантропических фондов и спонсорских организаций.

Когда говорят об экспорте американской культуры, или «культурном империализме» и других явлениях подобного рода, то имеется в виду не высокая культура, имеющая место в США, а массовая культура, которая благодаря развитию высоких технологий транслируется на весь мир и которая стала достоянием современной цивилизации, превратившись в наднациональное, глобальное явление. Планетарные завоевания американской культуры обязаны именно поп-культуре. Так, на конференции по культурной дипломатии, организованной в Белом доме 28 ноября 2000 г., тогдашний президент США Б. Клинтон заявил, что «холодную войну выиграл Элвис Пресли».

Внешняя культурная политика ФРГ, наряду с классической дипломатией и внешнеэкономической политикой, является важным направлением германской внешней политики. Ее цель — продемонстрировать образ современной Германии, содействовать процессу европейской интеграции и взаимопониманию между народами. Внешнюю культурную политику Германии можно охарактеризовать, как одну из основ внешнеполитического курса страны, которая продолжает преемственность предыдущих десятилетий; не последнюю роль в выбранном курсе сыграли приход к власти в 2005 г. правительства «большой коалиции» и назначение на пост министра иностранных дел социал-демократа Ф.-В.Штайнмайера, при участии которого кардинально изменилась стратегия внешней культурной политики Германии и ей был придан статус «инвестиции в будущее, которая содействует позитивному образу Германии за рубежом», завоевав, таким образом, кредит доверия мирового сообщества, результатом чего явилось избрание в 2010 г. Германии непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2011–2012 гг. [2]. Федеральное министерство иностранных дел лишь частично осуществляет свою культурную политику собственными силами. В большей мере оно поручает это посредническим организациям, например Институту Гете или Институту международных культурных связей. Институт Гете имеет 136 культурных центров и 10 центров связи в 91 стране. Они предлагают курсы немецкого языка, оказывают содействие преподавателям немецкого языка за рубежом, организуют культурные мероприятия и дискуссии.

Институт международных культурных связей занимается осуществлением культурного диалога. Большое значение имеют немецкие школы за рубежом. Таких школ 135, в них учатся 80 000 учеников (из них 60 000 немемецкой национальности). С помощью инициативы «Школы: партнеры будущего» германский МИД намерен поддержать школьную работу за рубежом. Цель — создание сети партнерских школ, в которых посредством

изучения немецкого языка и культуры укрепляется связь между учениками и Германией.

В Японии внешнюю культурную политику осуществляют две организации: Агентство по культуре в рамках Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники правительства Японии, а также Японский фонд под эгидой Министерства иностранных дел Японии. Агентство по культуре отвечает, главным образом, за внутреннюю культурную политику (однако некоторые из его программ, как, например, распространение японского языка среди иностранцев, являются частью внешней культурной политики), а Японский фонд, 19 филиалов которого располагаются по всему миру, реализует внешнюю культурную политику.

Внешняя культурная политика Японии, как и любого государства, нацелена на создание благоприятного имиджа страны за рубежом, а также на продвижение собственных национальных интересов в мире. В современных условиях особое внимание придается распространению в мире японского языка как важному фактору создания сферы культурного влияния Японии. Один из крупнейших специалистов в области японского языка, профессор Университета Кэйо Т. Судзуки заявляет, что «утверждение японского языка в качестве международного — один из путей превращения страны в действительно великую державу» [3]. Поэтому распространение японского языка за рубежом является приоритетной задачей внешней культурной политики японского государства. Внешняя культурная политика по распространению японского языка за рубежом осуществляется Японским фондом. Этот фонд был создан как специальная организация под эгидой Министерства иностранных дел и является стержнем культурного обмена, который осуществляет Япония со странами мирового сообщества. На протяжении всей своей истории Японский фонд работал и продолжает работать над повышением эффективности глобального международного культурного обмена, конечная цель которого — развитие взаимопонимания

между различными нациями и народами. Стратегическое направление его деятельности определяет МИД Японии.

До недавнего времени властными кругами Японии национальная поп-культура не рассматривалась всерьез в качестве инструмента внешней культурной политики, считалась низменным и поверхностным слоем культуры, которым заниматься непрестижно. Однако в последнее время произошла переоценка ее роли и поп-культура стала эффективным средством в утверждении национального имиджа за рубежом по сравнению с возможностями национальной элитарной или народной культуры. Правительство Японии приняло шаги по регулированию поп-культуры законодательно через Основной закон по продвижению культуры и искусств (2001 г.). В этом законе удостоились специального упоминания манга, аниме и видеоигры. Учитывая глобальные изменения в культурной политике, в том числе и рост внимания к поп-культуре

как важному компоненту государственной внешней культурной политике, японское правительство продолжило работу над регулированием национальной поп-культуры, отведя им особое место в Основной политике по продвижению культуры и искусств (2002 г.) и Второй основной политике (2007 г.) [1].

Таким образом, отмечая роль внешней культурной политики в развитии международного культурного сотрудничества, мы не должны ограничиваться идеей, что она лишь инструмент внешней политики государств. Основные направления внешней культурной политики, такие как возможность содействие диалогу и поиску компромиссов, выступление в роли катализатора внешнеполитических приоритетов, взаимное отражение культурной реальности придают ее самостоятельное значение в качестве важного инструмента предотвращения межкультурных конфликтов и налаживания диалога между народами.

Литература

1. Мошняга П. Внешняя культурная политика Японии // Власть. 2009. № 6. С. 159–161.
2. Карнаухова Е. Е. Технологии реализации внешней культурной политики Германии: Автореф. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2011.
3. Филимонов Г. Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2007. 187 с.

References

1. Moshnyaga P. Foreign cultural policy of Japan // Vlast'. 2009. N 6. P. 159–161.
2. Karnaukhova E. E. Technologies of realization of foreign cultural policy in Germany: Abstract of dissertation on political science. N. Novgorod, 2011.
3. Filimonov G. Yu. Foreign cultural policy of the USA as component of «the soft force»: Dissertation on political science. M., 2007. 187 p.

В. К. Карнаух

V. K. Karnaukh

Война в традиционном обществе: антропологический подход*

War in Traditional Society: Anthropological Approach

Карнаух Владимир Кузьмич

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии
Доктор философских наук, профессор
karnauh_vk@mail.ru

Ключевые слова:

война, антропология войны, традиционное общество, цивилизация, этика войны, войны на Западе и на Востоке

В статье рассматривается роль войны в жизни традиционного общества. Особое внимание уделяется антропологическому подходу к войне. Автор отмечает характерные черты войны в первобытном обществе, рассматривает радикальные изменения в жизни общества, связанные с переходом к цивилизации. В статье выделяются отличительные особенности войны на Западе и на Востоке, исследуются этические вопросы войны. Рассматриваются факторы, обеспечивающие превосходство римской военной организации.

Война стала существенным феноменом общественной жизни, она все больше привлекает внимание исследователей. До недавнего времени в нашей литературе единственно верной признавалась типология войн на основе общественно-экономических формаций [11, с. 239]. В современных условиях возникает потребность расширить наши познавательные возможности в изучении войны, перейти от прежнего одномерного видения войны, при котором война рассматривалась как продолжение политики другими средствами [5, с. 38], к выявлению ее антропологического содержания, к исследованию

Karnaukh Vladimir Kuzmich

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Philosophy
Doctor of Science (Philosophy), Professor
karnauh_vk@mail.ru

Key words:

war, anthropology of war, traditional society, civilization, ethics of war, wars in the West and in the East

The article examines the role of war in the life of traditional society. Special attention is paid to the anthropological approach to the warfare. The article discusses the role of war in the life of traditional society. Special attention is paid to the anthropological approach to the war. The author notes the characteristics of the war in a primitive society, considers the radical changes in society, associated with the transition to civilization. The article highlighted the distinctive features of the war in the West and in the East, examines the ethical issues of war, considers the factors that ensure the superiority of the Roman military.

войны как феномена человеческой культуры.

Война представляет один из древнейших институтов человеческого общества, истоки которого обнаруживаются уже в палеолите. При исследовании каузальности войн следует, на наш взгляд, исходить из многофакторного подхода. В тот период войны вызывались главным образом такими неэкономическими причинами, как мщение за убийство, обвинение в колдовстве или за похищение женщин [22, р. 455]. Поскольку плотность населения была низка, и люди жили небольшими группами, война за ресурсы представляла относительно редкое явление.

* Содержание антропологического подхода раскрывается в работах Ю. М. Резника, Н. Н. Козловой, Д. К. Танатовой и др.

В первобытном обществе захват чужой родовой территории никогда не был главной целью ведущихся войн. Чужая территория считалась местом обитания духов предков побежденных. Опасаясь мести со стороны этих духов, победители почти никогда не претендовали на заселение покинутой недругами земли [4, с. 357].

В первобытном обществе участники войны располагали определенной совокупностью средств, позволявших ограничить масштаб и последствия военных действий. Одним из таких средств было освобождение определенной части населения, включая детей, женщин, престарелых и одиноких, от участия в военном конфликте. Кроме того, для ограничения войны использовались соглашения, устанавливавшие время, место и условия начала войны. Наконец, самым важным средством, не только ограничивавшим войну, но и определявшим характер самого боя, был установленный ритуал [18, р. 387].

Несмотря на эти ограничения, вряд ли следует идеализировать первобытные войны. Иногда они принимали столь неистовый характер, что отмеченные ограничения отбрасывались, и насилие достигало высокого уровня [18, р. 387]. Кроме того, войны нередко вынуждали более слабого участника конфликта покидать привычную для него местность и переходить на территорию с худшими условиями. Как видим, если ограничения, установленные на развязывание войны, предохраняли ту или иную социальную группу, то вынужденные перемещения наносили ей ущерб и даже могли привести к ее распаду.

Обычно войны велись так, чтобы свести к минимуму потери людей, однако человеческая жизнь в тот период не представляла особой ценности, поэтому война могла выступать как средство регулирования численности населения или как способ осуществления жертвоприношений богам. Первобытные войны неразрывно были связаны с проведением церемоний и ритуалов, они обычно проводились в форме внезапных и непродолжительных рейдов, а технология

каменного века определяла возможности используемых орудий войны.

С переходом к производящему хозяйству, когда количество населения значительно возросло и начало оказывать растущее воздействие на окружающую среду, произошло, с одной стороны, резкое повышение интенсивности войн, а с другой — войны обрели характер завоеваний и стали направляться на захват чужих территорий. Самые ранние земледельцы, отмечал Г. Чайлд, очевидно, были мирными людьми, однако мы уже видим институт войны всех против всех, возникающий, когда свободная, легко поддающаяся обработке земля становится редким явлением [15, р. 74].

Угроза войны оказала существенное влияние на пространственные формы расселения земледельцев. Первые земледельцы селились либо хуторами, либо жили в компактных поселках [4, с. 331]. Хуторская система расселения создавала наиболее благоприятные возможности для ведения сельского хозяйства. Она облегчала труд земледельца, сводила к минимуму издержки, связанные с ежедневными переходами из поселков в поле и обратно, давала возможность обеспечить наиболее эффективную охрану полей. Как видим, хуторская система расселения была оптимальной с точки зрения развития раннего земледелия. Тем не менее, чтобы обезопасить себя, прежде всего там, где велись интенсивные войны, люди вынуждены были селиться в огражденных крупных компактных поселках.

С переходом к цивилизации война начинает играть все более важную роль в жизни общества. Цари-жрецы постепенно вытесняются военными лидерами. Военные предприятия становятся специализированной сферой человеческой деятельности. Возрастающий масштаб военных действий приводит к тому, что поединки перерастают в новое качество — битвы и сражения. На смену каменному, а затем медному приходит бронзовое оружие.

Поскольку оружие в жизни человека ранней цивилизации играло исключительно важную роль, ему придавалось

магическое значение. Оружие считалось живым, наделялось душой, предметам оружия давали собственные имена. В то время полагали, что оно не только живет собственной неведомой жизнью, но и теснейшим образом связано с жизнью хозяина, является средоточием его души. Оружие часто изготавливали на заказ. При этом учитывалась не только реальная приспособленность оружия к физическим особенностям заказчика, но и его соответствие магическим и религиозным воззрениям будущего владельца [2, с. 9].

Основным, самым массовым оружием ближнего боя на Древнем Востоке были кинжалы и боевые топоры. Не случайно в эпосе о Гильгамеше топор и кинжал выступают как главное оружие героя [13, с. 15–25]. Наряду с ними самым распространенным видом древнего оружия, которое использовалось как для удара, так и для метания на близкое расстояние, стало копье. Копье позволило удерживать противника на расстоянии. Его использование сыграло существенную роль в развитии тактики боя. Применение копья в условиях раннегосударственных образований позволило выработать сомкнутый строй пеших воинов, который подчинялся строгой дисциплине и действовал благодаря синхронности движения воинов как единое целое [2, с. 62].

Поскольку изготовление оружия было всегда наиболее передовой отраслью производства, для его выделки использовались лучшие, часто редкие привозные материалы. Поэтому оружие обычно было относительно дорогим, что еще больше повышало его роль в глазах владельца. Наряду с обычным появилось парадное оружие. Парадное оружие стало, прежде всего, знаком отличия, высоты социального положения. Такое оружие, обладая всеми боевыми свойствами обычного оружия, отличалось от него лишь ценностью материала отделки и трудоемкостью изготовления [2, с. 9].

Какими причинами вызывались войны в условиях цивилизации? С определенными оговорками по этому вопросу можно согласиться с мнением Э. Фромма, который считает, что от царей Вави-

лона и правителей Греции до государственных деятелей современности «все и всегда планировали свои войны, исходя из самых реальных оснований, тщательно взвешивая все за и против» [12, с. 183]. Причем мотивы войн были самые разные: земля и их полезные ископаемые, возбуждающие алчность богатства и рабы, рынки сбыта и сырья, экспансия. Спровоцировать военные действия могли и такие исключительные, нетипичные факторы, как жажда мести или разрушительная ярость малого народа [8, с. 183]. Наряду с перечисленными следует учитывать и другие факторы [15, 17, 21], в том числе природу самого человека [6, с. 32].

Чтобы защитить своих обитателей от нападения, начинают возводиться крепостные сооружения [5, с. 437–444]. Такие сооружения представляли подлинный щит против наступления неприятеля и, чтобы блокировать их, ему приходилось отвлекать значительные силы. Крепости выступали не только как тактические опорные пункты, но и как гостеприимные дома, как убежища для разбитых отрядов, обеспечивая безопасность и возвращая самообладание тем, кто испытывал чувство страха. Кроме того, являясь хранилищами запасов, накопленных за продолжительное время в прошлом, крепости обеспечивали своих защитников необходимым продовольствием на случай длительной осады в настоящем и в будущем. Со временем они обрели столь важное стратегическое значение, что военные кампании стали направляться не на то, чтобы уничтожить противника, а на взятие тех или иных крепостей.

Вместе с искусством строительства крепостей изобретались средства и вырабатывались приемы их захвата. С точки зрения времени, необходимого для взятия крепостей, основными приемами овладения ими стали штурм и осада. Причем если при штурме использовались тараны и штурмовые лестницы, то при осадах применялись подвижные башни и окопы, а также возводились земляные насыпные валы с тем, чтобы господствовать над стенами осажденных городов.

Революционные последствия для военного дела имело создание конного войска. Хотя шумеры уже в III тыс. до н. э. использовали в военных целях повозки, запряженные онаграми, тем не менее они являлись скорее средством передвижения аристократической части войска, чем боевой ударной силой. С созданием конно-колесничного войска положение радикально изменилось. Колесница придавала ударной части армии высокую мобильность и позволила с налета расстраивать пехотные формирования противника на поле боя. Однако слабостью колесниц оставалась их высокая уязвимость и непрочность.

Война имела не только технологическое, но идеологическое и интеллектуальное измерения. Пожалуй, одну из самых ранних попыток философско-исторического осмысления войны можно обнаружить в работах мыслителей древнего Китая. Конфуцианский идеал рациональности, непрерывности и поддержки социальных институтов заставил искать средства подчинения воинственного импульса, ограничения его законами и обычаями. Однако в условиях внутренних беспорядков и вторжений номадов этот идеал не мог оставаться неизменным. Не случайно наиболее устойчивой чертой китайской военной жизни стала модернизация, причем направленная скорее на сохранение культурных форм, чем на завоевание чужих территорий.

Характер войны на Востоке отличался рядом специфических особенностей. Для восточного стиля ведения войны были характерны организация непрямых военных действий, уклонение от столкновения с противником, отсрочки от вступления в бой. Конные воины предпочитали сражаться на дистанции, используя лук и стрелы, не входя в непосредственный контакт с противником. Столкнувшись с решительным сопротивлением, они предпочитали отойти, рассчитывая больше на изнурение противника, чем на победу, одержанную в одном решающем сражении.

Уже в древности было известно, что успех военных действий во многом зависит от продолжительности войны. Как

отмечал Сунь-цзы, «война любит победу и не любит продолжительности» [10, с. 47]. Длительная война отвергалась полководцами, прежде всего потому, что она невыгодна. При такой войне неминуемо возникали финансовые затруднения. Затяжная война также сопровождалась огромными материальными потерями, упадком народного хозяйства, обнищанием населения. Кроме того, на этой почве возникали внутренние осложнения. Наконец, при длительной войне происходило ослабление боевой мощи самой армии. Такая война сопровождалась большими человеческими и материальными жертвами, что подрывало силу армии.

Открытие и использование железа ознаменовало начало новой революции в военном деле, которая произошла в античной Греции. Но, пожалуй, не менее существенным оказалось изменение отношения к противнику. В проходивших сражениях не зафиксировано попыток греков уничтожить противника после его поражения.

Изначальной целью греческой экспансии были не столько торговля или обретение новых, пригодных для сельского хозяйства земель, сколько систематический грабеж прибрежных территорий. [19, р. 95–96].

Освободившись от стиля войны, унаследованного от первобытных времен, греки стали использовать новую практику пешего боя — сражаться с противником «лицом к лицу» насмерть [18, р. 389]. По сравнению с боевой этикой Востока, ориентированной на целесообразность и личное выживание, боевая этика греков была нацелена на обретение славы, а уклонение от боя считалось позором.

В Греции зародилась и фаланга, прославившаяся в ближнем бою. Сила такой фаланги заключалась не только в мужестве и вооружении отдельных воинов. Она определялась, прежде всего стойкостью целого, сплоченностью фаланги как тактической единицы. И хотя в бою могли непосредственно участвовать не более двух первых рядов фаланги, тем не менее остальные шеренги использовались для немедленной замены выведенных из

стройка бойцов. Кроме того, даже своим непосредственным присутствием другие воины оказывали существенную моральную поддержку бойцам, сражавшимся в первых рядах.

Следует отметить, что боеспособность фаланги во многом зависела от сохранения порядка в ее рядах. Чтобы обеспечить его, воины шли обычно в такт мелодии флейтистов, которые двигались впереди фаланги. Подчинение воинов установленному ритму движения во времени позволяло сохранить структуру фаланги в пространстве.

Первоначально греки сражались, соблюдая линейный боевой порядок, при котором силы фаланги были равномерно распределены по ее фронту. Однако в дальнейшем они стали использовать новый боевой порядок, в основе которого лежал принцип сосредоточения превосходящих сил на направлении главного удара [8, с. 191]. С этого времени не надо было добиваться поражения врага в каждой точке боевой линии, так как успех в решающем пункте предreshал исход боя.

Македонская фаланга строилась теснее, чем греческая. Она была вооружена длинными копьями, что позволяло использовать в бою одновременно оружие нескольких шеренг. Если такая фаланга занимала оборонительную позицию, то в ошетинившуюся массу копьеносцев проникнуть было почти невозможно [3, 156–157].

Организация фаланги была доведена до совершенства легионерами Рима. Введенная ими система манипул обеспечивала высокую тактическую маневренность на поле боя. Основная задача манипулярного строя состояла в том, чтобы при наступлении поддерживать прочную связь между отдельными манипулами. Как только в передних рядах войска образовывались разрывы, они тотчас заполнялись манипулами, выдвигавшимися из следующей линии. Римляне не только разделили войско на манипулы, но и объединили их в когорты. Когорты представляли собой самостоятельные тактические единицы, начальники которых непосредственно подчинялись полковод-

цу. Как видим, римское войско было не просто массой воинов, а многообразным социальным организмом. Римлянам удалось не только расчлнить свое войско на части, но и объединить их в более крупные тактические единицы.

В чем состояли преимущества манипулярного построения перед фалангой? Сравнивая римский манипулярный строй с македонской фалангой с точки зрения места и времени, Полибий показал, что сильная сторона фаланги заключалась в ее натиске и неуязвимости с фронта. Однако неровности местности, разные естественные препятствия, а также неравномерная сила сопротивления противника приводили к разрыву сплошного фронта фаланги, создавали для противника благоприятные условия для обхода ее с флангов и атак с тыла. Преимущество римского боевого строя по сравнению с фалангой заключалось в том, что каждый его воин в любом месте в любое время был в одинаковой мере подготовлен ко всякой неожиданности [7, с. 305].

Римские полководцы смогли проводить не только более обширные, но и более продолжительные военные операции, чем греческие. Основой таких операций стали римские укрепленные лагеря. Укрепленный лагерь устраивался римским войском после каждого дневного перехода. При чем лагерь служил не только основой для нападения, но и убежищем на случай проигранного сражения. Как отмечал Вегеций, «если лагерь устроен как следует, воины настолько спокойно могут проводить внутри укреплений и дни, и ночи, даже если их осаждают враги, как будто они повсюду носят с собой защищенный стенами город» [1, с. 242].

Каждый военный лагерь имел четырехугольную форму и был отделен от внешнего мира валом с частоколом и рвом. Пространство лагеря было четко структурировано. В центре лагеря находилась палатка полководца, а все военные подразделения занимали строго определенные места. Поскольку лагерь пересекали «улицы» и определенные знаки указывали направление движения, выступление из лагеря и возвращение

в него совершалось в естественном порядке без какого-либо замешательства воинов [7, с. 22–30].

В процессе становления государства римлянам приходилось вести непрерывные войны. И хотя вначале они нередко терпели поражения, тем не менее за несколько столетий в ходе непрерывных войн у них сформировались такие военные качества, как умение оправляться после тяжелых поражений, упорство, выдержка и строгая дисциплина. В этих войнах вырабатывалась и римская стратегия, которая состояла в умении сосредоточивать свои собственные силы в решающем месте и в решающее время.

Превосходство римской военной организации обеспечивалось, прежде всего, за счет высокой дисциплины. Неповиновение, трусость, дезертирство карались смертью нарушителей порядка. Основу такого порядка составляли учет и контроль. В римском войске велись книги и производились записи не только выдачи жалованья, но и служебных перемещений, командировок и отпусков. Военная дисциплина, основанная на строгом соблюдении порядка, имела существенное значение для организации римского войска. Строгая дисциплина соединила, спаяла воинов в единое целое. При этом, как отмечал Дельбрюк, единая воля настолько прочно властвовала над ними, что «даже душевные волнения и угроза смерти в сражениях не могут их разъединить» [3, с. 338].

Но, пожалуй, самой важной новацией римлян стал введенный ими порядок подготовки и проведения войны. Он включал бюрократически регулируемый набор новобранцев, их организацию, систему приказов и налаженное снабжение. Такая военная организация способствовала достижению целей войны самым безжалостным образом.

Хотя многие из черт, характерных для римской военной системы, стали достоянием современности, тем не менее вряд ли следует преувеличивать уровень рациональности воинственной культуры римлян. Имперское поведение римлян показывает, что в военных делах пер-

спектива определялась в большей мере желанием славы, чем стратегической теорией [18, р. 277]. Их политическая рациональность не выработала стратегии, рассчитанной на долговременное существование, направленное против вторжений варваров.

Пока войны были непродолжительными и происходили вблизи от мест проживания участников сражений, для их ведения использовалось гражданское ополчение. Однако участие в дальних и продолжительных походах все чаще приводило к разорению крестьянских хозяйств. Кроме того, частые и дальние войны требовали большего, чем прежде, профессионального мастерства, которого уже не хватало рядовым земледельцам. Поэтому для участия в таких войнах все шире начинают привлекать наемников, которые были лучше обучены и более дисциплинированы, чем гражданское ополчение, и сделали военное дело своей постоянной профессией [9, с. 654].

Победоносные завоевательные войны способствовали смягчению социальных противоречий Рима. Захват новых земель и их колонизация давали возможность улучшить материальное положение низших классов за счет присвоения богатств, ограбления побежденных народов.

Войны были весьма дорогостоящим предприятием. Они опустошали казну и тяжелым бременем ложились на провинции. Вместе с тем добыча, особенно в виде драгоценных металлов и рабов, была наиболее очевидной компенсацией военных издержек. Кроме несомненных экономических выгод, военная добыча заключала в себе огромную престижную ценность, символизируя унижение врага [19, р. 151–152].

Мотивы поведения римлян были связаны с определенной системой ценностей. В основе этой системы лежала забота о статусе или «честь» империи. Символические проявления уважения и подчинения со стороны врагов были целью политики. Однако высокомерие или оскорбление с их стороны являлись немедленными и законными поводами к

войне. Устрашение и месть выступали инструментами поддержания имиджа империи [19, р. 22–23].

Если в период республики, согласно идеалу, каждый гражданин был одновременно и земледельцем и воином, то легионер эпохи империи был только профессиональным солдатом. Произо-

шла структурная перестройка общества. На смену интегрированному обществу, в котором различные функции распространялись на весь гражданский коллектив, пришло дифференцированное общество, в котором различные функции становятся сферами деятельности специализированных групп [16, р. 164].

Литература

1. Вегеций Ф. Краткое изложение военного дела // Вестник древней истории. М., 1940. № 1. С. 231–293.
2. Горелик М. В. Оружие Древнего Востока, IV тысячелетие — IV в. до н.э. М.: Наука, 1993.
3. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1.: Античный мир. СПб.: Наука, 1994.
4. История первобытного общества: В 3 т. / Ред. кол.: Ю. В. Бромлей (отв. ред.) и др. М.: Наука. Т. 2: Эпоха первобытной родовой общины / В. П. Алексеев, Ю. И. Семенов, Л. А. Файнберг и др. 1986.
5. Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгарт, 2007.
6. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. М.: Изд. группа «Прогресс»; Универс, 1994.
7. Полибий. Всеобщая история: В 40 кн.: [В 3 т.] / Пер. с греч. СПб.: Наука; Ювента, 1994–1995. Т. 2. 1995. С. 305.
8. Разин Е. А. История военного искусства: В 3 т. М.: Воениздат, 1955–1961. Т. 1. 1955.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
10. Сунь-цзы Искусство войны. М.: Изд-во Центрполиграф, 2011.
11. Философия и военная история / Е. И. Рыбкин, В. Т. Логин, В. К. Абрамов и др.; Отв. ред. С. А. Тюшкевич. М.: Наука, 1979.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
13. Эпос о Гильгамеше. («О все видавшем»). СПб.: Наука, 2006.
14. Blantly Q. The causes of war. N.Y.: Free Press, 1988.
15. Child V. G. What happened in history. N.Y.: Penguin books, 1965.
16. Cornell T. The end of Roman imperial expansion // War and society in the Roman world / Ed. by Rich J., Shipley G. L.; N.Y., 1993.
17. Kagan D. On the origins of war and the preservation of peace. N.Y.: Doubleday, 1995.
18. Keegan J. A. A history of warfare. N.Y.: Knof, 1994.
19. Mattern S. P. Rome and enemy: Imperial strategy in the principate. Berkely etc., 1999.
20. Rihll T. War, slavery and settlement in early Greece // War and society in the Greek world / Ed. by Rich J., Shipley G. L. N.Y., 1995.
21. Suganami H. On the causes of war. Oxford, England: Clarendon Press; N.Y.: Oxford univ.press, 1996.
22. Wright Q. War // International encyclopaedia of the social sciences / Ed. D. L. Sills. Vol. 10. N.Y.: Macmillan and Free Press, 1968. P. 386–395.

References

1. Vegetsy F. Kratkoe izlozhenie voennogo dela // Vestnik drevney istorii. M., 1940. N 1. C. 231–293.
2. Gorelik M. V. Oruzhie Drevnego Vostoka, IV tysyacheletie IV v. do n.e. M.: Nauka, 1993.
3. Delbruk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii. Vol. 1: Antichnyi mir. SPb.: Nauka., 1994.
4. Istoriya pervobytnogo obschestva: In 3 vol. / Red. kol.: U. V. Bromley (otv. red.) i dr. M.: Nauka. Vol. 2. Epoha pervobytnoy rodovoy obschiny / V. P. Alecsseev, U. I. Semenov, L. A. Faynberg i dr. 1986.
5. Klauzevits K. O voyne / per. s nem. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2007.
6. Lorents K. Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo») / per. s nem. M.: Izd. Gruppa «Progress», Univers.

7. *Polibiy. Vseobschaya istoriya.* In 40 kn.: [In 3 vol.] / per. s grech. SPb.: Nauka; Uventa, 1994–1995. T. 2. 1995. S. 305.
8. *Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva: V 3 t.* M.: Voenizdat, 1955–1961. T. 1. 1955.
9. *Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* / per. s angl. M.: Eksmo, 2007.
10. *Sun-tszy Iskustvo voyny.* M.: Izd-vo Tsentrpoligraf, 2011.
11. *Filosofiya i voennaya istoriya* / Rybkin E. I., Login V. T., Abramov V. K. i dr.; Otv. red. S. A. Tushkevich. M.: Nauka, 1970.
12. *From E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti.* M.: Respublika, 1994.
13. *Epos o Gilgameshe. (O vse vidavshem).* SPb.: Nauka, 2006.
14. *Blantly Q. The causes of war.* N.Y.: Free Press, 1988.
15. *Child V. G. What happened in history.* N.Y.: Penguin books, 1965.
16. *Cornell T. The end of Roman imperial expansion // War and society in the Roman world* / Ed. by J. Rich, G. L. Shipley. N.Y., 1993.
17. *Kagan D. On the origins of war and the preservation of peace.* N.Y.: Doubleday, 1995.
18. *Keegan J. A. A history of warfare.* N.Y.: Knof, 1994
19. *Mattern S. P. Rome and enemy: Imperial strategy in the principate.* Berkely etc., 1999.
20. *Rihll T. War, slavery and settlement in early Greece // War and society in the Greek world* / Ed. by J. Rich, G. L. Shipley. N.Y., 1995.
21. *Suganami H. On the causes of war.* Oxford, England: Clarendon Press; N.Y.: Oxford univ.press, 1996.
22. *Wright Q. War // International encyclopaedia of the social sciences* / Ed. D. L. Sills. Vol. 10. N.Y.: Macmillan and Free Press, 1968.

А. И. Кугай

A. I. Kugay

Пространство репрессивной логократии

Space of a Repressive Logocracy

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры политологии.
Доктор философских наук, профессор
Kugay3@yandex.ru

Ключевые слова:

логократия, диктат языка, языковой террор,
логофобия, феминизм, насилие, репрессив-
ная морфология

Статья обращается к репрессивным аспек-
там современной логосферы, раскрывает
генезис и формы воплощения репрессивной
логократии и логофобии.

Мировая научная мысль уже не одно десятилетие живет под знаком изучения символической реальности, движущей силой которой выступает язык. И это очевидно, поскольку в эпоху электронной коммуникации на первый план выходит не язык власти, а власть языка — логократия, которая определяет язык власти.

Однако существование и развитие языка — отнюдь не безобидное явление. Язык не только защищает, но и обличает человека. Почему не говорят: «Язык — мой друг»? Большинство пословиц и поговорок о языке — плохих: «Прикуси язык», «Держи язык за зубами», «Не болтайте ерунду», «С языка сорвалось», «Слово не воробей: вылетит — (посадят!?) не поймаешь», «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», иначе — «Язык мой — враг мой». И напротив — «Молчание золото», поскольку, с одной стороны, оно скрывает желание, с другой стороны, как в известном афоризме — «Лучше молчать и слыть недоумком, чем заговорить и развеять все сомнения», и, наконец, в-третьих, слово очень ограничено в вы-

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
Kugay3@yandex.ru

Key words:

logocracy, dictate the language, the language
of terror, logophobia, feminism, violence, repres-
sive morphology

The article refers to the repressive aspects of mod-
ern logosphere reveals the genesis and repressive
forms of embodiment and logocracy logophobia.

ражении чувств, молчание и движение «говорят» нам гораздо больше, ведь они бесконечны в своем проявлении. Можно сказать, что слово создает проблемы, а молчание их решает. «Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу». (В. С. Черномырдин).

Вполне очевидно то, что язык, прежде всего, выражается в его продуктивных свойствах, в способности противостоять различным проявлениям несправедливости и насилия в отношениях между людьми. В этом смысле, например, конечной целью судебного заседания является содействие общественному миру благодаря торжеству языка над насилием. Очевидно и то, что в борьбе с мировым злом точечное мышление зачастую оказывается эффективнее точного бомбометания.

Вместе с тем, для нас не меньший интерес представляет репрессивная логократия. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, «насилие» — отнюдь не прозрачный термин. Мы ничего не можем сказать о насилии как таковом, будучи в то же время окружены его множественными репрезентациями в куль-

туре, первой из которых является вербальный язык. С другой стороны, к сожалению, «нам как следует не известны ни физика, ни диалектика, ни стратегия нашей логосферы — при том что каждый из нас ежедневно подвергается тем или иным видам языкового террора» [1, с. 538].

Чем же обусловлена эта боевая сила, воля к господству, присущая дискурсивной системе? Каковы формы репрессивных лингвистических построений?

Известно, что между дискурсивными системами складываются не столько «родственные» отношения, а сколько отношения, построенные на силе. История классической философии свидетельствует о том, что самое оригинальное мышление было основано отнюдь не на любви, а скорее — на ненависти. Это мышление агрессивное, «через прищур в прицел». Обратитесь к рассуждениям Гегеля, Шопенгауэра, Маркса, Ницше, Рассела и иных незаурядных представителей сильных языковых систем, и вы найдете в них подтверждение их радикальной нетерпимости к оппонентам, нередко доходящей до прямого оскорбления. Так же в наших отношениях с окружающими, зачастую победу одерживает не самый практичный, а самый речистый — оратор, умеющий увлечь людей, сладкоголосый обольститель и т. д.

Что собой представляет сильная языковая система? Внешняя экспозиция ее уподобляется представлению, своеобразному театральному зрелищу. Она манифестирует устойчивые аргументы, приемлемые формы защиты и нападения, забытые формулы, типа: божественное — смертное, небесное — земное, базис — надстройка, возбуждение — подавление, структура — функция, конструкция — деконструкция» и т. д. Формы дискурса конструируются таким образом, чтобы сообщить социолекту абсолютную плотность, замкнутость и оградить систему, решительно изгоняя из нее противника, либо включить другого в свой дискурс в качестве простого объекта, чтобы тем самым исключить его из общества говорящих на сильном языке.

В конечном счете, сильная языковая система — такая, которая способна функционировать в любых условиях, сохраняя свою энергию вопреки ничтожности реальных носителей языка, которая способна «свалить» противника.

Обращаясь к данной проблеме, заметим, что язык уже сам по себе обладает «фашистской» природой, блокирующей, как наше отношение к бытию (поскольку мы живем в пространстве языка, в котором мир и человек уже затребованы к определенному способу взаимораскрытия), так и выражение бытия (в этом смысле, по меткому определению Ж. Деррида, «слово есть труп психической речи» [7, р. 133]). Более того, «...сегодня язык сам становится инструментом контроля даже там, где он сообщает не приказы, а информацию, где он требует не повиновения, а выбора, не подчинения, а свободы» [3, с. 134].

Может показаться на первый взгляд, будто «насилие обрушивается на невинный язык извне, застает его врасплох, так что язык переживает эту агрессию письма как свое случайное бедствие, поражение, крах» [2, с. 247]. Однако, скорее всего, насилие присутствует в языке до и даже безотносительно к своим конкретным проявлениям в мире. Изначальное насилие языка, которое всегда уже есть письмо, Ж. Деррида назвал «насилием буквы» — первичное насилие, ранее других овладевающее присутствием, идентичностью и истиной, или правильно-стью¹. Как заметил И. А. Бродский: «Кто-

¹ Связь письма с насилием Деррида проявляет на примере, заимствованном из работы К. Леви-Стросса «Печальные тропики» (глава «Урок письма»): запрет на имена собственные в письме — это вычерк, насилие (буквы) над «собственным», над самой возможностью называть некое наличное уникальное существо. Насилием в письме является любое табу, т. е. грамматическое или синтаксическое правило, равно как и необходимость классификации упорядочения (мира и языка) в определенную систему. «Помыслить уникальное внутри системы, вписать его в систему — таков жест прото-письма: это прото-насилие...» (см.: Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 247).

кто, а поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка, что не язык является его инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования»¹.

Власть, заключенная в языке, зачастую незаметна нам потому, что от нас ускользает то обстоятельство, что всякий язык классифицирует, а классификация несет в себе тиранию и искажение действительности. Более того, уже сама фраза как замкнутая синтаксическая структура выступает своеобразным боевым оружием, не говоря уже об определении, которое по своему существу есть негация, ограничение. Внешне это выражается тем, что во всякой законченной фразе, в ее утвердительной форме присутствует что-то угрожающее, императивное; потерянности же субъекта, боязливо повинующегося хозяевам языка, проявляется в неполных, слабо очерченных и неясных фразах. Отсюда можно заключить, что уже владение фразой является необходимым атрибутом власти: быть сильным — значит, прежде всего, договаривать до конца свои фразы.

Стратегия языка развивается в рамках основной стратегии власти, которая всегда заявляет — «я естественна, я имею только потребительную стоимость». Неслучайно поэтому, по мнению Ф.М. Достоевского, «люди больше всего боятся нового шага, нового, собственного слова они больше всего боятся» [4, с. 3]. Неслучайно и то, что слова, которые произносят герои кафковских романов (тот же Грегор Замза, ставший насекомым [5]), пожирают их. В этих случаях язык обладает каннибальской природой. Произносимое по мере произнесения начинает пожирать произносящего, вырывая из него «куски сырого мяса» и заставляя их проглатывать. Страх перед произнесением, своеобразные артикуляционные катастрофы переживает Грегор Замза, ведь всякое

слово обречено быть неверно произнесено, а следовательно, осуждено. «Сомнения кольцом окружают каждое слово, я вижу их раньше, чем само слово» (Ф. Кафка).

Логофобия — страх перед дискурсом, угрожающим общественному порядку и власти — сопровождает политическую историю. Уже Платон полагал, что как только пение достигает своей цели и его влияние более не контролируется разумом, это ведет к дезинтеграции социальных структур: не только государственных, но и семейных. Такова сфера голоса, выходящая из-под контроля. Например, один из старейших законодательных актов Китайской империи направлен против того же; он ставит задачей обеспечить контроль над тем, что люди поют. Далее наступает Средневековье — не находите ли вы интересным то, насколько священники в VII–VIII вв, т.е. в наиболее темное Средневековье, были буквально одержимы проблемой того, как надо петь? Идея была в том, что голос должен следовать написанному слову. Этот момент, а именно то, что голос был также репрессирован письмом, его можно наблюдать со времен греческой античности, имел в виду и Жак Деррида [2].

Взрыв общественного негодования вначале в США, впоследствии в европейских странах вызвала вышедшая в 2003 г. книга Даяны Равич «Языковая полиция: как группы влияния ограничивают обучение студентов», повествующая о том, как американскими издателями из учебников для школ и колледжей, из соображений политкорректности, изымаются определенные слова и словосочетания. Всего в книге приведено более 500 «нежелательных» языковых единиц, среди которых значатся: «Бог», «старик», «слепой», «варвар», «книжный червь», «малыш», «мальчишеская фигура», «имеющий врожденный недостаток». Слово «черт» исключается как слишком резкое, «Бог» — как слишком религиозное. Например, в литературной антологии, допущенной в школах штата Теннесси, заменены: «О, Бог!» на «О, бум!» («O God!» / «O gum!»); «Боже мой!» на «Вы не имели этого в виду!». А в штате

¹ Бродский И. А. Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. URL: // <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt> (дата обращения: 30.09.2012).

Нью-Йорк в школах запрещено упоминать слово «еврей» в рассказе Айзека Башеви-са Зингера о польских евреях перед Второй мировой войной. Употреблять слова «яхта» и «поло» считается неэтичным по отношению к людям, которые не достигли соответствующего уровня материального благополучия. Активно изымаются слова, которые указывают на возраст, половую или расовую принадлежность. В качестве одного из примеров результатов такой «политкорректности» Равич приводит название повести Эрнеста Хэмингуэя «Старик и море». Учитывая политику издателей, употреблять такое словосочетание совершенно неприемлемо: «старик» некорректно указывает на возраст, а «море» вызывает негативные эмоции у людей, которые никогда моря не видели [6].

Насилие — это препятствие быть услышанным. Данное определение универсально. Ведь основная цель всех насильников — от казарменных дедов до машины репрессивного государства — лишить жертву слова.

В садистском коммуникативном пространстве, за исключением убийства, слово является, быть может, единственной кастовой привилегией, не теряющей никаких поблажек. Господин — это тот, кто говорит, кто полностью располагает речью, объект — это тот, кто молчит, кто лишен всякого доступа к ней. Либертену подвластна вся речевая гамма — от безмолвия, в котором осуществляется глубинный, теллурический эротизм «замкнутого пространства», до речевых конвульсий, которыми сопровождается экстаз. Отрезанность же слова для жертв оказывается более абсолютным увечьем, нежели все эротические пытки, испытываемыми ими.

Особое место занимают репрессивные языковые структуры в горизонте гендерных отношений, в которых мужская доминанта явственно проступает в дискурсивном оформлении «насилия». Это выражается в отождествлении логики научного мышления с мужским началом, а предметной сферы — с женским. Тезис «знание — сила» освящает желание ученого «овладеть» или «проникнуть» в тайны природы. Иначе насилие над

женщиной и насилие над природой — в риторике зачастую выступают как явления однопорядковые, агрессивности которых, как правило, в силу привычки, не бросается в глаза. В этом смысле, видимо, современная женская стратегия оказывается наиболее эффективной. Ее представители сегодня являют собой не столько борцов за политические права (концепт того, что мужчины заперли дома женщин — уже пройденный этап), они заняты рафинированной деконструктивистской работой. По мнению сторонников феминизма, мужское господство коренится в языке, поскольку многие категориальные смыслы — даже такие как любовь, дружба и милосердие — пропитаны духом маскулинизма и в той или иной степени связаны с идеалом мужской силы и воинской доблести. А посему известному изречению: «Все люди — братья!» они противопоставляют не менее радикальный девиз: «Все люди — сестры!».

Отсюда стоит ли удивляться той скандальной реакции «левых» сил на события 11 сентября, констатирующих, что башни Всемирного торгового центра являлись двумя фаллическими символами, которые только и ждали того, чтобы их «кастрировали».

Обратимся к наиболее распространенным формам репрессивных языковых конструкций.

Аналитическое предсказание. В этом случае значимое существительное почти всегда сверено с «разъясняющими» прилагательными. Индивиду и в голову не приходит мысль о возможности принципиально иных пояснений существительного. Поэтому в качестве ключевых терминов этого языка выступают гипнотические существительные, вызывающие в памяти всегда одни и те же «замороженные» предикаты. Например, «лица кавказского происхождения» (склонные к агрессивному поведению), «бомжи» (опустившиеся люди).

Свертывание и сокращение синтаксиса, блокирующего развитие смысла путем фиксированных образов, которые навязываются с ошеломляющей конкретностью. Например, рекламная техника

утверждает яркий образ, который прилипает и к предмету мысли, скрывая волю к власти (слоган: «Голосуй сердцем!»), либо «либеральная цивилизация» (подразумевается, естественно, исключительно западная, при этом игнорируется то, что в иных культурах имеются свои представления о свободе), «патриотическое движение» (следовательно, иные политические организации преследуют антинародные цели).

Манипуляция людьми осуществляется, например, с помощью таких эвфемизмов, заменяющих грубые номинации, как «миротворческие операции» (на самом деле — «гобелен» прагматизма и ковровые бомбардировки), или «сделаны оргвыводы» (обозначение репрессивных мер, примененных к какому-нибудь работнику), нейтрализовать (= «перебить, уничтожить»). Так же лагерь или тюрьма в административно-деловом жаргоне называется «учреждением». Манипуляция проявляется также в мнимом устранении реальной дистанции до объектов воздействия. Отсутствие расстояния легко покупает индивида, доставая его в неформальной атмосфере. Этой фамильярности способствует персонализированный язык: «ваш магазин», «ваша газета» и т.д. В этой манере навязываемые, стандартизированные вещи преподносятся как будто «специально для вас».

Парадоксы и метафоры, несущие гармонию противоположных взаимоисключающих либо однородных явлений. К примеру: «Отец водородной бомбы». В этом случае воздействие подобно магии и гипнозу. Это значит, что Отец, родоначальник жизни, производит то, что ее уничтожает. Сюда можно отнести испытанную американцами в марте 2003 г. бомбу, названную «матерью всех бомб», а также издевательскую речь инквизитора к обреченному на мучительную смерть: «Скорее в мои объятия, брат мой, дай утешить тебя...», «Завтра казнь — привычный пир народу...» (А. С. Пушкин). Или обратите внимание на то, как «пикантно» именуются современные системы ракетного и артиллерийского вооружения: «Луна», «Пион», «Гвоздика», «Тюльпан», «Ва-

силек», «Акация», «Гиацинт», «Тополь», «Буратино», либо возвышенно — «высшая мера социальной защиты» (расстрел в годы сталинских репрессий).

Аббревиатуры обозначают только то, что подвергается институализации, для того чтобы отторгнуть посторонние коннотации. Значение монтируется, фиксируется и всякий раз всплывает целиком. Власть разрабатывает изощренную систему эвфемизмов и своего рода «закодированных» аббревиатур, затемняющих правду. Неслучайно, например, НКВД—МГБ—КГБ получило устойчивое эвфемистическое наименование «компетентные органы». Чего стоила знаменитая формулировка, фигурировавшая в официальных извещениях НКВД в годы Большого террора: такой-то осужден по 58 статье на 10 лет лишения свободы без права переписки, что служило синонимом слова «расстрел». В результате жены и дети репрессированных напрасно годами ждали весточки о давно погибшем кормильце.

Медиализация языка. За широким внедрением медицинской лексики в политическую сферу стоит стремление власти убедить людей в подлинном отражении состояния дел в обществе и, следовательно, в правильности мер по его спасению («Страна тяжело больна», «шоковая терапия», «раковая опухоль», «удалить нарыв», «помощь донора» (МВФ) и т.д.).

Технизация языка выражается в активной экспансии технических терминов в сферу межчеловеческих отношений и широко используется в системе власти, в которой люди совершенно не нужны. Еще бы, «Молот мне, и я любого в своего перекую!» (В. С. Высоцкий). Логика эволюции репрессивного внедрения технических языковых конструкций в область гуманитарных отношений соразмерна логике научно-технического прогресса, содействуя более эффективному внедрению власти в тело подконтрольного социума. Отсюда и характерные понятия: «отсечение», «перековка», «ломка», «выпекание», «формование», «прессование», «закручивание гаек», «классифицирование», «форматирование» и др.

Зооантропологизация языка. Для покушения на жизнь человека нужен свой, особый язык, помогающий его организовывать и обосновывать. Отсюда наиболее распространенный способ оправдания подавления воли человека заключается в присвоении ему соответствующих имен: хищника либо жертвы (в предельной стадии — насекомого: «Давить их надо, как клопов!»). В рамках этой пары и разворачиваются наиболее ожесточенные формы насилия. Характерное название террористических организаций: «Серые волки» в Азербайджане, «Алгетские волки» в Грузии, «Тигры освобождения» на Цейлоне. В Кизляре террористы также заявляли, что «пришли волки», очевидно, подразумевая жителей города «овцами». Природных хищников, которым люди стремятся подражать, издавна принято изображать на гербах государств. У Российской империи, а сейчас и в современной России, Германии, США — это орел, у Ирана (при шахе), Бельгии, Марокко — лев, причем

у Ирана он держит саблю. Многократно размноженные печатями, денежными знаками, эмблемами, данные изображения образно доносят до подсознания граждан хищническую направленность политики государства.

Несомненно, перечень репрессивных лингвистических построений можно продолжить. Но за их разнообразием явно просматривается общее сходство: репрессивный язык с его специально или произвольно установленными терминами блокирует мышление, не давая проникнуть в сущность определяемых словами вещей и событий. Он изъясняется посредством конструкций, навязывающих искаженный смысл, заставляя принять только данное, и именно в данной форме. Под воздействием данных факторов язык и обретает свою разрушительную системную силу, утрачивая свою основную функцию — осуществления понимания, и содействует не солидарности и любви, а отчужденности и неприятию в человеческих отношениях.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: AdMarginem, 2000. 512 с.
3. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: Refl-book, 1994. 387 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. М.: Художественная литература, 1983. 527 с.
5. *Кафка Ф.* Превращение // Ф. Кафка. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене. М., 1991. С. 292–337.
6. *Diane Ravitch.* The Language Police, How Pressure Groups Restrict What Students Learn, Alfred Knopf. N.Y., 2003.
7. *Derrida J.* Le théâtre de la cruauté et la clôture de la représentation // J. Derrida. Ecriture et la différence. Paris: Seuil, 1967. P. 341–368.

References

1. *Bart R.* The chosen works: Semiotics: Poetics / Edited by G.K. Kosikov. M.: Progress, 1989. 616 p.
2. *Derrida J.* About a grammatology; Translation from French and prolusion of N. Avtonomova. M.: AdMarginem, 2000. 512 p.
3. *Marcuze H.* One-dimensional person. M.: Refl-book, 1994. 387 p.
4. *Dostoevsky F.M.* Crime and punishment. M.: Fiction, 1983. 527 p.
5. *Kafka F.* Transformation // F.Kafka. Castle: Novel; Short stories and parables; Letter to the father; Letters to Milena. M., 1991. P. 292–337.
6. *Diane Ravitch.* The Language Police, How Pressure Groups Restrict What Students Learn, Alfred Knopf., N.Y., 2003.
7. *Derrida J.* The theatre of cruelty and fence of the representation // J.Derrida. Ecriture et difference. Paris: Seuil, 1967. P. 341–368.

И. Н. Белобородова

I. N. Beloborodova

Региональная структура государственного управления природопользованием Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в.

**Regional Structure of Public Administration of Environmental
Management of the European North of Russia
in the Middle of XIX — the Beginning of the XX century**

Белобородова Ирина Николаевна

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории и мировой политики
Кандидат исторических наук, доцент
bin2000@mail.ru

Ключевые слова:

региональное управление, традиционное при-
родопользование, природные ресурсы, соб-
ственность

В статье анализируется региональная систе-
ма управления природопользованием Евро-
пейского Севера России в условиях развития
буржуазных отношений пореформенного пе-
риода. Исследование показывает, что суще-
ствовало три уровня проблем в этой области:
слабое разграничение предметов ведения
и полномочий между различными органа-
ми власти, сложность межведомственного
взаимодействия и наличие различных видов
собственности на природные ресурсы.

Проблемы местного управления для ра-
ционального использования природных
ресурсов и интенсификации хозяйствен-
ного развития территорий в последнее
время все чаще становятся предметом
исследовательского интереса истори-
ков [4; 12]. Однако трудов, посвященных
комплексному освещению данной про-
блемы, на сегодняшний день не су-
ществует. Целью данной статьи являет-

Beloborodova Irina Nikolaevna

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate professor of the Chair of history and world
politics
PhD in History, Associate Professor
bin2000@mail.ru

Key words:

regional management, traditional natural resour-
ces tenure, natural resources, property

The regional management of the traditional
natural resources tenure under circumstances
of the development of the bourgeois relations
after the Great reforms 1860-ty years in the
Russian North region are analyzed. It is proved
that there were three levels of problems: poor
delimitation of powers between various au-
thorities, complexity of the interdepartmental
interaction and availability of the various kinds
of natural resources's property.

ся изучение структуры регионального
управления и использования природных
ресурсов в условиях социально-эконо-
мической модернизации России сере-
дины XIX — начала XX в. в трех северно-
русских губерниях: Архангельской, Во-
логодской и Олонецкой.

Одной из ведущих тенденций развития
регионального управления в имперской
России была дихотомия централизации

и децентрализации, особенно ярко проявившейся в пореформенный период [7]. «Устройство и ход нашего местного управления, — писал в 1883 г. К. Головин, — встречаются у нас, как известно, всеобщее и единодушное порицание. Трудно в России отыскать человека, который бы не имел повода пожаловаться хотя бы на одну из его сторон» [1, с. 4]. По его мнению, реформы 1860-х гг. сделали структуру местного управления, в том числе и в области природопользования, «слоистой». «Если бы можно было сравнить учреждения страны с постепенными наслоениями земной коры, мы охотно сказали бы, что русская провинция представляет собой несколько формаций, только не в последовательном их развитии, а формаций, перемешанных в беспорядке, как будто под действием вулканической силы», — писал он [1, с. 6].

Эта двойственность структуры регионального управления усложняла предметы ведения, делая характер их разграничения между представительными (земства) и исполнительными органами местной власти весьма произвольным.

Еще одной проблемой деятельности органов местного управления пореформенного периода следует признать стремление к обособлению (независимости) различного рода ведомственных учреждений на местах от губернского управления. «Отдельные центральные ведомства с замечательным усердием стремились к взаимной автономии и старались своим представителям в губернии обеспечить возможно полную независимость от губернатора... Губерния стала ареной борьбы между разными ведомствами несравненно более, чем между администрацией и земством» [1, с. 15].

Третьей проблемой в развитии структуры регионального управления и повышения ее эффективности, в связи с переоценкой подходов к вопросам различных форм собственности, их взаимодействия и, соответственно, способов и методов управления ими в пореформенный период, стал вопрос о собственности на природные ресурсы.

Описывая русское право собственности на «поземельные имущества»

через «право владения, пользования и распоряжения», К. П. Победоносцев выделяет две его основные формы: полной собственности и «право голый собственности, само в себе существующее в состоянии покоя, без материального выражения, без употребления в действительности» [9, с. 299].

В середине XIX в. в России, в том числе и на Европейском Севере, существовали четыре основные формы владения: государственная (казна), частная, общественная и удельная.

Право частной собственности на ресурсы территории (землю, лес, недра и, в редких случаях, воды) имели две категории населения Европейского Севера: дворяне-помещики и обельные вотчинники с крестьянами. Как та, так и другая категории были немногочисленны, а их собственность не играла ведущей роли в природопользовании региона.

Что касается собственности удела, то, в противовес наиболее распространенному в советской историографии подходу о том, что она являлась одной из разновидностей помещичьей (частной) собственности, более корректной представляется точка зрения, согласно которой удел занимал промежуточное положение между государственным и частным владением [5, с. 265; 2, с. 89].

Самым крупным собственником на природные ресурсы в целом по России и особенно на Европейском Севере была казна. В соответствии с этим, ведущую роль в управлении природопользованием отдельных территорий играл губернатор и его аппарат: губернское правление и канцелярия, состоявшие по ведомству Министерства внутренних дел (МВД). В утвержденном 22 июля 1866 г. Положении Комитета министров «О пространстве и пределах власти губернаторов» указывалось, что губернатор является высшей правительственной властью в губернии и получает «право производить во всякое время общую и внезапную ревизию»¹.

¹ О пространстве и пределах власти губернаторов // Полный свод законов Российской Империи. Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. 41. Отделение 1. № 43501. С. 953–954.

Губернское правление, осуществляя общее руководство хозяйственной и социальной жизнью в губернии, так или иначе было вовлечено в вопросы регулирования природопользования. Так, в штате гражданских губернаторов состояли землемеры: губернский, особый (в Олонецкой губернии — старший и младший) и уездные, отвечавшие за вопросы кадастрового учета, межевания земель в соответствии с приказами по Межевой части Министерства юстиции, землеустроительные работы в рамках Землеустроительной комиссии и разрешения земельных споров.

Еще одним органом местного управления, относящимся к ведомству Министерства внутренних дел, были губернские по крестьянским делам присутствия (ГКДП), созданные на Европейском Севере под председательством губернаторов на основании «Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г.¹ В состав присутствия входили управляющий губернской палатой госимуществ, губернский прокурор и чиновники удельного ведомства.

Среди многообразия функций, исполнявшихся присутствием, довольно значительный объем приходился на межевание и землепользование, развитие в губернии земледелия, животноводства, промыслов, торговли, проведение сельских ярмарок, арбитраж в земельных и имущественных спорах и спорах при семейных разделах, контроль за сельской администрацией, выборами представителей от крестьянства в административные и сословные органы, помощь в создании потребительских товариществ и сельских обществ. Кроме того, в ведении Архангельского ГКДП, в связи со спецификой природопользования губернии находились дела по колонизации Мурманского берега, разрешение хозяйственных, в том числе и земельных, споров между русским и коренным населением (саами и ненцами), с одной стороны, и россий-

скими подданными и североευропейскими колонистами (финнами, норвежцами, шведами) — с другой.

Одним из значимых должностных лиц регионального управления природными ресурсами, введенных Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях в структуру губернских и уездных по крестьянским делам присутствий, стал мировой посредник, в обязанности которого входила реализация крестьянской реформы в соответствии с местными условиями и, в частности, контроль за определением размеров наделов и урегулирование конфликтных ситуаций между помещиками и крестьянами.

Наследовали функции мировых посредников в области природопользования уездные съезды чиновников по крестьянским делам, введенные на основании Положения об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам от 27 июня 1874 г. — в Вологодской и Олонецкой губерниях — и Указа от 24 февраля 1881 г. «Об упразднении должности мировых посредников в Архангельской губернии»². Входившие в их состав уездные и участковые чиновники по крестьянским делам (с 1900 г. — уездные податные инспекторы), находясь ближе всего к объекту управления — природным ресурсам отдельных территорий, — могли принимать более взвешенные решения в области регулирования поземельных отношений между помещиками, уделом и крестьянами, осуществлять контроль за деятельностью органов крестьянского самоуправления, разбирать жалобы о нарушениях прав собственности и пр.

Централизаторские тенденции, а также сложность и многообразие объектов управления природными ресурсами, побуждали правительство на учреждение отдельного органа, который должен был

¹ Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. XXXVI. № 36660. С. 202–218.

² Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам // ПСЗРИ-2. Т. XLIX. Отделение 1. СПб., 1876. № 53678. С. 929–934; Об упразднении должности мировых посредников в Архангельской губернии // ПСЗРИ. Собрание 3 (ПСЗРИ-3). Т. LV. Отделение 1. СПб., 1884. № 61910. С. 950–951.

взять на себя роль единого управленческого учреждения в этой области. Им стало Министерство государственных имуществ (МГИ), созданное в 1834 г. (преобразовано в 1894 г. в Министерство земледелия и государственных имуществ, в 1905 г. — в Главное управление землеустройства и земледелия и в 1915 г. — в Министерство земледелия).

Согласно Учреждению Министерства государственных имуществ от 26 декабря 1834 г., из Министерства внутренних дел новому ведомству были переданы, в частности, дела «по части сельского хозяйства, как то: по виноделию, шелководству, садоводству, овцеводству и проч.; по утверждению обществ для разных предприятий к сельскому хозяйству относящихся и по заведованию таковыми обществами, ныне существующими; по разным изобретениям и открытиям по части сельского хозяйства»¹.

Созданное первоначально для управления государственными крестьянами ведомство после отмены крепостного права распространило свою деятельность на управление всеми государственными имуществами (землями, лесами, недрами) и на развитие отраслей сельского хозяйства. Министерство занималось распространением образцовых семян и земледельческих орудий, командировало молодых людей за границу для получения специальной подготовки, устраивало сельскохозяйственные и лесные выставки, издавало специальные газеты и журналы.

На местах, в том числе и на Европейском Севере, по Высочайшему Указу от 20 марта 1839 г. были открыты палаты государственных имуществ² (с 1866 г. — управления государственных имуществ³). Выступая на первом

торжественном собрании, посвященном этому событию, вологодский генерал-губернатор так определил важность момента: «Открытие Палаты государственных имуществ есть новый государственный подвиг, наиболее упрочивающий благосостояние народов, Монаршему Скипетру подвластных»⁴.

Для удобства управления Олонецкая губерния была разделена на четыре округа, Архангельская — на три, Вологодская — на восемь [5, с. 281–282].

В состав губернских, уездных и окружных палат государственных имуществ входили специалисты, чьи служебные обязанности напрямую были связаны с природопользованием: уполномоченные от казны по размежеванию земель, землемеры, лесничие соляные приставы и управители солеваренных заводов.

Специфический аграрно-промышленный характер природопользования Европейского Севера обусловил передачу в ведение МГИ и его региональных органов, помимо поземельных отношений и сельского хозяйства, регулирования вопросов, связанных с водопользованием.

Как писал в 1907 г. старший специалист по рыболовству Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия МГИ по поводу управления водными ресурсами России, «общее заведывание обширными рыбными, звериными и другими водными промыслами Империи (за исключением Финляндии) принадлежит Главному управлению землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия, имеющему в местах наиболее развитых промыслов особые органы или, по крайней мере, специальных чинов, приуроченных к соответственным управлениям государственных имуществ. Местные органы, помимо хозяйственного

¹ Постановления и предписания Правительства. О переданных из Министерства внутренних дел в Министерство государственных имуществ дел // Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1838. № 18. С. 156.

² Об открытии в некоторых губерниях палат государственных имуществ // ПСЗРИ-2. Т. XIV. СПб., 1840. № 12144. С. 265.

³ Общая переписка по вопросу преобразования управления государственными имуще-

ствами (упразднение окружных управлений) и в связи с этим переписка о штатах управления госимуществами Олонецкой губернии // Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 33. Оп. 70. Д. 71/355. Л. 13–14.

⁴ Открытие в Вологде Палаты государственных имуществ // Вологодские губернские ведомости (ВГВ). 1839. № 19. С. 152–153.

заведывания рыбными ловлями, в качестве весьма доходных казенных оброчных статей, следят при помощи специального рыбопромыслового надзора, в лице смотрителей рыболовства, за исполнением рыбопромышленниками ограничительных правил»¹.

На Европейском Севере России, где рыбные промыслы в целом имели большое значение в структуре традиционно природопользования, только в Архангельской губернии по Высочайшему повелению 29 марта 1899 г. при местном управлении государственными имуществами была учреждена особая должность заведующего рыбными и морскими звериными промыслами².

В других губерниях Европейского Севера России отдельного управления рыбными промыслами не сформировалось, а функции надзора исполняли несколько ведомств: МВД, МГИ, Управление уделом. В Олонецкой губернии значительный объем действий по регулированию спорных вопросов водопользования осуществляла Канцелярия губернатора. Например, в 1902 г. олонецкий губернатор вынужден был подключиться к пограничному спору с крестьянами соседней Архангельской губернии, которые «пришли в крайнюю бедность» из-за того, что жители низовьев р. Выг (Сороцкая волость) перегораживали реку своими заборами, не давая рыбе проходить дальше в верховья³. Уполномоченный сельским сходом Надвоицкого общества Лапинской волости Кемского уезда Архангельской губернии Ф. А. Костин просил начальника Олонецкой губернии «сделать распоряжение об определении границ устройства

заборов, дозволенных законом, если таковые окажутся, и о сносе и о воспреещении впредь устраивать заборы, где таковые не дозволены»⁴.

Собственность удела на водные ресурсы, наряду с общими правилами, регулировалась постановлениями местных удельных контор. Так, по решению съезда управляющих имениями Вологодского удельного округа, состоявшегося в Вологде в октябре–ноябре 1900 г., были установлены цены за билеты на рыбную ловлю населением в размере «1 руб. 25 коп. в год неводами и ставными сетями, и в 75 коп. для ловли частушками»⁵.

Помимо водных промыслов, регулирование водопользования на местах было связано с управлением водными путями, в том числе искусственными, маяками, спасательными станциями, мелиоративными работами и пр.

Одной из сложностей управления этой отраслью природопользования являлось сложное межведомственное распределение предметов ведения и полномочий. Например, управление маячной и лоцманской частями находилось в ведении Морского министерства, в рамках которого в 1837 г. был создан Гидрографический департамент, замененный по новому Положению об управлении Морским ведомством 1885 г. Главным гидрографическим управлением (ГГУ)⁶. Его основной задачей являлось обеспечение безопасности плавания, а с 1886 г. — создание метеорологической сети береговых станций и надзор за лоцманской службой. На местах эти функции выполняли гидрографические части на морях при главных командирах портов, преобразованные в 80-х гг. XIX в. в дирекции маяков и лоций.

На Европейском Севере в 1882 г. была создана Дирекция маяков и ло-

¹ Кузнецов Д. И. Современное положение рыболовства в России // 1907. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 33.

² Об учреждении Заведующего рыбными и морскими звериными промыслами в Архангельской губернии // ПСЗРИ-3. Т. XIX. Отделение 1. СПб., 1902. № 16685. С. 257.

³ Прошение о принятии мер против установления рыболовных заборов и заколов на р. Выг крестьянами Сороцкой волости // НАРК. Ф. 33. Оп. 70. Д. 74/366. Л. 46–46 об.

⁴ Там же. Л. 47 об.

⁵ Съезд управляющих имениями Вологодского удельного округа // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 740. Оп. 5. Д. 119. Л. 30–34.

⁶ Положение об управлении Морским ведомством // ПСЗРИ-3. Т. V. СПб., 1887. № 3023. С. 292–293.

ций Белого моря, в функции которой входило: ограждение морских и речных фарватеров и поддержание ограждения в исправности; устройство и содержание спасательных станций, маяков, туманных предостерегательных станций и опознавательных знаков; руководство лоцманским делом; сбор сведений для исправления карт, в том числе состояния льдов Белого моря; осуществление строительных работ по улучшению безопасности мореплавания по Белому морю и Северному Ледовитому океану и гидрографических работ в них; организация и снабжение гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана и пр.

Что касается лоцманской службы, то до 1890-х гг. она не имела единого управления. Так, онежские, кемские, керетские и некоторые другие беломорские лоцманы находились в распоряжении администрации лесопильных заводов. Общество Архангельских портовых лоцманов с 1862 г. состояло под управлением «капитана над Архангельским портом, а в навигационное время находится в распоряжении Архангельской таможни»¹. С 1886 г., согласно «Временным правилам для Общества архангельских лоцманов», управление ими было передано в ведение директора маяков и лоций Белого моря и подчинялось непосредственно лоц-командиру².

Через четыре года в русле общей централизации управления по Положению о морских лоцманах от 1 мая 1890 г. лоцманская служба перешла в ведение Главного гидрографического управления Морского министерства, а вся территория России была разделена на шесть лоцманских округов: Беломорский, Бал-

тийский, Кронштадтский, Черноморский, Каспийский и Восточный [10].

Управление водными (речными и озерными) путями находилось в ведении Министерства путей сообщения, в котором 23 июня 1865 г. был учрежден Департамент водяных сообщений, преобразованный 31 декабря 1870 г. в Департамент шоссейных и водных сообщений, а 3 мая 1899 г. — в Управление водных и шоссейных сообщений и торговых портов (1 января 1903 г. торговые порты были изъяты из ведения этого управления и переданы в Главное управление торгового мореплавания и портов). В октябре 1916 г. оно было разделено на Управление внутренних водных путей и Управление шоссейных дорог³.

Поскольку речной торговый флот Российской империи находился исключительно в частной собственности, основными направлениями деятельности государственных ведомств по управлению водными путями сообщения было регламентирование правил плавания судов и безопасного содержания судовых силовых установок. Одним из принципиальных положений в регулировании этой части водопользования являлось решение правительства 1806 г. о признании рек, пригодных для судоходства, водами общего пользования. Это положение было закреплено в Уставе путей сообщения от 13 июня 1890 г., ст. 359 и 360.

Региональная система управления водными путями сложилась еще в 1809 г., когда вся территория России была разбита на 10 округов. В 1844–1846 гг. число округов возросло до 13, а местные управления по Высочайше одобренному 2 июля 1843 г. положению о преобразовании округов путей сообщения получили устройства, сохранившиеся в главных чертах до начала XX в.

¹ Общество архангельских портовых лоцманов // Справочная и памятная книга Архангельской губернии на 1875 год и статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Архангельск: Губ. тип. и В. Черепанова, 1874. С. 96.

² Временные правила для Общества архангельских лоцманов // Справочная книжка и календарь Архангельской губернии на 1888 г. Архангельск: Губ. тип., 1888. С. 158.

³ Временное учреждение Министерства путей сообщения // ПСЗРИ-3. Т. XIX. Отделение 1. СПб., 1902. № 16822. С. 381–395; О преобразовании некоторых частей Министерства путей сообщения // ПСЗРИ-2. Т. XL. Отделение 1. СПб., 1867. № 42239. С. 678–682; Учреждение Министерства путей сообщения // ПСЗРИ-2. Т. XLV. Отделение 2. СПб., 1870. № 49092. С. 632–637.

«Для производства работ и надзора за сооружением и судоходством округа разделены были на отделения, а эти последние на дистанции. Отделения поручены начальникам отделений и их помощникам, а дистанции — начальникам дистанций» [6, с. 90]. На Европейском Севере России главным органом управления водными путями стал Вытегорский округ путей сообщения, в состав которого входило пять отделений¹. Однако ряд функций, например по управлению сплавными реками, округ был вынужден делить с Министерством внутренних дел. Так, согласно циркуляру олонекского губернатора уездным исправникам от 21 апреля 1904 г., «лица, желающие производить рассыпной сплав, обязаны заблаговременно, до начала навигации, подавать о сем свои заявления Правлению Округа путей сообщения или местному Губернатору, смотря по тому, в чьем ведении находятся реки, по которым предположен сплав»².

Значительное место в управлении водными ресурсами Европейского Севера России составляли искусственные пути сообщения: Мариинская и Северо-Двинская системы. Первая, открытая для сквозного движения судов в 1810 г. (реконструирована в 1890–1896 гг.) и соединившая бассейн Волги и Балтийского моря, имела протяженность 706,8 км. Северо-Двинская система («канал герцога Виртембергского») была открыта для судоходства в мае 1828 г. и представляла собой 133 км искусственных сооружений для соединения бассейна рек Волги и Северной Двины³. Для технического обслуживания последней было создано Кузьминское отделение Вытегорского округа путей сообщения, в функции ко-

торого входило поддержание на соответствующем уровне «судовой обстановки» на канале (установка и ремонт буев, баке-нов, путевых «предостерегающих» знаков и пр.), текущий ремонт шлюзов, плотин, паромных переправ⁴.

Опосредованно к управлению водными ресурсами края были привлечены и начальники губерний. Так, например, олонекские губернаторы А. В. Дашков в 1836 г. и Г. Г. Григорьев в 1885 г. и начальники Архангельской губернии Н. И. Арандаренко в 1858 г. и С. П. Гагарин в 1866 г. представили в МВД свои проекты по соединению Онежского озера и Белого моря⁵. Однако эти проекты так и не были осуществлены, несмотря на большое экономическое значение Онего-Беломорского водного пути⁶.

Известную заинтересованность в реализации этих проектов проявило и Ведомство государственных имуществ. Еще в 1839 г. запасной лесничий Олонекской губернии Миронов отправил в МГИ подробный план соединения Онежского озера и Белого моря в целях «облегчения доставки лесов посредством открытия новых путей сплава, [которые] могут состоять в расчистках рек, соединении водяных путей, по коим лес может быть доставляем только в определенное время года и установлении постоянного судового хода или сплава»⁷.

⁴ Смирнов И. А. История Северо-Двинской водной системы. (Канал герцога Виртембергского) // Кириллов: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/kir/ill/ov1/7.htm> (дата обращения: 29.10.2012).

⁵ Предположения об улучшении и устройстве водных путей в Олонекской губернии // Олонекский сборник: Мат-лы для истории, географии, статистики и этнографии Олонекского края. Вып. 3. Петрозаводск: Губерн. тип., 1894. С. 294–295.

⁶ Онего-Беломорский водный путь // Известия Общества изучения Олонекской губернии. 1915. Т. 5, № 2–3. Петрозаводск: Олонекская губ. тип. С. 140–141.

⁷ Предписания I Департамента Министерства государственных имуществ о заготовке лесных материалов, о мерах против истребления лесов, об отпуске лесных материалов. Сведения о предположениях по соединению

¹ Расписание технических, инспекционных участков и судоходных дистанций Вытегорского округа путей сообщений. 1913 г. // ГАВО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 418. Л. 314–321.

² Циркуляр г. олонекского Губернатора гг. уездным исправникам Олонекской губернии и Петрозаводскому полицмейстеру // ОГВ, 1904, № 45. С. 1.

³ Кубенская система водного сообщения // ВГВ. 1841. № 25. С. 170.

В ведении МГИ находилась и надзорная часть за производством гидротехнических работ на территории губерний, возложенная на гидротехнические отделения региональных управлений Министерства земледелия и государственных имуществ. Их штат, например в Вологодской губернии в 1911 г., состоял из инженера-гидротехника, старшего техника и техника 2-го разряда [3, с. 69].

С наибольшей полнотой сложность межведомственного взаимодействия в области управления природными ресурсами может быть продемонстрирована на примере лесопользования, поскольку лес являлся одним из главных ресурсов территории.

Обычно регулирование лесопользования рассматривается историками в рамках общих поземельных отношений севернорусской деревни или развития лесопромышленности. Однако, как представляется, это значительно суживает исследовательские рамки, о чем свидетельствует даже простое перечисление ведомств, так или иначе связанных с регулированием данной сферы. Помимо органов общегубернского управления и управления государственными имуществами, это были: Постоянная лесная комиссия при Главном управлении уделов и соответствующие удельные конторы, управления горных округов (Олонецкого и Северного), Архангельский губернский оберфорштмейстер, Северный и Балтийский округа корабельных лесов, управление Архангельского порта и т. д.

Такое многообразие управленческих структур было обусловлено как различиями в формах собственности (государственная или удельная), так и эволюцией государственной владельческой идеологии на лесные ресурсы, прошедшей развитие от военно-оборонной до экономической, связанной с восприятием леса как одного из главных источников пополнения казны¹.

Онежского озера с Белым морем // НАРК. Ф. 33. Оп. 70. Д. 3/12. Л. 347–347 об.

¹ Подробнее см.: *Белобородова И. Н.* Исторический опыт государственного управления

Весьма примечательна в этом отношении история об управлении лесами, «состоящими при казенных горных заводах» в губерниях: Олонецкой, Вятской, Уфимской, Оренбургской и Екатеринославской. В 1875 г. по инициативе министра государственных имуществ графа П. А. Валуева была создана специальная Комиссия для обсуждения проекта о передаче этих лесов в ведение Лесного департамента МГИ «в видах устройства лесных дач и для единства лесной администрации»².

Однако Высочайше утвержденный 13 августа 1876 г. новый порядок управления казенными горнозаводскими лесами продержался всего 7 лет³. После отставки П. А. Валуева с поста министра госимуществ новая Комиссия в 1883 г. пришла к выводу о необходимости вернуться к прежнему порядку управления ввиду того, что «при подчинении лесных чинов на местах лесному ведомству, ослабление влияния на этих чинов заводского начальства может привести к затруднениям или даже остановке заводского действия и, следовательно, к ущербу для казны»⁴.

Согласно Высочайше утвержденному 29 апреля 1883 г. заключению Комитета министров, лесные дачи Олонецкого и Златоустовского горных округов были изъяты из ведения местных управлений государственных имуществ «и наравне с другими горными лесами хребта Уральского» подчинены горному ведомству. Однако, если «для контроля за исполнением лесными чинами в горнозаводских дачах хребта Уральского лесных постановлений и для защиты интересов лесного хозяйства в этих дачах» в Екатеринбурге было образовано особое Лесное управление для всех лесов Уральских казенных и посессионных горных заводов, то «на-

лесопользованием на Русском Севере (XIX — начало XX в.) // *Власть: Общественно-полит. ж.-л.* 2010. № 12. С. 156–160.

² Об изменении порядка управления горнозаводскими лесами в области хребта Уральского и Олонецкого горного округа // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 21. Д. 73434. Л. 2.

³ Там же. Л. 50–50 об.

⁴ Там же. Л. 270–271.

блюшение за правильным исполнением лесных постановлений в лесных дачах Олонецкого горного округа» было возложено на местное управление государственными имуществами под контролем Лесного департамента¹.

Не менее сложную картину представляло собой управление недропользованием. Его развитие было связано со спорами о соотношении государственных и частновладельческих прав на недра. Начиная еще с Указа Петра I от 10 декабря 1719 г., которым была введена «горная регалия», государство имело исключительное право на недра при признании любой формы собственности на землю². В пореформенный период под влиянием прусского горного законодательства в Горном уставе России получает «юридическое, экономическое и фактологическое обособление принцип отдельности недр от поверхности как объектов вещного права, принцип, освященный не только принятием его многими странами, но и историческими традициями, этот принцип обычно формулировался как последствие так называемой „горной свободы“»³.

Развернувшиеся затем дискуссии о степени соотношения государственной монополии с частной инициативой в недропользовании привели к тому, что в пореформенное время разработка рудных месторождений была признана объектом самостоятельного регулирования, а горное право отделено от поземельного. В соответствии с этим, Управление горными делами и казенными горными промыслами было унифицировано и, с момента передачи 1 января 1874 г. Горного

ведомства из ведения Министерства финансов, сосредоточено в Министерстве государственных имуществ⁴. На местах оно включало в себя горные области, горные (территории для надзора за частной горной промышленностью) и горнозаводские (совокупность казенных горных промыслов и заводов) округа. Горными промыслами и заводами Кабинета Его Императорского Величества управляло Министерство Императорского двора, а горными промыслами на казачьих землях Войска Донского — Военное министерство.

По Положению о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц и установлений местного Горного управления, Высочайше утвержденному 21 декабря 1892 г., к органам местного горного управления были отнесены должности окружного инженера, его помощника, маркшейдера, горного надсмотрщика и смотрителей казенных соляных промыслов⁵. Круг их должностных обязанностей был достаточно широк: от попечения о развитии горной промышленности в целом до надзора за соблюдением правил о безопасности горной и заводских работ и об отношениях между горнорабочими и нанимателями. При этом горная администрация не имела права вмешиваться в дела частных владельцев заводов.

Севернорусские губернии составили Северный горный округ, делами которого с 1870 г. ведало окружное управление во главе с горным инженером на правах окружного инженера (с 1887 г. — окружной инженер). В его обязанности входил надзор за частной горной промышленностью Архангельской и Олонецкой губерний для «споспешествования к устройству и развития горного промысла» [8, с. 171]. В 1899 г. округ был разделен на два: Санкт-Петербургско-Олонецкий

¹ Об изменении порядка управления горнозаводскими лесами в области хребта Уральского и Олонецкого горного округа // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 21. Д. 73434. Л. 283–284.

² Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. V. СПб., 1830. № 3464. С. 760–762.

³ Новикова Е. В. О правах недропользователей по Уставу Горному Российской Империи // Нефть, газ и право. 2005. № 2. С. 37–38.

⁴ О передаче Горного ведомства из Министерства финансов в ведение Министерства государственных имуществ // ПСЗРИ-2. Т. XLVIII. Отделение 2. СПб., 1876. № 52910. С. 588–589.

⁵ Положение о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц и установлений местного горного правления // ПСЗРИ-3. Т. XII. СПб., 1895. № 9182. С. 704–710.

и Вологодско-Архангельский. «В состав первого округа вошли: Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская и Олонецкая губернии, а второго округа — Вологодская, Ярославская и Архангельская» [8, с. 171].

Что касается горнозаводского управления, то на Европейском Севере России оно было сосредоточено в Олонецком горнозаводском округе, основанном в 1827 г. и состоявшем во второй половине XIX в. из четырех заводов: «Александровского пушечно-снарядолитейного в г. Петрозаводске и трех вспомогательных — Кончезерского в Петрозаводском уезде, в 45 верстах от г. Петрозаводска, Валазминского в Повенецком уезде в 164 верстах от Петрозаводска, и Суоярвского в Великом княжестве Финляндском, состоящего в казенном управлении с 1856 г.»¹.

Горнозаводское управление имело двухуровневую структуру. Высшую административную ступень занимал горный начальник (или начальник заводов, он же управляющий заводами), члены правления (управители заводов) и секретарь правления, отвечавший за работу канцелярии. В штат Суоярвского завода, кроме того, входил смотритель имения, который одновременно выполнял функции переводчика и адвоката по делам имения. Второй уровень образовывали члены общего правления (общего присутствия), к которым относились смотрители (начальники) цехов и рудников, архитектор, доктор и инспектор медицинской части, окружной лесничий и прочие служащие среднего звена (столонячки, бухгалтеры, делопроизводители, смотрители магазинов). Надзорную часть составляли полицмейстер, старшие и младшие горные приставы и нижние полицейские чины [11, с. 24–27].

Одна из особенностей управления природными ресурсами в сфере недропользования заключалась в том, что для каждого из видов полезных ископаемых существовало свое специфическое ре-

гулирование. В соответствии с этим, строилось и административно-правовое оформление и разграничение компетенции уполномоченных государственных органов власти на местах.

Так, например, управление Тивдийскими мраморными ломками (Олонецкая губерния) в основном находилось в ведении тех структур, чьи потребности в мраморе оно на настоящий момент удовлетворяло. С момента своего основания в 1757 г. ломки последовательно подчинялись: Канцелярии Петровских заводов (1757–1769 гг.), Комиссии (Комитету) по постройке Исаакиевского собора (1769–1788 гг.; 1819–1838 гг.; 1853–1857 гг.), Соляной экспедиции Олонецкой казенной палаты (1788–1798 гг.), Гофинтендантской конторе² (1798–1803 гг.; 1814–1819 гг.; 1838–1844 гг.), Комиссии по постройке Казанской церкви в Санкт-Петербурге (1803–1814 гг.), Кабинету Его Императорского Величества (1857–1861 гг.). С развитием идей централизации управления природными ресурсами в ходе Великих реформ и сосредоточения его в рамках Министерства государственных имуществами, 5 апреля 1861 г. Ломки были подчинены особому смотрителю этого ведомства³. Аналогичным образом, добыча вытегорской глины в землях, принадлежащих олонечким заводам, составляла «монополию этих заводов; посторонние люди к этому промыслу не допускаются, и глина обращается в продажу от казны по заводской цене» [9, с. 48].

А.Д. Градовский, характеризуя в 1878 г. систему местного управления, писал: «Между всеми государственными установлениями каждой страны, система ее местных установлений представля-

¹ Обзор горных заводов олонечкого горного начальника // НАРК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 115/2000. Л. 5.

² Гофинтендантская контора (1801–1851) — центральное учреждение, в функции которого входило хозяйственное управление имуществами императорской фамилии. До 1826 г. она находилась в прямом подчинении монарху, затем вошла в состав Министерства Императорского двора и уделов.

³ Иванов А. Тивдийские мраморные ломки (в Петрозаводском уезде) // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск: Губ. тип., 1886. С. 17–18.

ет ту область управления, на которой более всего отражаются особенности ее исторического развития... Поэтому и различие между предметами общегосударственного и местного управления есть различие не качественные, а *количественные* (выделено автором. — А. Г.)»¹.

Это в полной мере можно отнести к развитию органов управления природо-

пользованием трех севернорусских губерний. Подчиняясь в целом общероссийским тенденциям, они в силу ряда причин имели и свои особенности, которые заключались в особом характере природопользования региона, включавшем в себя, помимо специфических земельных отношений, развитые водные, лесные и горные промыслы, что требовало, с одной стороны, привлечения профильных специалистов к управлению через создание соответствующих комитетов, а с другой — сложного межведомственного согласования управленческих процедур.

¹ Градовский А. И. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Сборник государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. Т. V. СПб., 1878. С. 82, 90.

Литература

1. Головин К. Наше местное управление и местное представительство. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884.
2. Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: БАН, 2006.
3. Ежегодник (календарь-справочник) Вологодской губернии на 1911 год. Вологда: Тип. тов-ва «Знаменский и Цветов», 1911.
4. Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В. и др. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века / Уральское горное управление. М.: Наука, 2008.
5. История северного крестьянства: В 4 т. Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск: Сев.-зап. книж. изд-во, 1984.
6. Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898). СПб.: Тип. МПС, 1898.
7. Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М.: Ин-т государства и права РАН, 1998.
8. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России. 1700–1900 гг. СПб.: Тип. инженера Г. А. Бернштейна, 1900.
9. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. (Классика российской цивилистики).
10. Сабо И. К. Лоцманское дело в России. Историко-догматический очерк. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1908.
11. Список должностным лицам гражданского, военного и других ведомств Олонецкой губернии: 1-го января 1894 года. Петрозаводск: Губерн. тип., 1894.
12. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008.

References

1. Golovin K. Our local management and local representation. SPb.: Publishing house of M. M. Stasyulevich, 1884.
2. Dunaeva N. V. Specific peasants as legal entities of the Russian Empire (the end of XVIII — the first half of the XIX century). SPb.: Library of Academy of Science, 2006.
3. Year-book (calendar directory) of the Vologda province for 1911. Vologda: publishing house «Znamensky and Tsvetov», 1911.
4. Zubkov K. I., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V., Tulisov E. S. Territorial and economic management in Russia XVIII — the beginning of the XX century: Ural mountain administration. M.: Nauka, 2008.
5. History of the Northern peasantry: In 4 vol. Vol. 1: The peasantry of the European North in the period of feudalism. Arkhangelsk: North-West Publishing house, 1984.

6. *Short historical sketch of development and activity of department of railways communication during hundred years of its existence (1798–1898)*. SPb.: Publishing house of Ministry of Railways, 1898.
7. *Lapteva L. E. Regional and local government in Russia (the second half of the XIX century)*. M.: Institute of the state and law of the Russian Academy of Sciences, 1998.
8. *Loransky A. M. Short historical sketch of administrative agencies of Mountain department in Russia. 1700–1900*. SPb.: Publishing House of engineer G. A. Bernshtein, 1900.
9. *Pobedonostsev K. P. Course of civil law. First part: Patrimonial rights*. M.: Statute, 2002. (Classics of the Russian civil law).
10. *Sabo I. K. Pilotage in Russia. (Historical and dogmatic sketch)*. SPb.: Publishing house of Marine Ministry, 1908.
11. *List to officials civil, military and other departments of the Olonetskaya guberniya: January 1st, 1894*. Petrozavodsk: Gubernsky publishing house, 1894.
12. *Shegelman I. R. Forest transformations (the XV–XXI centuries)*. Petrozavodsk: Publishing house of Petrozavodsk State University, 2008.

М. А. Алякринская

M. A. Alyakrinskaya

Власть, общество и искусство: к проблеме культурной нормы

Authority, society and art: the problem of cultural standards

Алякринская Марина Андреевна

Северо-Западный институт управления — филиал
РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры культурологии и русского языка
Кандидат филологических наук, доцент
marinsky@inbox.ru

Ключевые слова:

арт-группа «Война», культура авангарда, художественная интеллигенция, государственная культурная политика

В статье на примере социокультурной ситуации, возникшей в стране после присуждения премии «Инновация» арт-группе «Война», ставится проблема взаимоотношений государственной власти и художественной интеллигенции, общества и культуры авангарда. Автор считает, что государственные структуры должны проводить политику нейтралитета по отношению к радикально настроенным авангардистским группировкам.

В апреле 2011 г. произошло событие, всколыхнувшее культурный мир страны: скандально известная целым рядом «перформансов» арт-группа «Война» получила премию «Инновация», учрежденную Министерством культуры и Государственным центром современного искусства, за «лучшее произведение визуального искусства» 2010 г. Этим произведением стала акция, проведенная на Литейном мосту Петербурга 14 июня 2010 г., когда активисты группы за 23 секунды изобразили на разводящемся пролете моста гигантский «анатомический артефакт», который, после того как мост был разведен, оказался напротив здания ФСБ.

Нестандартное действо вызвало интерес и получило известность в российских культурных кругах. Но вручение государственной премии произведению искусства, название которого «нельзя

Alyakrinskaya Marina Andreevna

North-West Institute of Management branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate professor of the Chair of history and world
politics
Associate Professor of the Chair Culturology
and Russian language
PhD in Philology, Associate Professor
marinsky@inbox.ru

Key words:

art-group Voina, avant-garde culture, clerisy, state cultural policy

Based on the example of the sociocultural situation, appeared after art-group «Voina» has been rewarded at Innovation Award, the article aims to analyse the problem of authority and clerisy, as well as society and avant-garde culture. The author claims that authority should be neutral to radical avant-garde groups.

произносить — ни в эфире, ни просто в приличном обществе»¹, стало прецедентом культурной и политической жизни страны, неким знаковым событием, отражающим состояние дел на социокультурном пространстве России. Неудивительно, что премия спровоцировала острую дискуссию в СМИ и на интернет-порталах, где деятели российской культуры, политики и рядовые граждане высказали свою точку зрения на произошедшее.

Одно из наиболее активных обсуждений развернулось на сайте «Фонтанка.ру» — петербургском информационно-аналитическом издании, признанном

¹ Х*й в плену у «Инновации» [Электронный ресурс] // Politonline. Тренды. 2011. 8 апреля. URL: <http://www.politonline.ru/groups/4228.html> (дата обращения: 16.04.2011).

самым популярным в городе: его страницы посещают более 100 000 человек в день. Статья «Инновация оценила фаллос по достоинству» появилась на сайте 8 апреля, и к 11 апреля — времени, когда она исчезла с первой страницы, — комментарии к ее тексту насчитывали уже 344 записи. 12 апреля была опубликована еще одна статья «Петербург х... не удивись», которая также вызвала оживленное обсуждение. Если систематизировать высказанные в процессе этих обсуждений на «Фонтанке» и других сайтах точки зрения, картина получится примерно следующая.

Большая часть читателей негативно отнеслась и к акции «Войны», и к факту вручения премии, однако если акцию не одобрило примерно 70% участников обсуждения, то присуждение за нее государственной премии вызвало практически стопроцентное негативное отношение. Нельзя не отметить, что петербургское сообщество проявило достаточную политическую толерантность: резко критикуя группу «Война», целый ряд петербуржцев высказался за принципиальную свободу убеждений: «Их (группу „Война“ — М. А.), конечно, нельзя назвать художниками в обычном понимании... Но высказывать свое отношение они имеют право... у нас пока свобода слова...»¹. Или: «Это нормальная такая акция политического фи... Они все как один безобразники и хулиганы... У этих парней точно не все дома, но они выражают свой протест против окружающей их пошлости и глупости мирными средствами»².

Однако не вполне согласные между собой в вопросах политики, петербуржцы абсолютно объединились в возмущении по поводу вручения «Войне» государственной премии: и в адрес жюри, и в адрес организаторов конкурса, и в адрес современной художественной интеллигенции, и в адрес властей в комментариях сыплются многочисленные

обвинения. Особенно их много в адрес творческой интеллигенции: «Деградация стала символом нашей жизни... А словоблудие современных так называемых „искусствоведов“ эту деградацию оправдывает и ей способствует»³.

Почему острое протеста оказалось направленным в первую очередь против художественной интеллигенции? Наверное, этому есть объяснение. Известно, что жюри конкурса, а также специалисты объявили акцию «Войны» «высоким искусством». Леворадикальный российский искусствовед и член жюри А. Ерофеев заявил, что «художественные достоинства» акции «безусловны»: «Это интересная формула, которая являет собой стрит-арт, то есть искусство уличного действия»⁴. По мнению члена экспертного совета государственной премии «Инновация» А. Сергеева, рисунок на Литейном мосту является «стопроцентно инновационным и совершенно выполненным произведением искусства»⁵. Полностью одобрил факт вручения премии и заведующий отделом новейших течений Русского музея А. Боровский: «Акция смешная, глубоко укорененная в традиции нашего города, поскольку восходит к творчеству Ивана Семеновича Баркова, да и Александра Сергеевича Пушкина»⁶.

Конечно, с гениальностью произведения на Литейном мосту, так же как с его «укорененностью» в традиции русской культуры можно спорить, но, как это ни парадоксально, искусствоведы, оценивая акцию чуть ли не как академическое искусство⁷, действовали в рамках со-

¹ «Инновации» показали фаллос. Комментарии [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. Блоги и сообщества. URL: <http://www.blog.fontanka.ru/posts/70314/> (дата обращения: 16.04.2011).

² Там же.

³ «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

⁴ Х*й в плену у «Инновации»...

⁵ Там же.

⁶ Обухова К. Петербург х... не удивись [Электронный ресурс] // Фонтанка: петербургская интернет-газета. 2011. 12 апреля. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/04/12/064/> (дата обращения: 16.04.2011).

⁷ Фанайлова Е. «Война» и «Монстрация»: юродивые и скоморохи [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2011. 17 апреля. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/4746610.html> (дата обращения: 17.04.2011).

временных теорий и концепций. Групповые акции «Войны» не являются чем-то необычным, они полностью соответствуют установкам целого ряда авангардистских направлений, среди которых и новый так называемый акционизм (вторжение радикального художника на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом), и «старый» концептуализм, известный с 1960-х гг. В своих творческих установках группа «Война» демонстративно продолжает линию русского авангарда, одной из ее целей является «создание в России реального левого фронта искусства в традициях футуризма 1920-х гг.»¹. Все эти авангардистские течения хорошо известны и отражают характерные черты авангарда: его культурный нигилизм, имморализм, склонность к эпатажу. По сути, новизна акции на мосту состояла лишь в масштабах действия и масштабах тиражирования этого действия через Интернет.

Как остроумно заметила газета «Коммерсант», рекламная акция «Войны», которая призывала «весь честной мир» не сотрудничать с премией «Инновация», но в итоге не отказалась от номинирования на нее, «удалась на славу». Общественное мнение было шокировано по полной программе, что, собственно, и было одной из главных целей арт-группы. Известно, что уже с начала XX в. авангард славился вызывающе скандальным поведением, выражающимся, в частности, в разрушении традиционных норм и ценностей — художественных, социальных и моральных. «Мы провозглашаем всякую „пакость“, — писал в 1910-е гг. Давид Бурлюк, — паклю, помет цыплячий, гнилую капусту...» (цит. по: [4, с. 190]). Уже в 1917 г. появился «Фаянсовый писсуар» М. Дюшана; в начале 1920-х гг. поэт В. Крученых разрабатывал эстетику «гниения»; в 1930-е гг. начала развитие мерц-культура с ее мерцбаусами (произведениями из му-

сора); в 1960-е гг. скандальную известность приобрели арт-провокации Пьетро Манцони (90 консервных банок с надписью «Дерьмо художника»); в 1999 г. английская художница Трейси Эмин, член Королевской академии художеств, получила престижную премию Тернера за инсталляцию «Моя кровать» (неубранная грязная кровать, вокруг которой разбросаны личные вещи, включая окровавленное белье и использованные презервативы). Примеры можно умножать до бесконечности, но суть их очевидна: авангард в своей основе — антинормативная и асоциальная культура.

Только однажды в истории авангард выступил в качестве культуры социальной — это произошло в России после революции 1917 г., когда футуристы фактически стали «партией власти», причем тогда авангардистская культура соединилась с левой пролетарской. Однако в те времена как партия футуристов, так и партия левопролетарских поэтов были одинаково охвачены пафосом «битв с Рафаэлями» — пафосом разрушения, а не созидания. Кстати, по мнению многих теоретиков, именно доминирование в нашей стране в течение ряда послереволюционных лет левацких группировок привело к формированию культуры тоталитарной, которая вырастает из идеологии революционаризма, из «революционной культуры» авангарда [3, с. 3, 22].

Да, колоссальный плюс авангарда заключается в его экспериментальном начале, которое позволяет культуре прорываться в будущее, открывать принципиально новые грани. Но эксперимент есть эксперимент, он не всегда правильно поставлен, не всегда успешен и почти всегда локален, поэтому авангард — это принципиальная культура меньшинства. Кстати, ориентация на избранных (установка на элитарность) всегда входила в систему художественных ценностей авангарда, всем остальным (обывателям!) символически адресовано знаменитое «Нате» В. Маяковского. Парадокс нашего времени заключается в том, что новые технологии предоставили культуре авангарда невиданные ранее возмож-

¹ См.: Цели и задачи «Войны» [Электронный ресурс] // Свободная «Война»: сайт арт-группы. URL: <http://www.free-voina.org/goals> (дата обращения: 16.04.2011).

ности добиваться скандальной популярности, оставаясь при этом небольшим сегментом культуры, ее принципиально закрытой частью, рассчитанной на достаточно узкие круги. Еще один парадокс — совершенно особое, болезненное отношение к авангарду в нашей стране.

Известно, что формирующаяся в СССР тоталитарная культура с 1925 г. начала постепенное вытеснение авангардистских течений из сферы официальной культуры, а в 1930-е гг. «гонения на инакомыслящих» развернулись уже в полной мере. Тогда судьбы многих художников-авангардистов сложились трагично: одни были расстреляны, другие сосланы, многих обрекли на забвение при жизни. Это придало авангарду романтический ореол мученичества. Поэтому в эпоху перестройки пострадавшие в полной мере авангардисты приобрели некий статус дипломатической неприкосновенности, а нормативным критерием «интеллигентности», свидетельством близости человека культуре стала обязательная любовь к авангарду. В 1980–1990-е гг. признание в нелюбви к авангарду в нашей стране было равносильно вычеркиванию себя из разряда культурных и демократически мыслящих людей, причем особенно ярко эта тенденция проявилась в среде интеллигенции. Тогда авангард, способствовавший падению политической системы социализма, получил сильную поддержку и на государственном уровне, превратившись, как в послереволюционную эпоху 1917–1918 гг., чуть ли не в государственное искусство.

Сегодня государственная культурная политика в отношении авангарда руководствуется стереотипами, усвоенными за годы перестройки. Одним из этих стереотипов является убеждение, что суждения по поводу авангардистской элитарной культуры могут выносить только специалисты, всем же остальным делать это категорически не рекомендуется. Позиция «мы художники, а вы бюргеры, так что ваше дело молчать» была высказана в процессе и настоящего обсуждения архитектором-авангардистом Ю. Аввакумовым: «Общественная палата назвала это (премию. — М. А.) „пощечиной

здравому смыслу“... И это мгновенно вызывает ассоциации с „Пощечиной общественному вкусу“ — манифестом футуристов, который был написан ровно 100 лет назад... Публика повелась сейчас на акцию “Войны” точно так же, как 100 лет назад велись все бюргеры. <...> Ведутся абсолютно так же, и ведут себя совершенно глупо. И мне кажется, что попытка вдруг заняться искусствоведением со стороны Общественной палаты, она нелепая, смешная»¹. Как видим, авангард категоричен в своих приговорах: даже Общественная палата не вправе комментировать его деяния. Надо сказать, что подобная позиция очень удобна для самих авангардистов, хотя неудобна для всех остальных. И как-то даже неловко напоминать, когда имеешь дело со специалистами, столь высоко парящими в облаках искусства, что само это искусство на земле существует в обществе и что даже авангардистам необходимы социальные институты — выставки, музеи, даже Министерство культуры. И если авангард принципиально не признает художественных, моральных и социальных норм, то стоило ли называть авангардистский центр современного искусства государственным, а конкурс «Инновация» проводить, пусть даже частично, за счет государственного бюджета?

Надо сказать, что природный, естественный здравый смысл, а также некие культурные абсолюты, изначально заложенные в каждом человеке, часто поневоле протестуют против рискованных акций авангарда. Авангард вообще очень трудно любить, ведь это — искусство чистого эксперимента, и как искусство эксперимента оно, в своем безразличии к миру, холодно как лед. Поэтому многие деятели традиционной культуры к авангарду относились весьма настороженно, в частности его не принимал М. А. Булгаков. В статьях М. А. Булгакова 1920-х гг. сформулирована позиция, с которой в принципе смотрит на «культуру впереди идущих» человек культуры классической: «Мейерхольд — гений!! — завывал футурист. Не

¹ Фанайлова Е. «Война» и «Монстрация»...

спору. Очень возможно. Пускай — гений. Мне все равно. Но не следует забывать, что гений одинок, а я — масса... — Искусство будущего!! — налетели на меня с кулаками. А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут. Публика будет довольна его колесами, он сам получит удовлетворение гения, а я буду в могиле, мне не будут сниться деревянные вертушки» [2, с. 260].

Должна сказать, что примерно с похожих позиций смотрят на авангард и сегодняшние авторы комментариев акции «Войны» на интернет-порталах, негодующие против «нового искусства». Все они люди работающие, и деньги даются им нелегко, а тут налицо путь к успеху длиной в 23 секунды! Естественно, что возмущение новыми художниками, «бездарностями и тунеядцами»¹, перешло на тех, кто популяризирует их достижения: на творческую интеллигенцию. На сайте «Фонтанки» это возмущение еще имеет интеллигентную форму, на других оно нередко перерастает в анархический призыв «бей интеллигентов»: «Вы недооцениваете творческую интеллигенцию. Ее саму от себя тошнить никогда не будет, а потому — один выход. Расстрелять — это я, разумеется, погорячился, не заслуживают они такого почета... Посадить на баржу и утопить — самое то»².

Полемика по поводу акции «Войны» и нового искусства сделала абсолютно очевидным факт «ножниц», существующих между элитарной культурой и массовым сознанием в современном мире. Уже А.И. Герцен в XIX в. писал о том, что культура в лице отдельных своих представителей убежала так далеко вперед, что большинство не только не может ее нагнать, но и не знает, куда идти. Дискуссии на интернет-порталах

обнаружили полную противоположность двух логик: логики высокообразованных специалистов и логики здравого смысла. Как заметил один из комментаторов: «Нормального человека от такого стошнит. А ценителей приводит, судя по всему, в восторг. Можете называть меня обывателем»³. Другой читатель, приведя список членов жюри, присудивших премию, добавил: «Обсуждение имеет смысл только для того, чтобы понять, что нас все-таки больше»⁴. Общее несогласие с искусствоведческой позицией вызвало даже своеобразное «бражание»: когда одним из читателей был задан вопрос «Мне одному кажется, что взрослый, психически здоровый человек фаллосы рисовать не будет?», свою солидарность с ним высказали очень многие: «Нет, нас несколько»; «По меньшей мере, трое...»; «Четвертым буду»; «Пятый»; «В хорошей компании — хоть сто двадцать восьмой»; «Запись еще идет? Меня тоже запишите в список несогласных с высокой оценкой „искусства“ этих олигофренов-провокаторов»⁵.

Кстати, ситуация столкновения здравого смысла и специалистов, относящих себя к высокой культуре, возникает в нашей стране не впервые. В начале 1990-х гг., когда в каждом ларьке «Союзпечати» можно было приобрести сборник стихотворений И. Баркова, на страницах «Литературной газеты» развернулась полемика по поводу уместности столь широкого тиражирования поэта, которого на протяжении 200 лет не решалась легализовать ни одна культурная эпоха. Тогда со статьей с требованием «узаконить» в культуре И. Баркова выступил известный писатель А. Битов, который отстаивал свою точку зрения со специфически литературоведческих позиций. Блистательный довод против привел тогда читатель «Литературки», посоветовавший А. Битову войти в «час пик» в переполненный трамвай, прочитать вслух любое стихотворение

¹ «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

² Заявление Совета Общественной палаты РФ [Электронный ресурс] // Мировой кризис. Акция «Войны» — позор для России. Обсуждение. 2011. 12 апреля. URL: http://www.worldcrisis.ru/crisis/845315/full_replic_t_discuss (дата обращения: 16.04.2011).

³ «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Баркова и посмотреть на реакцию слушателей. Ситуация, когда каждому аргументу искусствоведческому народное сознание противопоставляло аргумент «житейский», многократно повторялась и в процессе обсуждения на «Фонтанке». Так, в ответ на тезис «удачная акция — ребята молодцы!», автору тут же от души пожелали «как можно более скорой и полноценной встречи с этими молодцами неважно где: в ресторане, в музее, на улице!»¹. Моментально была подхвачена шутка, что новый шедевр хорошо бы распространить путем тиражирования на входных дверях квартир членов жюри или хотя бы признанием в качестве нового логотипа Министерства культуры России.

Безусловно, именно здоровый здравый смысл стал одной из причин того, что абсолютно всех рядовых читателей — и петербуржцев, и москвичей — возмутило присуждение премии, причем против премии выступили даже те, кто одобрил акцию как политическое действо: «Знатный у них message властям получился! этого не отнять!.. Но премию — зря все-таки дали...»²; «Все это прикольно, конечно, но премию... — это чересчур... Наш культур укатился в мультур...»³. Те, кто изначально были настроены против акции, высказались куда более резко: «Я не хочу жить в государстве, где поощряется рисование членов. Мне противно читать обсуждение данной новости...»⁴. Или: «„Война“ вообще меня мало интересует. Меня интересует государство, позволившее это»⁵.

Причины возмущения достаточно понятны: акция по своей природе асоциальная фактически получила государственную — социальную — поддержку.

¹ «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Акция «Войны» — позор для России. Обсуждение [Электронный ресурс] // Мировой кризис. 2011. 12 апреля. URL: http://www.worldcrisis.ru/crisis/845315/full_replic_tdiscuss (дата обращения: 16.04.2011). «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

⁵ Там же.

Государство своим авторитетом санкционировало культурную антинорму, уподобившись, как справедливо заметила «Независимая газета», гоголевской унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекала. Неудивительно, что после присуждения премии в адрес Министерства культуры было высказано немало резких слов. Общественная палата назвала этот акт «пощечиной здравому смыслу»⁶. М. Григорьев, директор Фонда исследований проблем демократии, заявил, что участие в подобном действе Министерства культуры «как минимум позорно»⁷. Движение «Россия молодая» в знак протеста принесла к зданию Министерства культуры фанерное полутораметровое изображение фаллоса, которое сопровождало табличкой «Министерство культуры РФ».

Министерство культуры постаралось парировать критические замечания, «открестившись», по оценке пользователей интернет-порталов, от премии. В его комментариях говорилось, что представителей Министерства в жюри не было; решение принималось специалистами, а Министерство «не является цензурным органом, запрещающим жюри высказывать свою точку зрения»⁸. В подобной позиции проявилась еще одна мифологема эпохи перестройки, вызванная перекосом нашего социального и культурного развития, — это отношение к цензуре и понимание ее функций в обществе.

Вероятно, представители Министерства гордились собой, заметив, что Мини-

⁶ Общественная палата РФ: награждение арт-группы «Война» — это пощечина здравому смыслу [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. Общество. 2011. 12 апреля. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/04/12/039/> (дата обращения: 16.04.2011).

⁷ Смолев Д. Слово из трех букв признали инновацией. Комментарии [Электронный ресурс] // Известия. Общество. 2011. 11 апреля. URL: <http://www.izvestia.ru/obshchestvo/article3153871/> (дата обращения: 16.04.2011).

⁸ Минкульт по поводу премии «Войне»: Мы — не цензурный орган [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. Общество. 2011. 13 апреля. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/04/13/023/> (дата обращения: 16.04.2011).

стерство — не цензурный орган. Вообще слово «цензура» с середины 1980-х гг. в нашей стране стало «ругательным», а в общественное сознание была внедрена мысль, что в эпоху демократии цензуры принципиально быть не может. Между тем это совершенно не так: цензура существует даже в самых высоко-развитых демократических обществах: ведь культура — нормативное явление, а норму надо как-то охранять. Государство своим авторитетом санкционирует обязательность выполнения культурной нормы, и государственная цензура как раз и стоит на страже норм: государственных, моральных, религиозных. Необходимость института цензуры признавали выдающиеся деятели культуры, в частности в России об этом достаточно много писал А. С. Пушкин¹, который говорил о свободе «в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом», и о том, что «всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет...» [1, с. 24–25].

Думается, именно нарушением нравственного ценза было вызвано то, что Общественная палата квалифицировала позицию Министерства культуры в ситуации с премией группе «Война» как непрофессиональную. Непрофессионализм выразился прежде всего в поддержке направления, выступающего против культурных «табу», что само по себе странно: ведь общеизвестно, что культура, представляя собой иерархически выстроенную систему ценностей, без понятия «табу» не существует. С точки зрения З. Фрейда, с него она просто начинается, и, возможно, Фрейд был не так уж неправ. Если радикальная авангардистская группировка отменяет культурные запреты — это ее право, но право государства — не поощрять нарушителей, а, напротив, накладывать на их деяния культурное «вето». В противном случае получится не запрет, а поощрение, и сама властная структура окажется втянутой в ассоциальные действия — что, в общем-то, и случилось: группа «Война» откровенно

заявила, что «эта премия поможет нам нахлобучивать ментов еще больше и гораздо глубже»; «нам предоставлен карт-бланш на вздрючку».

Интересно, что общество интуитивно разобралось в этих сложных вопросах лучше Министерства культуры. Председатель правления петербургского Союза художников России А. Чаркин, не оценивая акцию «Войны» в качестве произведения искусства, проницательно заметил, что «если такие акции являются человеческой нормой, то это плохо»². Рядовые читатели «Фонтанки» в комментариях также высказали свое возмущение нарушением этических норм, утверждая, что подобное нарушение никоим образом не может рассматриваться как культура: «Никакого отношения ни к культуре, ни к гражданской позиции эти деятели не имеют»; «Есть вещи необсуждаемые в нормальном обществе... Вы считаете... этих ребятишек... частью культурного слоя?»; «В любом обществе существуют определенные нормы поведения, существуют морально-нравственные ценности, которых абсолютное большинство членов общества стараются придерживаться»; «Печально, что общество так низко пало»³.

Симптоматично, что «падение нравов» многие петербуржцы ассоциировали с вторжением Москвы в культурное пространство Петербурга, высказав уверенность, что «вывешиванием порнографических картинок» москвичи «пытались обидеть проживающих в городе людей»⁴ и что анархически-хаотичная Москва вообще пытается разрушить классическое наследие Петербурга: «Они использовали, как площадку своего творчества, город Санкт-Петербург. И не просто город, а его исторический центр. У людей есть определенное отношение к городу, к культуре, к историческому наследию,

² Гармажапова А. «Инновация» оценила фаллос по достоинству [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. Общество. 2011. 8 апреля. <http://www.fontanka.ru/2011/04/08/053/> (дата обращения: 16.04.2011).

³ «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

⁴ Там же.

¹ См. об этом: [1, с. 20–32].

к традициям, есть понимание прилично-го, достойного, есть чувство вкуса, которое формируется благодаря архитектуре и искусству этого города. А то, что они делают, — это диссонанс, это грубо и неэстетично, это попрание и морали, и культуры»¹. Очевидно, что, пытаясь опереться в современном дестабилизированном пространстве культуры на некий норматив, многие петербуржцы — читатели «Фонтанки» нашли этот норматив в традиционной классической культуре Петербурга. Именно поэтому акция «Войны» вызвала в том числе и взрыв петербургского патриотизма: «Вы, видимо, не из Санкт-Петербурга родом... А я здесь родился... и не хочу, чтобы всякая... шваль мне тут матерщину и похабные картинки писала... Ясно?»; «Это МОЙ город, вне того кто стоит сейчас и кто будет у руля завтра. Похоже, такие тонкие материи господам „акционерам“ и их одобрянтам недоступны»².

Общественный резонанс, вызванный присуждением государственной премии

«Инновация» группе «Война», оказался совершенно неожиданным — и для самой группы, и для жюри конкурса, и для Министерства культуры, да и для большинства населения. Но сам этот резонанс стал явлением культурной жизни страны, показавшим, что для большинства образованных граждан проблемы культурного развития России совсем не безразличны. Наиболее активное обсуждение и наиболее резкое общественное неприятие премия вызвала в Петербурге, что связано и с городом как местом проведения акции, и с особенностями петербургской культуры, сохраняющей в себе, в отличие от московской, сильное академическое, классическое начало. Показала ситуация с премией и то, что российские властные структуры в своей политике на сегодняшний день руководствуются архаичными, выработанными двадцать лет назад установками, которые уже не актуальны. И, самое главное, эта ситуация доказала то, что в нашем российском обществе продолжает жить духовность, которая, в отличие от арт-произведения группы «Война», действительно глубоко укоренена в нашей культуре.

¹ Там же.

² «Инновации» показали фаллос. Комментарии...

Литература

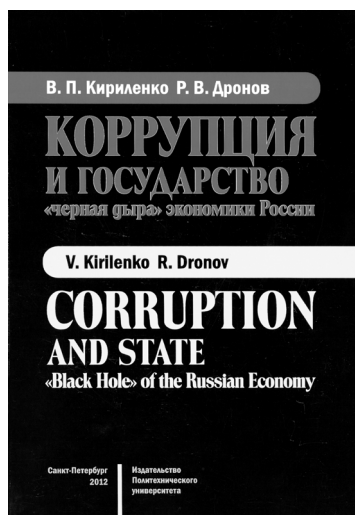
1. Алякринская М. А. Пушкин о цензуре // Культура и социальное управление. СПб., 2009.
2. Булгаков М. А. Столица в блокноте // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. М., 1989.
3. Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
4. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.). СПб., 2003.

References

1. Alyakrinskaya M. A. Pushkin about censorship // Culture and social management. SPb., 2009.
2. Bulgakov M. A. The capital in a notebook // Bulgakov M. A. Collected works in 5 volumes. T. 2. M., 1989.
3. Dobrenko E. Power metaphor. Literature of a Stalin era in historical lighting. Munich, 1993.
4. Yurkov S. E. Under the sign of grotesque: anti-behavior in the Russian culture (XI — beginning of the XX centuries). SPb., 2003.

Рецензия на монографию «Коррупция и государство. „Черная дыра“ экономики России»

Review of the monograph of V. P. Kirilenko and R. V. Dronov
"Corruption and state. 'Black hole' of economy of Russia"

В. П. Кириленко, Р. В. Дронов

Коррупция и государство. «Черная дыра» экономики России. — СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та., 2012. — 451 с. ISBN 978-5-7422-3338-1

В современных условиях проблема коррупции является одним из ключевых барьеров, препятствующих как развитию политической системы государства, моделей внутри- и внешнеполитического механизма государственного управления, экономического и финансового благополучия страны, так и созданию благоприятных условий для жизни и общества в целом, и отдельно взятого гражданина в частности. В данном контексте, учитывая сложный характер развития коррупционных процессов, для борьбы с ними необходима согласованная и единая деятельность всех государственных институтов на федеральном, региональном и местном уровнях. Более того, борьба

с проявлениями коррупции должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства и деятельности правоохранительной и судебной систем до создания четкой и единой негативной социально-общественной позиции по отношению к коррупции среди граждан.

В России проблема коррупции традиционно представляет собой одну из важнейших вех как экономического, так и политического развития нашего государства. Поскольку она не только затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, но и создает негативный имидж России на международной арене. В этой связи борьбе с действиями коррупционного характера в нашей стране уделяется не просто повышенное, а приоритетное внимание.

Причисление борьбы с коррупцией к числу приоритетных задач развития нашего государства объясняется не только постоянным внедрением новых мер по повышению эффективности борьбы с коррупционной составляющей, принятием новых нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность в данной сфере, а также внесением поправок в уже существующее законодательство, но и ужесточением мер уголовного и административного характера за нарушение закона в данной сфере.

Однако помимо вышеперечисленных мер, предпринимаемых нашим государством для борьбы с коррупцией, для комплексного и всестороннего подхода к решению данной проблемы необходимо учитывать и исторические особенности развития коррупционных процессов в стране, и специфические черты и особен-

ности коррупционной деятельности, и, безусловно, опыт зарубежных партнеров в решении данной проблемы.

Перечисленные ранее аспекты феномена коррупции, а также меры по борьбе с коррупционной деятельностью комплексно исследованы в рецензируемой монографии. Следует подчеркнуть, что заявленная в данной работе проблематика, безусловно, имеет актуальный характер в контексте современных российских реалий, и события, связанные с коррупционным скандалом вокруг Министерства обороны, еще раз подтверждают это.

В монографии проанализированы природа и понятие коррупции, дана классификация видов коррупционной деятельности, показана ее связь с теневой экономикой, рассмотрены правовые аспекты деятельности международных организаций в сфере противодействия коррупции, дан обзор деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией в зарубежных странах. В работе также представлен анализ эволюции феномена коррупции в России, дана характеристика особенностей современного этапа развития коррупции в нашей стране, а также методов борьбы с ней. Подробно рассмотрены механизм нейтрализации коррупции в органах государственного управления и правоохранительной сфере России и вопросы профилактики коррупционной угрозы в среде государственных служащих органов государственного управления национальной экономикой.

Структура рецензируемой монографии является классической для научных работ подобного рода: каждый обособленный блок информации выделен в самостоятельную главу, а все главы в своей совокупности представляют цельную, логически связанную картину исследуемого процесса.

Необходимо подробнее остановиться на содержании отдельных наиболее интересных глав, где представлен уникальный научно-исследовательский материал и оригинальные выводы авторов.

Так, в главе 6 «Криминализация экономики в условиях реформирования наци-

онального хозяйства в России в 90-е годы XX века» авторы подчеркивают важность влияния криминальных структур на развитие коррупционных процессов в России в 1990-е гг. и выделяют три основных этапа в развитии криминальной угрозы, оказавшей существенное влияние на становление коррупционных отношений: первый — с 1991 по 1992 гг., второй — с 1993 по август 1998 гг. и третий — с августа 1998 г. по настоящее время, при этом авторы подчеркивают связь этих этапов с периодами наиболее серьезных социально-экономических изменений, которые происходили на тот момент в России. Данный вывод в полной мере подтверждается приведенными статистическими данными, которые также представляют интерес, в частности таблицы по выполнению бюджетного задания по доходам от приватизации в 1993–1999 гг. и т. д.

Не меньший интерес и научную значимость представляет собой глава 11 «Проблемы совершенствования государственной политики по противодействию коррупции в органах государственного управления национальной экономикой», в которой, опираясь на детальное исследование особенностей распространения данного феномена в нашей стране, а также недостатков в нормативно-правовой базе российского законодательства в сфере борьбы с коррупцией, авторы выделяют следующие основные факторы, способствующие распространению коррупции в системе органов государственного управления: рост российской бюрократии и усиление ее вмешательства в экономику, торможение и блокирование реформ управления национальной экономикой, низкая эффективность российской исполнительной власти, значительные масштабы социального неблагополучия населения.

На основе вышеперечисленных факторов, а также оценивая ситуацию с реформированием государственной системы, авторы делают несколько ключевых выводов: во-первых, развитие коррупционных отношений в органах государственной власти на примере ряда субъектов РФ

позволяет говорить о набирающем обороты процессе монополизации и усилении коррупционной экспансии, которая подчиняет себе не только отдельные компании, предприятия, фирмы, но и целые сектора экономики; во-вторых, внедрение реформ в свете борьбы с коррупционной составляющей является длительным и сложным процессом, часто сопровождающимся торможением внесения необходимых поправок и изменений, что во все большей степени осуществляется в интересах коррупционеров; в-третьих, низкая эффективность российской исполнительной власти приводит к консервации кадровой некомпетентности органов государственной власти, что также играет в пользу развития коррупционной составляющей; в-четвертых, коррупционные отношения пронизывают сегодня всю систему органов государственного управления, что, в свою очередь, затрагивает интересы всех слоев населения.

В качестве итогового вывода авторы приводят утверждение, что действительно эффективно противостоять преступности и коррупции в России можно

только при условии мобилизации усилий всего общества и государства. По мнению авторов, устранить коррупцию в органах государственного управления возможно в настоящее время только при осуществлении в России масштабной государственной антикоррупционной деятельности.

В целом в работе В.П. Кириленко и Р.В. Дронова даны достаточно полный обзор и всесторонний анализ понятия и природы коррупции, а также проанализированы характерные особенности и ключевые методы борьбы с коррупционными процессами в России на современном этапе. Исследование заслуживает высокой оценки, представляет интерес не только для преподавателей юридических и экономических вузов, аспирантов, студентов, но и для всех, кто интересуется проблемой коррупции и особенностями борьбы с коррупционными процессами в России, а также может иметь практическую пользу для министерств и ведомств, в чью компетенцию входит решение вопросов по борьбе с коррупцией, и для работников правоохранительных органов.

Косов Юрий Васильевич

*Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)*

*Декан факультета международных отношений,
заведующий кафедрой международных отношений*

*Доктор философских наук, профессор
kosov@szags.ru*

Kosov Yuri Vasilyevich

*North-West Institute of Management branch
of Russian Presidential Academy (Saint-Petersburg)*

The Head of the Chair of International Relations

*Doctor of Philosophy, Professor
kosov@szags.ru*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

ПОРЯДОК ЭКСПЕРТИЗЫ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
 - экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является предоставление двух положительных рекомендаций от рецензентов журнала — докторов наук по специальности.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - аннотациями на русском и английском языках, раскрывающими основное содержание статьи (не более 400 знаков с пробелами каждая);
 - ключевыми словами (не более 100 знаков с пробелами каждая) на русском и английском языках.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - номера страницы — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - шрифт — «Times New Roman»;
 - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы в алфавитном порядке), 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:
 - инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - аннотация на русском языке;
 - аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
 - ключевые слова на русском языке;
 - ключевые слова на английском языке;
 - основной текст статьи.

4. Требования к оформлению:

- абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
- расстановка переносов не применяется;
- все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
- все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предвещающим его словом без пробела;
- выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов начинается только в виде тире.

5. Оформление ссылок:

- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
- краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы)¹. Области

библиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Китин Евгений Александрович
СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ
(Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой государственного управления и государственной службы
Кандидат юридических наук, доцент.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки: В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

¹ Примечание: ссылки на электронные ресурсы содержат следующие элементы: фамилия, имя, отчество автора (если приводится); основное заглавие документа; сведения, относящиеся к заглавию; название сайта, пор-

тала; сведения об ответственности (указание принадлежности, назначения сайта); год размещения материала в сети (если указан); режим доступа (URL); дата обращения.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

3. Федорков А. И. Управление процессами обеспечения качества подготовки специалистов в СЗАГС // Материалы научно-методической конференции СЗАГС. 2011. Вып. 1. С. 42–51.

4. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Российско-Шведские отношения в контексте европейских интеграционных процессов // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2010. Т. 1. Вып. 1. С. 61–66.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства. [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2009).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде». [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2008).

3. Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс] // Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс. URL: http://www.narkotiki.ru/jrussia_6800.html (дата обращения: 28.12.2010).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста).

2013. № 1 (49)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор

издательско-полиграфического центра

Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий редакцией научной периодики

С. В. ТАИРОВА

Ответственный секретарь редакции

Е. В. АНТОНОВА

Научные редакторы

д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН

д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 15.01.2013 г.

Подписано к печати 29.01.2013.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,2. Тираж 650 экз.

Заказ № 1/13.

Аннотации статей и перевод

на английский язык В. В. ПОЛЯХ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ

БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректор Н. Б. НЕХОВА

Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс работ выполнен Издательско-полиграфическим центром

Северо-Западного института управления – филиала Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97